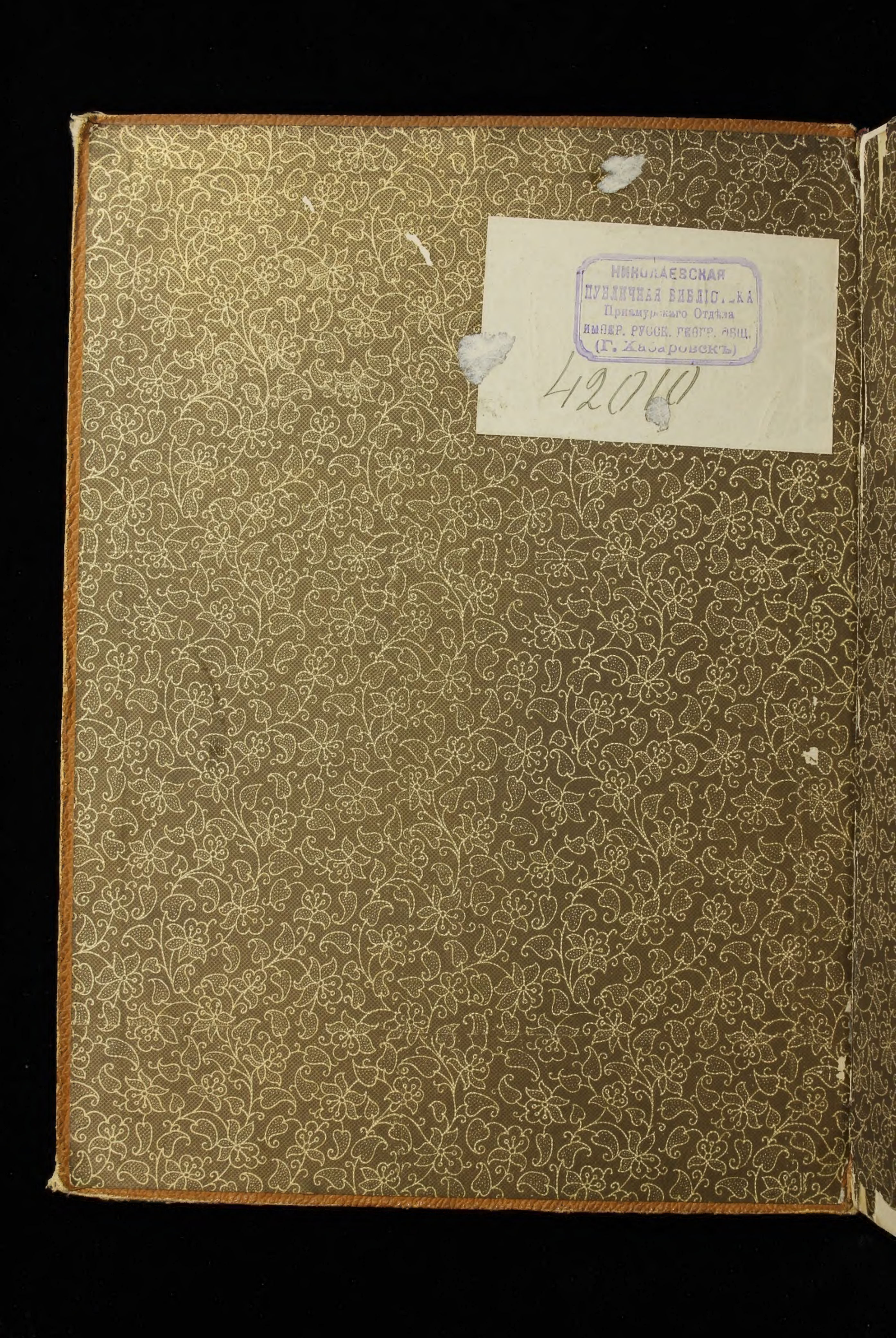
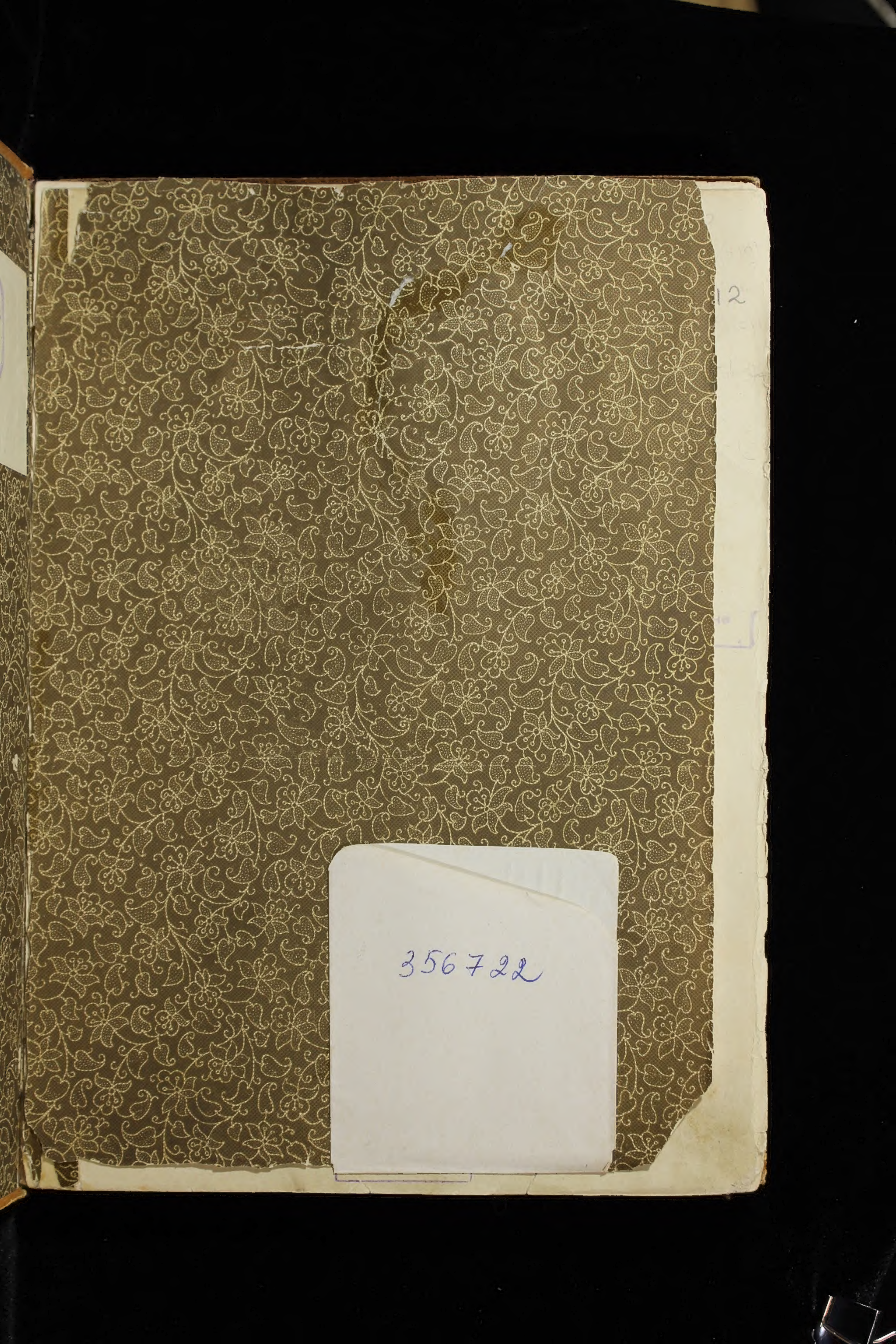
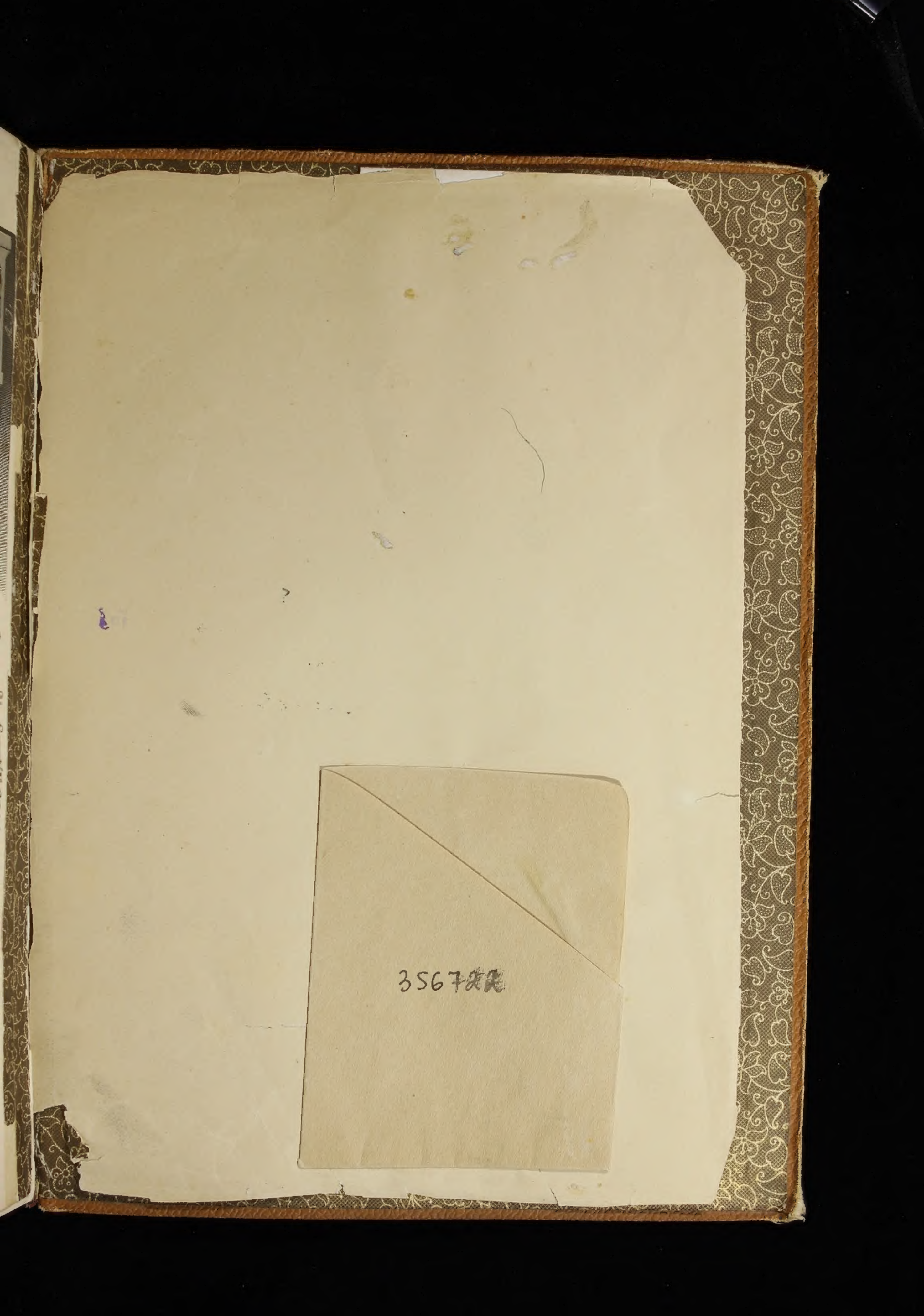
Забайкальская
Казачья Книжка

3567

Забайкальская
Казачья книжка

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 апрѣля 1893 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

Августѣйшій Атаманъ съ атаманами

Войсковой наказный атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ (†).

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Наказный атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска ген.-маіоръ Хорошхинъ.

Атаманъ Цаганъ-Усунской станицы Забайк. каз. войска урядникъ Переваловъ.

Атаманъ I военнаго отдѣла Забайк. каз. войска полк. Власовъ.

Из кн. Забайкальская казачья книжка. - СПб, 1893 г.

Посмотрите хорошенько на рисунокъ и вы въ немъ увидите прошлое и настоящее казачества.

Казаки съ появленія своего на Руси жили на тѣхъ ея окраинахъ, которыя граничатъ съ азіятскими племенами; здѣсь они служили живымъ оплотомъ отъ набѣговъ азіятъ, очень охочихъ на чужую собственность, по берегамъ рѣкъ, озеръ, обширныхъ степей нашей южной Россіи и Сибири; на сотни и тысячи верстъ тянулись казачьи станицы, казачьи караулы, форпосты. Между ними стояли вышки, на которыхъ день и ночь находились сторожи, часовые. Замѣтивъ гдѣ либо угрожающую опасность, часовой зажигалъ пукъ соломы, нарочно укрѣпленный на жерди, и тѣмъ давалъ вѣсть по всему участку.

Всмотритесь въ верхній средній рисунокъ и вы увидите, какъ нехитро были устроены ~~эти~~ их посты: небольшая землянка, вышка изъ трехъ жердей съ небольшой покрышкой.

Во многихъ мѣстахъ такой охраны было недостаточно; напр. на Кавказѣ. Горцы, пользуясь большими камышами, по берегамъ рѣкъ Кубани, Терека, нерѣдко прорывались небольшими партіями и нападали на ближайшія казачьи станицы, убивая, уводя въ плѣнъ, кого успѣвали захватить, угоняли скотъ, поджигали строенія, сѣно; словомъ, причиняли вредъ, сколько могли. На рѣкахъ были мѣста болѣе удобныя для переправъ. Вотъ около такихъ мѣстъ располагались казачьи секреты; нерѣдко по цѣлымъ часамъ поджидая непріятеля, приходилось казакамъ лежать *пластомъ*, отсюда и пошло названіе *пластуновъ*.

Посмотрите направо внизу рисунокъ,— то секретъ залегъ и высторaживаетъ врага. И теперь въ Кубанскомъ войскѣ пѣшіе баталіоны называются пластунскими. Много можно было бы разсказать про геройство пластуновъ, да времени нѣтъ. Подъ Севастополемъ пластуны особенно отличались, не давая покоя французамъ и англичанамъ.

Но вотъ поднялась тревога, зажгли маяки, завидѣли противника развѣдчики и мчится всадникъ съ вѣстями къ посту или сторожѣ.

Рисунокъ на верху съ правой стороны изображаетъ казака въ прежнемъ одѣяніи, скачущаго на степи широкой... Живо собралась станица, и всякій, кто могъ сѣсть на коня, помчался на встрѣчу врагу. Онъ, завидя отпоръ, спѣшилъ уходить, забирая, что можно. Казаки въ догонку за нимъ, пылая мщеніемъ; скачутъ они за нимъ и нерѣдко, увлекаясь преслѣдованіемъ, забываютъ всякую осторожность... Вотъ и наткнулись на новыя скопища или же ихъ повелъ хитрый противникъ на засаду... Кони устали, непріятель многолюденъ; что же дѣлать? Отъ противника не уйдешь, остается умереть съ честью. Съ коней спѣшились, уложили и сбатовали ихъ вокругъ и начали отстрѣливаться, пока хватитъ патроновъ или же пока не подойдетъ выручка. Внизу въ срединѣ небольшая картинка и изображаетъ такое дѣло. Казакамъ такъ «отсиживаться» приходилось не рѣдко; не рѣдко они и гибли гдѣ либо въ степи, вдали отъ своихъ. Напр. въ 1864 году сотня уральцевъ подъ Иканомъ двое сутокъ держалась, стали потомъ отходить къ крѣпости, пока не поспѣла выручка; половина сотни была убита,

а изъ второй половины не было ранено человѣка три-четыре; такъ были дѣла въ 1827 году 15 сибирскихъ казаковъ съ 500 киргизами; и въ 1837 году 32 сибирскихъ казаковъ съ 1000 шайкою тѣхъ же киргизъ; недавно, въ 1869, году 13 уральцевъ погибли въ киргизской степи, наткнувшись на многочисленную шайку киргизъ.

Казачьи войска выставляютъ на службу пѣшія, конныя и конноартиллерійскія строевыя части. На картинѣ и изображены конный казакъ (вверху), конноартиллеристы (внизу) и пѣхотинцы (пластуны).

Многочисленныя заслуги казаковъ не оставались безъ наградъ. Награды давались полкамъ, баталіонамъ, батареямъ, сотнямъ, а также и всему казачьему войску. Такъ, напр., войску давалось особое знамя, иногда георгіевское. Донскому войску неоднократно жаловались: бунчуки, насѣки, булавы. Бунчукъ, или бобылевъ хвостъ, пучекъ конскихъ волосъ на особомъ древкѣ; на рисункѣ есть одинъ бунчукъ. Взяты бунчуки отъ турокъ, у которыхъ прежде ихъ «паши», т. е. главные начальники, имѣли бунчуки, которые и возились около нихъ въ родѣ значка. Насѣка—это трость или посохъ деревянный съ насѣчкою; такой посохъ считался однимъ изъ знаковъ атаманскаго достоинства. Императоръ Петръ Великій пожаловалъ, напр., Донскому войску насѣку (часть ея изображена по срединѣ лѣваго столба на верху его). Потомъ стали давать насѣки и гладкія. Такія насѣки имѣли нѣкоторые изъ донскихъ станичныхъ атамановъ; по примѣру ихъ даны насѣки и всѣмъ станичнымъ атаманамъ и вы ихъ видѣли, конечно, у своихъ станичныхъ атамановъ. Булава—это металлическій вызолоченный шаръ, иногда продолговатый, насаженый на трость, длиною около аршина; на рисункѣ булава показана около бунчука. Булавы давались очень часто запорожскимъ казакамъ, иногда донскимъ; теперь булава не употребляется. Насѣка, бунчукъ, булава—это войсковые *клейноды*, т. е. принадлежности атаманской власти. Особый видъ булавы—перначъ; у него шаръ составленъ изъ нѣсколькихъ долей или частей; въ томъ мѣстѣ, гдѣ доли соединяются, какъ бы граненые выступы. Перначъ есть въ Донскомъ войскѣ. По принятому обычаю, перначъ беретъ, выходя въ войсковой кругъ, лишь Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Перначъ изображенъ на рисункѣ какъ бы укрѣпленнымъ къ колоннѣ. Внизу изображены литавры, данные Черноморскому войску, на нихъ поставлено изображеніе солонки, въ какой императрица Екатерина прислала соль съ (хлѣбомъ вмѣстѣ) черноморскимъ казакамъ при переселеніи послѣднихъ на Кубань. Все это (знамена и пр.) войсковыя регаліи. На Дону, на Кубани они выносятся предъ войсками въ дни войсковыхъ круговъ.

Теперь вы знаете, что изображено на рисункѣ.

Изъ помѣщенныхъ ниже разсказовъ узнаете вы, старые и юные забайкальцы, откуда взялись казаки, какъ они покоряли Сибирь, какъ они забирали Забайкалье и Амуръ, и какъ, наконецъ, образовалось наше войско.

Гордитесь, что, по милости Царской, вы принадлежите къ великой семьѣ казачьей. Многолюдна эта семья; братья ваши донцы, кубанцы, терцы, астраханцы, уральцы, оренбурцы, сибирцы, семирѣченцы, амурцы и уссурійцы широко разселились по нашей матушкѣ Руси. Пять вѣковъ имя казаковъ не сходитъ съ народныхъ устъ; въ эти пять-

сотъ лѣтъ не разъ казаки были грозою враговъ родины... За заслуги казачьи войска получали и много царскихъ наградъ; вѣдь, недаромъ же говорятъ: «За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ». За заслуги же казаковъ во главѣ ихъ всѣхъ атаманомъ стоитъ Первородный Сынъ Государя, будущій повелитель Россіи. Охрана ближайшая Царя и Его Семьи тоже поручена казакамъ; слыхали, конечно, что Собственный Его Величества конвой составляютъ кубанцы и терцы. Если вы такъ счастливы, что принадлежите къ такому славному и почетному сословію слугъ Царя и Отечества, то и не роняйте званіе казака; помните, что по васъ судятъ о другихъ; васъ сравниваютъ съ другими; а развѣ пріятно слышать, когда при сравненіи будутъ говорить не въ вашу пользу? Служите свою службу прямо, правдиво, по присягѣ, живота своего на службѣ не жалѣйте, всякую невзгоду, всякое несчастіе переносите стойко. «Терпи казакъ—атаманомъ будешь!» такъ изстари говаривали наши предки. А коли сталъ атаманомъ, то знай свое дѣло и веди его хорошо. «Атаману первая чарка и первая палка!» тоже недаромъ говорили наши предки, да и намъ завѣщали это.

Изъ помѣщенныхъ ниже разсказовъ узнаете, какъ не легко было служить нашимъ предкамъ; примѣръ ихъ да послужитъ вамъ образцомъ, какъ нужно работать и служить, не покладывая рукъ и не падая духомъ. Разсказы составлены мною и Е. С. Путиловымъ по разнымъ книгамъ и статьямъ, перечислять которыя было бы очень долго, да и нѣтъ надобности.

Я помѣстилъ въ концѣ казачьи пѣсни. Въ нихъ наши предки разсказали и про свое прошлое, и про свою службу и про свою страну и родину. Нѣкоторыя пѣсни можно и пѣть; жаль, нѣтъ нотъ; думаю, что среди васъ найдутся и такіе музыканты, что легко положатъ пѣснь на голосъ. Пѣсни заимствованы изъ разныхъ сборниковъ, а именно: а) «Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ». А. Савельевъ. Спб., 1866 г., б) «Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» составилъ и издалъ Мякушинъ, Спб., 1890 г., в) Сборникъ «донскія казачьи пѣсни» собралъ и издалъ Пивоваровъ. Новочеркасскъ, 1885 года., г) Сборникъ «пѣсни русскаго народа» собралъ Сахаровъ. Спб., 1839 г., д) «Сборникъ свѣдѣній о Терской области», вып. I-й Владикавказъ, 1878 г., е) изъ «Краткаго историческаго очерка Оренбургскаго казачьяго войска» составилъ Стариковъ. Оренбургъ, 1890 года.

Много хотѣлось бы мнѣ передать вамъ про казачью жизнь, про казачью славу, да времени нѣтъ; вы меня поймете изъ того, что я сказалъ, а кому если что не вдомекъ, то и растолкуется. Если чтеніе разсказовъ и пѣсенъ васъ займетъ, если только это чтеніе укрѣпитъ въ старыхъ и молодыхъ, въ большихъ и малыхъ сознаніе чести носить званіе казака и стараніе быть достойнымъ этой чести, то я буду доволенъ; значитъ, я кое-что и сдѣлалъ.

Въ заключеніе самъ скажу, да и васъ попрошу сказать спасибо сибирскому казаку, а вашему командиру батареи, Ефиму Семеновичу Путилову; онъ потрудился не мало надъ составленіемъ книжки и вложилъ въ это дѣло свою казачью душу.

Михаилъ Хорошхинъ.

Во время посѣщенія Забайкальской области въ 1891 году, нашъ Августѣйшій Атаманъ, желая выразить свое благоволеніе къ Забайкальскому казачьему войску, соизволилъ сняться въ г. Верхнеудинскѣ 21-го іюня вмѣстѣ съ атаманами разныхъ наименованій. Въ эти памятные для войска мѣсяцъ и число 40 лѣтъ назадъ, именно въ 1851 году, было утверждено положеніе о пѣшихъ баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска.

По установившемуся обычаю, въ войсковомъ кругу совершается благодарственное молебствіе; Его Высочество осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ войсковой кругъ, бывшій въ г. Верхнеудинскѣ. Послѣ молебствія и смотра Августѣйшій Атаманъ изволилъ быть въ казармахъ 1-й Забайкальской конноартиллерійской батареи, а затѣмъ, возвратившись въ домъ купца Голдобина, гдѣ было пребываніе Его Высочества, въ садикѣ сего дома соизволилъ сняться съ атаманами. Настоящій рисунокъ представляетъ копію съ фотографіи, снятой фотографомъ Пророковымъ.

По правую сторону отъ Его Высочества находится войсковой наказный атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ (нынѣ умершій); по лѣвую сторону помѣщается наказный атаманъ генералъ-маіоръ Хорошхинъ; далѣе находится позади наказнаго атамана атаманъ 1-го военнаго отдѣла полковникъ Власовъ, а рядомъ съ нимъ—атаманъ Цаганъусунской станицы урядникъ Переваловъ.

Для насъ, забайкальцевъ, группа эта особенно дорога тѣмъ, что Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ соизволилъ сняться съ атаманами Забайкальскаго войска и притомъ въ день войскового круга.

Вотъ какой чести удостоилось войско! Гордитесь этимъ, забайкальцы, и будьте всегда и вездѣ достойны такого знака благоволенія къ войску со стороны Августѣйшаго Атамана!

I.

Откуда пошли казаки?

Лѣтъ семьсотъ тому назадъ наша Русь не была такъ велика, обширна и многолюдна, какъ теперь. Москва еще была очень небольшимъ городкомъ и были тамъ еще князья московскіе; Нижній Новгородъ былъ только что заложенъ, Кіевъ былъ большимъ, хорошимъ городомъ. «Стольнымъ» городомъ, т. е. такимъ, въ которомъ жилъ главный, «великій» князь, считался Владиміръ. Въ то же время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь спокойно текутъ рр. Ононъ, Борзи, Урюлюнгуй, Селенга, кочевали монголы, управляемые своими ханами и князьями. Между ними появился одинъ, очень смѣлый, отважный, предпріимчивый. Онъ скоро подчинилъ себѣ другихъ, собралъ воедино разрозненныя племена, покорилъ сосѣдніе народы и сталъ страшнымъ для всѣхъ, принявъ названіе Чингизъ-хана.

И вотъ, предводительствуя несмѣтными полчищами, страшный для всѣхъ Чингизъ-ханъ быстро завоевывалъ царство за царствомъ и дошелъ до предѣловъ нынѣшняго Каспійскаго моря. Въ 1224 году полководцы Чингиза встрѣтились съ русскими князьями на р. Калкѣ, около Азовскаго моря и не такъ далеко отъ города Новочеркасска, главнаго города войска донского. Русскіе потерпѣли жестокое пораженіе, но монголы далѣе не пошли, а пришли снова чрезъ 14 лѣтъ подъ предводительствомъ Батыя.

Напрасно великій князь, собравъ всю свою рать, старался удержать монголъ, въ составѣ войскъ которыхъ были и татары; русскіе были снова жестоко побиты, самъ князь погибъ. Началось разореніе городовъ, селъ и деревень; все грабилось, разрушалось и сожигалось; жители убивались, уводились въ плѣнъ.

Тамъ, гдѣ стояли большіе, цвѣтущіе города, гдѣ русскіе мирно воздѣлывали ниву, гдѣ красовались храмы Божіе, тамъ стало запустѣніе и только въ сѣверныхъ, глухихъ лѣсахъ, среди болотъ, уцѣлѣло населеніе.

Настало тяжелое время для Руси, началось монгольское иго, продолжавшееся двѣсти слишкомъ лѣтъ. Князья обязаны были платить дань, которую часто возили и сами, да и ханы нерѣдко вызывали ихъ на поклоненіе себѣ, или же они ѣздили заступниками и ходатаями за народъ русскій.

Среди такихъ великихъ князей особенно выдѣлился въ первое же время Александръ Ярославовичъ.

Онъ ѣздилъ къ ханамъ въ Монголію и, быть можетъ, находился и недалеко отъ предѣловъ нашего Забайкалья. Великаго князя уважали ханы и просьбы его исполняли. Заступаясь за своихъ подданныхъ въ «Ордѣ», какъ называли тогда монгольское царство, Александръ не давалъ въ обиду русскихъ и иноземцамъ—шведамъ и нѣмцамъ, которые захотѣли было, пользуясь слабостью русскихъ, поживиться на ихъ счетъ. Шведамъ, на берегахъ Невы, князь Александръ нанесъ жестокое пораженіе, за что и получилъ названіе «Невскаго», названіе сохранившееся и до сихъ поръ. Вскорѣ досталось и нѣмцамъ, которые не менѣе шведовъ поплатились за свою дерзость...

Недолго княжилъ Александръ Невскій, всего 11 лѣтъ, но сдѣлалъ много для своего отечества. И благодарный народъ сохранилъ память о немъ, а наша церковь за его праведную, истинно - христіанскую жизнь, причислила его къ лику святыхъ. Мощи великаго князя императоръ Петръ Великій перенесъ въ основанный имъ городъ Петербургъ. Здѣсь они покоятся въ Александро-Невской лаврѣ, не далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ такъ жестоко наказалъ шведовъ. Для награжденія вѣрныхъ и достойныхъ слугъ Царя и Отечества императоръ Петръ учредилъ орденъ св. Александра Невскаго; орденъ этотъ жалуется только старшимъ генераламъ.

Когда-то давно, около 650 лѣтъ, великій князь Александръ былъ въ мѣстахъ или очень близкихъ къ Забайкалью, или, быть можетъ, гдѣ либо и въ предѣлахъ его. Тогда монголы были грозными повелителями, были рѣшителями судебъ Россіи; но прошли вѣка и что осталось отъ царства Чингизъ-хана? Одни остатки монголъ, да развалины городовъ... А возлѣ нихъ, на границѣ уже русскаго государства, какъ стражи его безопасности, раскинулись наши казачьи станицы; высоко въ нихъ красуются, блестя на солнцѣ, кресты на храмахъ Божіихъ...

Для насъ, забайкальцевъ, св. Александръ Невскій имѣетъ особое значеніе. Наша войсковая часовня во имя Александра Невскаго, и въ этой часовнѣ находится дорогой намъ, казакамъ, даръ нашего Августѣйшаго Атамана—образъ Святаго Благовѣрнаго князя.

Гордитесь же тѣмъ, что самъ Августѣйшій Атаманъ пожаловалъ нашему войску, стоящему впереди и на границѣ, изображеніе Того, Кто такъ доблестно служилъ отечеству. Считайте, что святой князь невидимо съ вами также на стражѣ русскаго государства. Когда же будете въ Читѣ, то зайдите въ войсковую часовню и помолитесь невидимо съ нами присутствующему Святому Благовѣрному Князю.

Прошло около ста лѣтъ послѣ нашествія Батыя, народъ понемногу отдохнулъ и сталъ крѣпнуть. Великіе князья начали уже жить въ Москвѣ, сдѣлавъ ее «стольнымъ» городомъ и начавъ «собирать» Русь. Но границы ея были все-таки не далеки. Уже въ ста съ небольшимъ верстахъ отъ Москвы стояла пограничная стража. За границею, южнѣе, было незаселенное пространство, называвшееся у нашихъ предковъ «полемъ». Отъ этого и южная граница называлась иногда «польскою», пограничныя мѣста,—«польскою украйною», рѣки, текущія за этимъ полемъ, «запольными» рѣками.

Одинъ изъ великихъ князей, Дмитрій Іоанновичъ, не вынося притѣсненій татаръ, рѣшилъ помѣриться съ ними и силами.

Въ верховьяхъ рѣки Дона встрѣтились рати: русская подъ начальствомъ самого великаго князя и татарская подъ начальствомъ Мамая.

Здѣсь, на Куликовомъ полѣ, 8 сентября 1380 года, произошла кровавая сѣча и татары были на голову побиты. Кто изъ русскихъ не слышалъ про битву на «Куликовомъ полѣ». Быть можетъ, слыша разсказъ о какомъ либо пораженіи, слышали такъ же и оцѣнку его, какъ «мамаево побоище».

Современники назвали великаго князя Дмитрія «Донскимъ», а церковь сопричислила его къ лику святыхъ. Ежегодно въ одну изъ субботъ (Дмитріева суббота) совершается поминовеніе воиновъ, положившихъ свой животъ.

Радостно встрѣчало населеніе побѣдителя Мамая. При одномъ изъ образовъ Божіей Матери (Гребневскія), находящимся въ нашей первопрестольной столицѣ (на Лубянкѣ), имѣется повѣствованіе откуда этотъ образъ и гдѣ онъ прежде былъ. Въ этой надписи, между прочимъ, значится: «Тамъ (въ верховьяхъ Дона) народъ христіанскій воинскаго чина живущій, зовоміи *казацы*, въ радости стрѣтающи его со святыми иконами и со кресты поздравляюще ему о избавленіи своемъ отъ супостатовъ и приносяще ему дары отъ своихъ сокровищъ, яже имѣху у себя чудотворныя иконы во церквахъ своихъ». Великій князь, продолжаетъ выписка, «съ великою вѣрою и любовію пріемъ и ихъ воинство вельми тѣлесными дары обогативъ и почтивъ, и по вся лѣта устави имъ, казакамъ, свое жалованье за почесть ихъ и сильную храбрость противу супостатъ агарянска языка».

Изъ выписки значится, что образъ поднесенъ казаками, жившими въ городѣ Гребени, откуда и названіе образа «Гребневскія» Божіей Матери. Изъ приведенной выписки видно, что казаки были тѣ же «ратные» люди, жившіе по границѣ и оберегавшіе ее. Позднѣе, именно въ 1444 году, въ лѣтописяхъ прямо уже указывается, что рязанскіе казаки дрались съ татарами; потомъ упоминаются казаки и другихъ русскихъ городовъ.

Спустя сто лѣтъ послѣ Мамаева побоища, русскіе еще разъ встрѣтились съ татарами, но до битвы не дошло, и татары, пришедшіе было наказать русскихъ за то, что перестали платить дань, ушли обратно. 1480 годъ считается концомъ монгольскаго ига; Русь, «собранная» московскими великими князьями, стала независимою и сильною настолько, что начала подчинять себѣ и разныя татарскія царства, на которыя распалось большое татарское царство («Золотая Орда»).

Теперь въ «полѣ» хозяевами стали уже выходцы изъ Руси, тѣ люди, которымъ было тѣсно дома, которыхъ манилъ просторъ степей, которымъ хотѣлось испытать свободную жизнь, полную всякихъ лишеній, полную борьбы съ «басурманами», словомъ, тѣ люди, у которыхъ, по народной пѣснѣ, «сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась, которымъ грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Вотъ эти свободные-то люди стали называться также казаками, т. е. людьми вольными, стали селиться станицами и стали образовывать военныя общины и тѣмъ положили начало казачьимъ войскамъ.

Въ 1552 году царь Іоаннъ IV Василье-

*

вичъ, прозванный Грознымъ, покорилъ Казань и разрушилъ казанское царство, а за нимъ скоро было покорено и астраханское царство. Все теченіе рѣки Волги до впаденія ея въ Каспійское море было очищено отъ татаръ; и русскіе купцы, а равно и азіатскіе повезли свои товары. Здѣсь и было раздолье казакамъ. Имъ было чѣмъ поживиться, было и гдѣ укрыться. Слава о добычѣ, о привольной жизни казаковъ росла быстро и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе шло къ нимъ народа съ разныхъ сторонъ. Всѣхъ они принимали, всѣ были равны, всѣ были товарищи. Спустились казаки внизъ по рѣкѣ Дону и засѣли близъ его устья и на другихъ рѣкахъ.

Скоро «донскіе» казаки стали страшны басурманамъ и царь Іоаннъ IV, въ 1570 году, шлетъ имъ милостивую грамоту и подарки. Съ этого года ведетъ свое старшинство славное донское казачье войско; самый старшій и почетный членъ въ семьѣ казачьихъ войскъ.

На Волгѣ тоже казаки пріумножились и не давали спуска и русскимъ купцамъ. Царь Іоаннъ IV послалъ противу нихъ войско; казаковъ «погромили» и часть ихъ бросилась на р. Яикъ, нынѣ р. Уралъ. Отсюда яицкіе казаки стали ходить и на службу царскую. Въ первый разъ это было въ 1591 году и съ того времени ведетъ свое старшинство уральское войско, называвшееся прежде яицкимъ. Немного ранѣе казаки основались и на р. Терекѣ (нынѣ терское казачье войско).

Вотъ откуда пошли казаки.

II.

Ермакъ Тимофеевичъ.

Еще задолго до покоренія Казани, русскіе люди пошли по разнымъ сѣвернымъ рѣкамъ и проникли въ предѣлы нынѣшней Вятской и Пермской губерній. Сюда манило многое: дремучіе лѣса, богатые пушниной, охота на звѣря и птицу, полный просторъ и независимость. Здѣсь же открыты были соляные источники и здѣсь же основали соляныя варницы. Все глубже и дальше уходили русскіе на Востокъ. Дошли они и до Уральскихъ горъ, или до «Камня», какъ называли да и теперь называютъ эти горы. Отдѣльные смѣльчаки переходили и за «Камень» къ разнымъ племенамъ, сбирали съ нихъ ясакъ и дань соболями, разными цѣнными мѣхами.

Но здѣсь русскіе натолкнулись на болѣе предпріимчивыхъ людей, татаръ, которые сами переходили чрезъ «Камень» и тревожили русскіе городки, производя нерѣдко и опустошенія.

Жили въ томъ краѣ «именитые» люди Строгановы, владѣли они большими богатствами, имѣли заводы, варницы. Для защиты отъ нападеній они держали даже и вооруженныхъ людей, конечно, на полномъ своемъ счету. Пригласили Строгановы къ себѣ на службу и волжскихъ казаковъ подъ начальствомъ Ермака.

Слухи о богатствахъ, находящихся по ту сторону Уральскихъ горъ, не давали, повидимому, покоя смѣлымъ и рѣшительнымъ людямъ, да и обиды отъ татаръ не хотѣлось сносить. И вотъ постепенно созрѣла мысль: послать дружину за «Камень» для покоренія тамъ живущихъ народовъ. Царь Іоаннъ Грозный далъ свое согласіе.

1-го сентября («о Семеновъ день») 1581 г. отрядъ, предводительствуемый Ермакомъ Тимофеевичемъ, отслуживъ молебенъ и напутствуемый добрыми пожеланіями Строгановыхъ и собравшагося на проводы множества народа, усѣвшись на струги (лодки), двинулся вверхъ по рѣкѣ Чусовой, потомъ по ея притоку Серебряной. Далѣе, перетащившись «волокомъ» до рѣчки Жеравли, отрядъ принужденъ былъ остановиться здѣсь на зимовку, и только уже весной 1582 года дружина Ермака могла предпринять дальнѣйшій походъ по рр.: Жеравлѣ, Барандѣ, Тагилу, Турѣ и Тоболу.

Вся дружина Ермака состояла не больше какъ изъ 840 человѣкъ, изъ которыхъ было 540 казаковъ, пришедшихъ съ Волги, Дона, Яика, изъ Казани и Астрахани, и 300 человѣкъ воинскихъ «служилыхъ» людей, состоящихъ на службѣ у Строгановыхъ: «литвы, и нѣмецъ, и татаръ, и русскихъ людей, буйственныхъ и храбрыхъ».

Казаки заставили Строгановыхъ дать, кромѣ боевыхъ припасовъ и продовольствія, знамена съ иконами, на каждую сотню по знамени. Весь отрядъ свой Ермакъ раздѣлилъ на сотни, пятидесятки (полусотни) и десятки, въ отрядѣ было 4 есаула и полковые писаря, 3 священника.

Сибирскимъ царствомъ въ это время владѣлъ, по изгнаніи князя Едигера, Шибанскій ханъ Кучумъ, человѣкъ очень воинственный и предпріимчивый.

Къ счастію казаковъ, сибирскіе «народцы» еще не были въ то время знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и поэтому «огненный бой» казаковъ производилъ на жителей большой страхъ. Слухъ о страшныхъ пришельцахъ, стрѣляющихъ «невидимыми стрѣлами», быстро распространялся по Сибири, способствуя тѣмъ Ермаковой дружинѣ безъ особеннаго труда покорять «сибирскіе народцы» и забирать ихъ «землицы».

Первое значительное дѣло съ сибирянами у Ермака было уже на р. Турѣ, когда пришлось брать съ бою городокъ князя Епанчи, недалеко отъ нынѣшней Тюмени. Послѣ того казакамъ пришлось выдержать еще нѣсколько большихъ битвъ и малыхъ стычекъ съ непріятелемъ. Желая задержать движеніе казаковъ, Кучумъ приказалъ чрезъ Мурзу Карачу перегородить въ одномъ мѣстѣ р. Тоболъ желѣзными цѣпями, но казаки порвали ихъ.

21-го іюня 1581 года, подлѣ урочища Бобасана, гдѣ скопилось множество татаръ, остяковъ, чувашей и вогуличей, у Ермака было кровопролитное дѣло, продолжавшееся, какъ гласитъ лѣтопись, цѣлыхъ пять дней. Пораженіе кучумовскихъ полчищъ, подъ предводительствомъ Карачи-мурзы, было полное. Но походъ замедлялся тѣмъ, что казакамъ приходилось постоянно дѣлать развѣдки незнакомой совершенно мѣстности, среди многочисленнаго непріятеля; приходилось заботиться и о продовольствіи себя.

Въ началѣ октября, овладѣвъ богатымъ городомъ Каратина-мурзы (Карачи-мурзы), казаки пошли вверхъ по Иртышу, къ городу Атики-мурзы. Дѣло подъ Атикскимъ городкомъ было такое горячее, такое трудное, что многіе изъ нашихъ от-

чались въ побѣдѣ и хотѣли уже дать тылъ; только обращенie Ермака къ чувству чести и къ вѣрѣ православной такъ подняло упавшiй было духъ дружины, что казаки одержали и тутъ блистательную и рѣшительную побѣду, не смотря на то, что Чувашья гора, послѣднiй оплотъ Кучума, была сильно имъ укрѣплена. Это было 23-го октября 1581 года. Непрiятельской конницей и пѣхотой здѣсь предводительствовали племянникъ Кучума, Маметкулъ, и вѣрный союзникъ Кучума, князь Урканъ,—оба воины храбрые. Маметкулъ былъ раненъ, искалъ спасенiя въ степяхъ ишимскихъ, захвативъ съ собою, сколько могъ и успѣлъ, изъ своихъ богатствъ... Сибирское царство пало и 26-го октября 1581 года дружина Ермака, потерявшая въ послѣдней битвѣ еще больше сотни человѣкъ, съ торжествомъ вступила въ брошенную Кучумомъ столицу его, Искеръ или Сибирь.

Здѣсь казаки нашли большую добычу, много золота, серебра, мѣховъ, дорогихъ персидскихъ шалей и ковровъ, камней самоцвѣтныхъ, дорогой конской сбруи и 200 арабскихъ кровныхъ скакуновъ. Часть всего этого была подѣлена между побѣдителями, а лучшее изъ захваченной у непрiятеля добычи Ермакомъ было назначено въ даръ царю.

Ласковое обращенie Ермака и его дружины съ побѣжденными народами расположило ихъ къ казакамъ; уже на четвертый день послѣ занятiя Искера къ Ермаку пришелъ одинъ остяцкiй князекъ со своею дружиною, принеся много даровъ и съѣстныхъ припасовъ. Вслѣдъ за этимъ стали возвращаться на свои пепелища татары, вогуличи, остяки и другie мелкie народцы. Ермакъ приводилъ ихъ къ присягѣ и облагалъ небольшой данью.

Наступившiе зимнie морозы не дали возможности Ермаку продолжать дальнѣйшее наступленie по Сибири. Поэтому онъ ограничился только командированiемъ своихъ атамановъ въ окрестности Искера для приведенiя инородцевъ къ присягѣ: такъ, атаманъ Брезга съ 50 казаками ходилъ внизъ по р. Иртышу и покорилъ Демьянскie и Кадышскie городки, а также укрѣпленный городокъ князя Самиры.

Но не дремали и бѣжавшiе изъ Искеры враги Ермака Кучумъ и Маметкулъ; они рѣшили нападать на казаковъ врасплохъ, не давать имъ покою и истреблять по частямъ, что и удавалось; напримѣръ, въ декабрѣ 1581 года Маметкулъ подстерегъ отрядъ казаковъ, бывшихъ на рыбалкѣ, на Абалацкомъ озерѣ, и почти всѣхъ ихъ перебилъ...

Весной 1582 года Ермакъ отправился съ небольшимъ отрядомъ къ устью Вагая и тамъ неожиданно напавъ на Маметкула, взялъ его въ плѣнъ; но все-таки положенie его отряда среди покоренныхъ народовъ сибирскихъ было непрочное. Ермакъ ясно сознавалъ, что дружина его, въ борьбѣ съ туземцами и суровой природой, уменьшенная уже на половину, не можетъ держать въ покорности цѣлые десятки тысячъ враговъ, и рано ли, поздно ли, но ей неминуемо грозитъ истребленie. Слѣдовательно, помощь извнѣ была крайне необходима.

Рѣшено было сначала къ Строгановымъ, а потомъ и въ Москву послать атамана Ивана Кольцо, правую руку Ермака.

Въ Москвѣ были чрезвычайно рады посламъ Ермака. Извѣстie о покоренiи царства Сибирскаго горстью героевъ казаковъ, безъ всякихъ хлопотъ правительства, вызвало

всеобщее ликованіе. Царь не только простилъ Ермака, Кольцо и прочихъ «воровскихъ» казаковъ (какъ тогда называли въ Москвѣ всю «казачью вольницу»), но даже щедро наградилъ Кольцо и всю его свиту; Ермаку же повелѣлъ отправить изъ своей оружейной палаты драгоцѣнную саблю, желѣзную кольчугу, съ мѣдной каймой вокругъ рукавовъ и подола и съ двуглавыми золочеными орлами на спинѣ и на груди; да, кромѣ того, послалъ ему дорогую соболью шубу «со своего царскаго плеча...» Награждены были щедро и братья Максимъ и Никита Строгановы съ дядей ихъ, Семеномъ, прибывшіе въ Москву вмѣстѣ съ Кольцо.

Иванъ Кольцо возвратился изъ Москвы въ началѣ 1583 года и затѣмъ лѣтомъ была отправлена помощь подъ начальствомъ князя Болховского и воеводы Глухова, 500 человѣкъ «царскаго» войска, стрѣльцовъ, къ нимъ нужно прибавить еще человѣкъ 600 «охочихъ» людей (волжскихъ казаковъ и другой вольницы), явившихся на кличъ атамана Кольцо и пожелавшихъ послужить подъ знаменами знаменитаго Ермака, вотъ и все подкрѣпленіе.

Но въ то же время казаковъ постигли и несчастія. Осенью погибъ Иванъ Кольцо съ 40 казаками; на него напали татары, и весь отрядъ былъ истребленъ. Зиму на 1584 г. русскіе терпѣли сильный голодъ, много людей погибло отъ болѣзней.

Лѣтомъ 1584 года Искеръ осадилъ давно не подававшій о себѣ вѣсти Мурза Карача. Предводительствуемые снова Ермакомъ, казаки блистательно отбили нападеніе Карачи.

Еще въ концѣ іюня бѣжавшій Кучумъ распустилъ ложный слухъ, что будто бы къ Ермаку въ Искеръ идетъ бухарскій караванъ съ товарами и что самъ Кучумъ хочетъ перерѣзать ему путь и завладѣть товарами. Ермакъ повѣрилъ этому слуху, и зная, какой лишается онъ помощи, если упуститъ караванъ, не захотѣлъ допустить этого. Для этого онъ отправился на стругахъ, съ дружиною въ 150 человѣкъ къ устью р. Вагая, впадающей въ Иртышъ верстахъ въ 50 выше Тобольска. Плыть пришлось безъ отдыха цѣлый день, подъ проливнымъ дождемъ, въ холодную, вѣтряную погоду. Люди страшно истомились. Не дождавшись каравана и возвращаясь уже назадъ, казаки расположились на ночлегъ на одномъ изъ иртышскихъ островковъ, на высокомъ обрывистомъ берегу. Считая себя здѣсь въ полной безопасности, они не приняли надлежащихъ мѣръ предосторожности противъ нечаяннаго нападенія непріятеля, взявшаго за правило, побивать ихъ враздробь, маленькими отрядами.

Это было въ роковую ночь на 6-е августа 1584 года. Отъ чрезмѣрнаго утомленія казаки всѣ крѣпко заснули; заснули, къ несчастію, и часовые на сторожевыхъ постахъ. Кучумъ, знакомый отлично съ бродами на рѣкѣ, тихонько подкрался съ сильнымъ отрядомъ къ спящей дружинѣ Ермака и напалъ на спавшихъ казаковъ. Началось избіеніе всеобщее, только одному удалось спастись и дать вѣсть о гибели.

О смерти Ермака точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Кто говорилъ, что онъ былъ израненъ и, спасаясь на лодку, оступился, попалъ въ воду и утонулъ; кто разсказываетъ, что онъ прямо бросился въ рѣку, надѣясь доплыть до лодки, которая отошла отъ берега. Чрезъ нѣсколько дней татары нашли и трупъ его, выброшенный волнами.

Еще раньше погибли въ бояхъ сподвиж-

ники Ермака: Иванъ Кольцо, Никита Панъ, Яковъ Михайловъ и другіе.

Матвѣй же Мещерякъ, по смерти Ермака, съ 150 человѣками, оставшимися въ Сибири, совершенно упавъ духомъ, возвратился обратно на Русь, слѣдуя уже не прежней дорогой, но въ обходъ, по рр. Иртышу и Оби.

Но вскорѣ, уже въ правленіе царя Θеодора Ивановича, въ 1585 же году, въ Сибирь явился воевода Мансуровъ, встрѣтившій Мещеряка. Дѣло покоренія Сибири возобновилось съ новыми силами и скоро было окончено. Мансуровъ основалъ, при впаденіи Иртыша въ Обь, Обскій городокъ и окрестныхъ остяковъ привелъ въ подданство Россіи. Въ 1586 году воевода Сукинъ основалъ гор. Тюмень на р. Турѣ, а въ 1587 году воевода Чулковъ основалъ городъ Тобольскъ, около Искера, бывшей столицы Кучума.

Кучумъ, вскорѣ по смерти Ермака, былъ разбитъ и изгнанъ изъ предѣловъ своего царства коварнымъ его данникомъ Сейдекомъ. Окончательно Кучумъ былъ разбитъ воеводою Воейковымъ въ 1598 году, когда все семейство Кучума было взято въ плѣнъ; самъ же онъ бѣжалъ къ ногайцамъ, князья которыхъ и убили его, боясь потерять свое вліяніе на народъ.

Сейдекъ, также воевавшій съ русскими, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ воеводой Чулковымъ и препровожденъ, подобно Маметкулу, въ Москву.

Со смертью Кучума, самаго непримиримаго, самаго энергичнаго врага русскихъ, дѣло завоеванія Сибири быстрыми шагами пошло впередъ: города и острожки быстро основывались одинъ за другимъ, и не прошло и сто лѣтъ со смерти Ермака, какъ уже казаки и другіе вольные «охочіе» люди, разсыпавшись по всей Сибири, прошли ее всю и дошли до Великаго океана, до Камчатки и покорили подъ власть Русскаго Царя.

О дѣйствіяхъ ихъ будетъ изложено ниже.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ Ермакѣ.

Откуда онъ былъ родомъ? Объ этомъ есть только однѣ догадки и говорить что либо утвердительно—трудно. Одно можно сказать болѣе вѣрно и правдиво, что онъ былъ съ казаками и на Волгѣ, и на Дону. Донскіе казаки считаютъ его своимъ.

Въ городѣ Новочеркасскѣ, главномъ городѣ войска донского, главная улица названа именемъ Ермака. Донцы собираютъ деньги, чтобы поставить ему памятникъ.

Откуда слово Ермакъ и что оно значитъ? И объ этомъ толкуютъ различно, но настоящаго все таки не могутъ сказать. Кто говоритъ, что его имя Ермолай, сокращенное Ермоха, и отсюда передѣлали въ Ермака. Кто говоритъ и такъ: Ермакъ значитъ дорожный котелъ и будто бы настоящее имя его Василій, а Ермакъ ему присвоили, потому что въ началѣ, въ артели, онъ былъ кашеваромъ.

О личности Ермака сохранилось очень мало свѣдѣній. Одинъ изъ сибирскихъ лѣтописцевъ, писавшій долго спустя послѣ смерти Ермака, говоритъ о немъ такъ: «Бѣ бо вельми мужественъ и разуменъ, и человѣченъ, и зраченъ, и всякой мудрости доволенъ, плосколицъ, черенъ брадою и власы, прикудрявъ, возрастъ средній и плоскъ, плечистъ». Погибъ Ермакъ въ водахъ Иртыша, но погибъ только тѣломъ и не изгладился изъ памяти народа.

Какъ современники, такъ и потомство видѣли и видятъ въ немъ героя, человѣка, выдѣлившагося изъ толпы, умѣвшаго

управлять людьми, способнаго одушевлять ихъ и совершившаго великое дѣло. Онъ отворилъ двери русскимъ въ Сибирь, ему, какъ первому, тяжело было съ дружиною разбить преграды, стать твердою ногою на новой землѣ... Послѣ него стало это легче.

1839 года 23 августа происходило въ Тобольскѣ особенное торжество, открытіе памятника Ермаку. На крутомъ обрывѣ высокаго, нагорнаго берега Иртыша, стоитъ высокая гранитная пирамида. На доскѣ, прибитой къ пирамидѣ, по повелѣнію императора Николая I сдѣлана надпись: «Покорителю Сибири Ермаку». На одной сторонѣ надпись: «1581»—годъ покоренія Сибири, на другой: «1584» — годъ смерти Ермака; наконецъ, на четвертой: «Воздвигнутъ въ 1839 г.».

На торжествѣ присутствовалъ генералъ-губернаторъ, нарочно прибывшій изъ Омска, всѣ гражданскія власти, войска. Духовенство, поднявъ иконы, пошло къ памятнику при звонѣ во всѣхъ церквахъ города. Церковная служба состояла въ благодарственномъ молебствіи, окропленіи памятника св. водою. Послѣ многолѣтія Царствующему Дому, діаконъ произнесъ: «Ермаку Тимофеевичу вѣчная память». Изъ пушекъ былъ произведенъ 101 выстрѣлъ.

Когда праздновали трехсолѣтіе со времени покоренія Сибири, то высочайше повелѣно одному изъ казачьихъ полковъ сибирскаго казачьяго войска именоваться сибирскимъ казачьимъ «Ермака Тимофеева» полкомъ.

Одно изъ знаменъ, бывшихъ у Ермака, хранится и теперь въ гор. Омскѣ въ войсковой церкви сибирскаго казачьяго войска.

Вѣчная же память тебѣ, доблестный казакъ, съ честію потрудившійся на славу Россіи и на славу казачества!

III.

Занятіе Сибири.

Слухи о богатствахъ вновь занятыхъ земель быстро пошли по всей Руси православной. Такихъ людей, которымъ было дома тѣсно, которыхъ манило куда-то вдаль, было много. И вотъ всякіе «охочіе» люди охотно шли сами, шли на приглашеніе, шли и по приказу правительства, которое было довольно, когда открывались новыя земли, облагались ясакомъ новыя племена.

Казакамъ наказывалось идти сибирскою землею, отыскивать «новыя землицы», брать *ясакъ* со встрѣчныхъ людей, приводить ихъ подъ высокую государеву руку, ставить жилыя мѣста. Казаки шли, оставляя за собой рядъ небольшихъ остроговъ. Изъ нихъ они расходились потомъ небольшими артелями въ разные концы Сибири. Большія рѣки со многими притоками помогали казакамъ подвигаться довольно скоро. По текущимъ съ юга на сѣверъ рѣкамъ они то спускались до промерзлыхъ сѣверныхъ болотъ, по которымъ ходили кочевники съ своими оленями, до самаго моря, то поднимались до густыхъ, неоглядныхъ лѣсовъ, на югѣ, до каменныхъ хребтовъ. Весною и лѣтомъ плыли по рѣкамъ на кочахъ и дощаникахъ

(большое судно, съ одною мачтой и съ палубой; кочъ былъ саженъ въ 12 длины; маленькій кочъ звался кочеткомъ). Въ этихъ посудинахъ иной разъ не было ни одного желѣзнаго гвоздя, ни одной желѣзной скобы. Даже якори были деревянные и для тяжести къ нимъ привязывали камни. Канаты дѣлали изъ оленьей кожи; изъ нея нарѣзывались ремни и сплетались. Вмѣсто парусовъ, за недостаткомъ холста, развѣшивались сыромятныя оленьи шкуры. Когда подходила зима, суда оставлялись на какомъ нибудь волокѣ и строилось зимовье. Промышленники, забиравшіеся на сѣверъ часто раньше казаковъ, ставили больше въ лѣсу, или около него, къ звѣрю ближе; казаки же—по рѣкамъ, а иной разъ гдѣ придется. Въ отличіе отъ сосѣдей-нехристей, около зимовья ставился большой деревянный крестъ. Выпадали глубокіе снѣга, въ полѣ вьюжило; трещали страшные морозы... Зимовье часто кругомъ заносило высокими сугробами, и только небольшая струйка дыма указывала повременамъ, что въ занесенной одинокой избѣ есть люди. Казаки и промышленники подвязывали къ ногамъ длинныя лыжи и пускались на нихъ по лѣсамъ и равнинамъ—одни за звѣремъ, другіе—за сборомъ царева ясака. Припасы везли на оленяхъ или собакахъ, запряженныхъ въ легкія *нарты*.

Изъ простого огороженнаго зимовья выросталъ *острожекъ*, а потомъ острогъ. Такъ называли всякое обнесенное тыномъ мѣсто. Тынъ или частоколъ дѣлался изъ свай, которыя, будучи врыты стоймя острыми, обтесанными концами, торчали кверху. За острожнымъ тыномъ, который поставить было дѣломъ скорымъ и не мудренымъ, рубились избы, или копалось жилье въ землѣ. Такія укрѣпленныя мѣста были обыкновенно расположены въ началѣ какого нибудь волока съ одной рѣки на другую, или около рѣчного устья. Такъ какъ строили ихъ на скорую руку и неумѣло, то иные острожки стояли недолго: подгнивали или вовсе разваливались; случалось, что ихъ истреблялъ пожаръ. Поджоговъ боялись сильно, да они страшны были въ мѣстахъ, гдѣ кругомъ стояли лѣса. Лѣса эти часто горѣли, а тушить ихъ никто и не думалъ. Если въ острогѣ скоплялось довольно много народу, то случалось, что ставили и маленькую церковь на мѣсто прежней часовни. Города рубились отдѣльно, но бывало и такъ, что острогъ съ городомъ стояли вмѣстѣ: снаружи—острожный палисадъ (тынъ), а внутри, съ деревянными рублеными стѣнами и башнями, городокъ. Между тыномъ и городкомъ жили обыватели; тѣсно было, — такъ селились и за тыномъ въ полѣ. Въ городѣ стояли: церковь, воеводскій дворъ, *зелейные* (пороховые) погреба, казенные амбары. Служилымъ и рабочимъ людямъ, плотникамъ, кузнецамъ и пр., требовались топоры, тесла, ножи, всякій заводъ. Безъ топора нельзя было въ Сибири и шагу сдѣлать.

Для поселеній выбирали мѣсто повыше—на пригоркѣ или на рѣчномъ юру, чтобы весной сильная сибирская вода не затопляла. Коли мѣсто было удобно, то о немъ отписывалось, что оно *«угоже и крѣпко, и рыбно, и пашенка не велика есть, и луговъ много, и гдѣ стояти городу и то мѣсто высоко—большая вода не поимаетъ»*. Города строили казацкіе головы, сотники, боярскіе дѣти. Постройка ихъ обходилась, на нынѣшнія деньги, очень дешево: сажень палисада—20 копѣекъ, башня—рубль [1]).

[1]) Рубль стоилъ вдвое противъ нынѣшняго. Рубля (монеты) не было; рублемъ звали сто копѣекъ, отъ

Число поселеній увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ ними—и число переселенцевъ изъ-за Уральскихъ горъ. Между ними, къ концу пятисотыхъ годовъ, были въ Сибири не одни служилые люди—казаки, да промышленники; изъ сѣверныхъ русскихъ городовъ (Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска) шли охотой и высылались еще пашенные люди и торговцы. Промышленники и торговцы, забираясь на сѣверъ Сибири, украдомъ вели выгодный для себя и убыточный для казны торгъ. Сначала это имъ сходило съ рукъ, а послѣ провѣдали о продѣлкахъ въ Москвѣ и приказали стеречь государево добро и людей безъ вѣдомо не пускать. До вступленія на престолъ Михаила Өеодоровича Романова у русскихъ въ Сибири было уже нѣсколько городовъ (Тобольскъ, Тюмень, Пелымъ, Березовъ, Тара, Томскъ и другіе).

Жители сибирскихъ поселеній кормились охотой и рыбною ловлей; гдѣ было можно, тамъ заводили пашни. Спустя лѣтъ 80 послѣ смерти Ермака, русскіе далеко отошли отъ сѣверныхъ тундръ и Уральскаго хребта. Въ 1604-мъ году построенъ былъ Томскъ; для него приказано было набрать 50 человѣкъ охочаго люда и дать имъ по два рубля съ полтиной, хлѣба—по четверти муки, по полъ-осьминѣ крупъ, да столько же толокна. Наказывалось прибрать молодцовъ добрыхъ, которые бы стрѣлять умѣли. Работы этимъ молодцамъ было не мало: они должны были расчищать дороги, ровнять пеньки послѣ вырубленныхъ лѣсовъ... При Михаилѣ Өеодоровичѣ, а послѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Сибири, особливо въ южной ея половинѣ, было не покойно: кромѣ туземцевъ, вставали противъ русскихъ татары и киргизы; а позже не было покоя отъ калмыковъ. Кочевники жили на югѣ Сибири и казакамъ-поселенцамъ приходилось отъ нихъ такъ же терпѣть, какъ въ прежніе годы русскимъ крестьянамъ отъ татаръ. Кочевники приходили и жгли остроги, угоняли скотъ, били людей. На краю степей, которыя лежали на юго-западѣ въ перемежку съ горами, надо было ставить крѣпости посильнѣе, заводить пушки, сажать ратныхъ людей побольше; но народу въ Сибири было еще очень мало: киргизскія и калмыцкія толпы приходилось разбивать по частямъ. Города Тара и Кузнецкъ служили русскимъ защитой отъ этихъ разбойниковъ, а между тѣмъ въ Тарѣ, для охраны плодородной Барабинской степи, было всего 60 казаковъ.

Казаки шли и сѣверомъ и югомъ, вездѣ ихъ можно было встрѣтить. Случалось такъ, что на сѣверѣ поставятъ острогъ или зимовье (ясачное) и ходятъ изъ него за ясакомъ къ югу; южнѣе, другая казачья артель поставитъ свой острожекъ и идетъ собирать ясакъ на сѣверъ. Сборщики столкнутся и выйдетъ ссора. Кончались эти ссоры обыкновенно тѣмъ, что выросталъ большой воеводскій городъ и прикажутъ служилымъ людямъ ходить за ясакомъ только изъ него, свозить ясакъ государевъ въ его амбары. Старательно собирались казаками дорогія шкурки сибирскихъ звѣрей: соболей, чернобурыхъ лисицъ и песцовъ. Съ каждымъ годомъ увеличивались доходы казны. Такъ, въ 1586 году, съ остяковъ взятъ былъ двухъ-годичный ясакъ, всего по 14 соболей, а лѣтъ черезъ 30 сборъ сталъ получаться громад-

слова *рубить:* прежде за товаръ платили серебромъ, на вѣсъ; отсюда: рубль — отрубокъ серебра, извѣстной цѣны. Гривна рубилась на-четверо (на 4 рубля). Рубль звали еще *тинъ;* отсюда слово—*полтина.*

ный: бывало такъ, что лыжи вмѣсто оленьей или выдровой шкуры подбивали соболями; на плечахъ простыхъ казаковъ надѣты были иной разъ собольи шубы. Въ 1640-мъ году доходу было больше 170 сороковъ соболей, а это выходитъ около семи тысячъ шкурокъ.

Укрѣпившись на Оби и ея притокахъ, казаки дошли до другой великой рѣки — Енисея, и въ 1621-мъ году поставили Енисейскій острогъ. Онъ скоро развалился, потому что строили его не мастера; срублены были новыя стѣны и небольшая церковь. Въ нѣсколько лѣтъ городъ выросъ и въ немъ стала скопляться государева казна, назначаемая въ отправку до Москвы. Изъ описанія города видно, что за тыномъ выстроены были, кромѣ казенныхъ, два хлѣбныхъ амбара, съѣзжая изба да таможенная. Въ Енисейскѣ бывалъ большой торгъ, на который съѣзжались окружные народцы и русскіе торговые люди, мѣнять разныя подѣлки на мѣха; потому, кромѣ воеводскаго двора, былъ и гостинный. Въ тыну стояла и тюремная изба.

«Землицамъ» все еще конца не видѣлось. Посланные ихъ отыскивать писали воеводѣ о своихъ походахъ; а воевода доносилъ въ Москву объ осмотрѣ такихъ-то мѣстъ, о сборѣ ясака съ такихъ-то людей и ждалъ указовъ. Народъ изъ Руси продолжалъ высылаться на обширныя сибирскія пустыни. Въ 1630-мъ году изъ-за Уральскихъ горъ отправлены были до Тобольска 500 мужиковъ и 150 бабъ съ дѣвками. Выселены были они изъ ближнихъ къ Сибири мѣстъ.

За Енисеемъ все сильно измѣнилось: стало больше лѣсовъ и болотъ; погода становилась все непостояннѣе и суровѣе; часто показывались горы (камень). Ясакъ приходилось брать съ тунгузовъ и *Брацкихъ мужиковъ;* съ мѣстами мѣнялись и люди. Прошло съ основанія Енисейскаго острога еще лѣтъ десять... Доносили казаки, что найдена ими третья великая рѣка — Лена, и течетъ эта рѣка тоже на сѣверъ, какъ первыя двѣ рѣки (Обь и Енисей), Алексѣй Михайловичъ приказалъ поискать на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ. Кто хотѣлъ селиться, тѣмъ выдавали изъ казны денегъ на одну лошадь, безъ отдачи, а на другую лошадь вѣрили въ долгъ, на два года; изъ казны же давали пашеннымъ людямъ серпы, косы, сошники. На государя шла седьмая десятина. Дѣло воеводы было оповѣстить, сколько на какомъ мѣстѣ можно поселить людей. Кликали на рынкахъ кличъ и на другія рѣки, въ томъ числѣ на Илимъ. Рѣка эта пала въ верхнюю Тунгузку, что пала въ Енисей, отъ нея до Лены было вплоть. Кругомъ виднѣлись покрытые лѣсомъ хребты... Илимскимъ поселенцамъ были тоже льготы на цѣлыя пять лѣтъ, а послѣ этого государю шелъ пятый снопъ.

На самой Ленѣ русскіе нашли якутовъ. Прошелъ между казаками слухъ о народѣ *Еко* еще давно, и казацкому головѣ, Василью Мартынову удалось его объясачить. На Ленѣ добыли много соболей; въ 1630 году одинъ Васильевъ привезъ ихъ оттуда до двухъ тысячъ.

Якутскъ былъ выстроенъ лѣтъ черезъ десять съ небольшимъ послѣ прихода на Лену. Мѣсто было ровное и песчаное; съ двухъ сторонъ виднѣлись невысокія горы; кое-гдѣ были разбросаны озера и темнѣли лѣса. Скоро городъ этотъ сталъ главнымъ мѣстомъ въ восточной, Заенисейской Сибири. Изъ него, поднимаясь по рѣкамъ Алдану, Маѣ, и Юдомѣ, казаки дошли въ 1640-мъ году до высокихъ горъ съ голыми вершинами и увидали передъ собой много

воды, безъ конца много... Это было *Тунгузское* (Охотское) море; прозывалось оно такъ по народу, который около него жилъ, а у сибирскихъ племенъ извѣстно было подъ именемъ *Ламы* (что значило: вода).

Не часто, а приходилось до этого казакамъ плавать по морю, прилегающему къ сѣверной сторонѣ Сибири. Знакома была имъ Обская губа и та часть *соленой воды*, что около нея; въ другомъ концѣ, въ то время, какъ якутскіе казаки переходили черезъ горы и уперлись въ *Ламу*, немудрящія русскія суда плавали мимо Ленскаго устья.

Приходилось много и терпѣть служилымъ людямъ. Вотъ образчикъ одной челобитной, поданной въ 1640 году служилыми людьми изъ енисейскаго острога:

«Посланы мы были, холопы твои, на государеву службу, на Лену рѣку съ атаманомъ съ Осипомъ Алексѣевымъ Галкинымъ и въ нынѣшнемъ году, сентября въ 6-й день, пришли мы, холопы твои, подъ Ленскій волокъ и съ судовъ твою государеву казну выносили и свои запасенка выносили-жъ, и по твоему государеву указу тотъ атаманъ Осипъ Галкинъ насъ, холопей твоихъ, изъ-подъ Ленскаго волока на твои государевы дальнія службы разослалъ тотчасъ, не мѣшкая, для твоего государева ясачнаго сбора, и мы, холопи твои, государь, подымаючись на твою, государеву, дальнюю службу и своихъ запасенковъ продавали дешевою цѣной, пудовъ по десяти и больше, а за волокъ наймовали подъ свои запасенка дорогою цѣною, съ пуда по полтинѣ, и по 20 алтынъ, а лыжи, государь, покупали рубля по три и больше, а топоры, государь, покупали по рублю и по полутора, а сукна покупали съ собою для всякой своей нужи бѣлаго аршинъ—съ гривной по 20 алтынъ и по 15 алтынъ, и котлы—фунтъ съ гривной по десяти... А будучи на твоей, государевой, службѣ недѣль по тридцати и больше, ободралися, государь, мы, холопи твои, на тѣхъ твоихъ государевыхъ дальнихъ службахъ, наги и босы. И будучи, государь, на твоей государевой службѣ, тѣ топоренка приломали, а новыхъ намъ, государь, холопямъ твоимъ, купить нечѣмъ... А прежь сего посыланы были мы, холопи твои, на твою государеву службу, въ Брацкую землю, рядомъ года по два и по три», и т. д.

Дальше говорилось, что такимъ-то вотъ служилымъ людямъ было дозволено торговать послѣ ясачнаго сбора, а имъ—нѣтъ. На иновѣрцевъ жаловались, что тѣ пограбили у нихъ *топоренка* и ножи, шубы, и котлы, и зипуны. «*Мы, холопи твои, нужны бѣдны*».

Дано было, говорилось въ челобитной, намъ хлѣбное и денежное жалованье на два года, а соляное не дано; отпущенныхъ на всякій дощаникъ ста двадцати аршинъ холста не хватило: довелось прикупать его—на каждаго человѣка аршинъ по тринадцати и больше. Покупали холстъ на государево жалованье; холсты подрались и погнили. «Будучи посыланы за государевы недруги, измолоть жалованный хлѣбъ (рожь и овесъ) не изоспѣли: запасенка, идучи по *шиверамъ* [1]) и по порогамъ, подмочили, и тотъ нашъ запасенко у насъ, холопей твоихъ, погнилъ. Пороху и свинцу тоже не было дано и порохъ со свинцомъ покупали подъ волокомъ дорогою цѣной: фунтъ—по полтинѣ и по 20 алтынъ, а свинцу фунтъ—по полуполтинѣ и по 10 алтынъ».

[1]) Шиверы—камни, торчащіе изъ рѣки, перекаты.

«Пришелъ твой указъ, писали служилые люди,—и въ твоемъ государевомъ указѣ писано, что велѣно ему, атаману, отдать изъ своего войска, изъ служилыхъ людей, изъ тридцати и изъ дву человѣкъ шестнадцать человѣкъ, и онъ отдалъ насъ, холопей твоихъ, нужныхъ и бѣдныхъ и не заводныхъ и *топоромъ неумѣющихъ;* а мы, холопи твои, въ конецъ разорены и пограблены; намъ, холопямъ твоимъ, государь, будучи у твоей государевой работы у судовъ, свои достальные запасенка придержать и достальные лапотьишка придрать и впредь твоей государевой службы служить не зачѣмъ (т. е. не съ чѣмъ). Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

Стоя за свою волю, тунгузы и брацкіе люди нерѣдко отказывались платить ясакъ— поднимались. Въ ихъ земляхъ еще задолго до основанія Якутска поставлены были остроги: Илимскій и Брацкій. Въ случаѣ сильнаго непослушанія, служилыхъ людей посылали на инородцевъ *громить ихъ немалымъ разореніемъ.*

Въ 1641-мъ году посланъ былъ служилый человѣкъ Василій Власьевъ на Брацкую землю, чтобы тунгузовъ и брацкихъ людей привести подъ государеву руку. Люди эти не давали ясака. Не зная, какъ пройти, Власьевъ ловилъ тунгузовъ въ вожи; поймалъ какого-то шамана и повелъ съ собой. Брацкіе люди, видя бѣду, рѣшили драться сколько силъ хватитъ. Съ ними за-одно были и тунгузы. Много было *куячныхъ* [1]) и конныхъ людей. Долго дрались брацкіе люди съ русскими; въ лѣсу они упорно отстрѣливались изъ-за деревьевъ. Сѣли отъ нихъ русскіе въ засѣку, и насилу отбились.

[1]) Куяки—все одно что латы. Они были или чешуйчатые, или наборные изъ кованыхъ пластинокъ по сукну.

Послѣ Власьевъ доносилъ, что онъ ходилъ на брацкихъ *мужиковъ* и что Чепчугуевъ улусъ *погромили,* убили человѣкъ съ тридцать, а живкомъ взять ни одного не удалось, потому что тунгузы сѣли въ юрты, въ осаду. Уговаривали русскіе Чепчугуя, чтобы сдался, а онъ кричалъ имъ въ отвѣтъ: «Живъ вамъ, казаки, въ руки не дамся!» Силенъ былъ и ловокъ Чепчугуй: на комъ были куяки, онъ и куяки пробивалъ. Какъ ни стрѣляли русскіе, сколько пороху ни тратили, но сдѣлать съ нимъ ничего не могли. Взяли казаки да и зажгли Чепчугуеву юрту. Силачъ Чепчугуй сгорѣлъ въ ней съ своимъ сыномъ, а жену съ другими дѣтьми верхомъ выкинулъ.

Въ донесеніи Василья Власьева попадаются подробности о самомъ дѣлѣ: «*трехъ человѣкъ*», «доносилъ казакъ», *схватили, и коня подъ мужикомъ схватили, и куякъ съ мужика сняли.*

Посыланъ былъ еще на государевыхъ измѣнниковъ и непослушниковъ брацкихъ мужиковъ (т. е. людей) казачій десятникъ Василій Бугоръ со 130-ю человѣками. Доносилось послѣ, что «*Божіею милостью и государевымъ счастьемъ отъ тѣхъ большихъ брацкихъ мужиковъ* (ихъ было больше 500) *государевы служилые люди устояли и государю служили и бились съ тѣми брацкими людьми, на томъ бою не щадя головъ своихъ*». Въ концѣ донесенія прилагался послужной списокъ тѣхъ казаковъ, которые бились *явственно.* Василій Бугоръ сѣлъ съ 80-ю человѣками въ обозѣ и бился оттуда; затѣмъ перечисляется по именамъ, кто и какъ бился: «*Поспѣлко Осиповъ бился и мужика убилъ... Якунка Кудринъ бился и мужика убилъ, а у него въ то время коня ранили... Гришка Ивановъ Тапуринъ бился, мужика убилъ, а его Гришку на томъ бою другой брацкій мужикъ*

изу лука ранилъ въ рожу, пониже львыго глаза.» Про другого писалось, что тотъ *«на темной дракѣ мужика срубилъ»* и пр.

Отъ Брацкихъ людей было на казаковъ три *напуска.* Высчитывалось по порядку, кто въ какомъ напускѣ бился и что сдѣлалъ. Люди, какъ видно, дрались, разбирая съ кѣмъ, и больше все въ рукопашную, «схватившись за руки», какъ во времена Ермака. У брацкихъ людей бой былъ лучной, копейный и сабельный. Порохъ казакамъ былъ дорогъ и тратился въ крайности. Случалось, что брацкіе люди приходили подъ острогъ *всей землицей,* на коняхъ, *збруйны,* въ куякахъ и шишакахъ [1]).

IV.

Казакъ Семенъ Дежневъ.

Въ 1636 году якутскіе городовые казаки и охочіе люди по рѣкѣ Ленѣ спустились до самаго Сѣвернаго Ледовитаго океана, или, какъ тогда говорили, Студенаго моря, дѣлая попытки берегомъ моря добраться на западъ до устьевъ Енисея; пытались пробраться моремъ же и на востокъ, но неуспѣшно.

Послѣ этого пошли туда сухимъ путемъ. Дошли съ Лены до рѣкъ: Яны, Индигирки, Алази и до Колымы. Оттуда вольные открыватели «землекъ» привозили весьма цѣнный товаръ, находимый даже и въ настоящее время, это мамонтовы клыки и моржовые зубы. Здѣсь же получены были свѣдѣнія, что дальше на востокъ есть какая-то большая рѣка Анадырь. Охотниковъ попытать счастье на Анадыри нашлось много. Одному изъ нихъ, холмогорскому уроженцу Өедоту Алексѣеву, было разрѣшено «государевымъ приказчикомъ» на Колымѣ набрать партію для отысканія Анадыри морскимъ путемъ. Въ числѣ явившихся на кличъ оказался и казакъ *Семенъ Дежневъ,* принявшій на себя обязанность начальствовать всею партіею.

Первая попытка Дежнева, вышедшаго въ море въ іюнѣ 1647 года на четырехъ суднахъ (кочи), оказалась неудачной: встрѣчные морскіе льды заставили партію вернуться назадъ. Но казаки не унывали и въ слѣдующемъ 1648 году, вмѣсто четырехъ, въ море вышло уже семь судовъ: три казачьихъ и четыре вольныхъ. Казачьими «кочами» командовали Семенъ *Дежневъ* и Герасимъ *Анкудиновъ,* а вольными Өедотъ *Алексѣевъ.*

Счастье благопріятствовало храбрецамъ: безъ картъ, при помощи самодѣльныхъ компасовъ, на небольшихъ и плохихъ судахъ, смѣльчаки обогнули даже Чукотскій *носъ* и вышли въ Великій океанъ.

Этимъ они совершили такой подвигъ, который впослѣдствіи, въ теченіе 200 слишкомъ лѣтъ, никому не удавался по причинѣ встрѣчающихся въ открытомъ морѣ громадными массами полярныхъ льдовъ. Только въ 1879 году финляндцу *Норденшильду,* первому послѣ Дежнева, удалось пройти этимъ же путемъ и подтвердить всѣ показанія Дежнева объ открытой имъ землѣ, населенной чукчами. Въ Великомъ

---

[1]) Желѣзные наголовники, шлемы.

океанѣ счастіе измѣнило плавателямъ: во время сильной осенней бури кочъ Анкудинова разбило; людямъ и самому ему удалось перебраться на суда Дежнева и Алексѣева; буря разбросала всѣ суда; судно Дежнева понесло невѣдомо куда и потомъ прибило къ неизвѣстному пустынному берегу.

Кое-какъ справившись съ бурей, Дежневъ и его спутники, держась морского берега, направились къ сѣверу. Въ продолженіе десяти недѣль несчастнымъ пришлось испытывать страшныя бѣдствія, терпя холодъ и голодъ; брели они, сами не зная куда. Наконецъ, дошли до какой-то большой рѣки, впадающей въ море. Это и оказалась желанная Анадырь.

Но положеніе ихъ среди безлюдной пустыни нисколько не улучшилось. Въ партіи Дежнева осталось только 25 человѣкъ; остальные померли.

Посланные Дежневымъ на поиски вверхъ по Анадыри 12 казаковъ вернулись чрезъ 20 дней, не найдя ни людей, ни лѣса и потерявъ еще нѣсколько товарищей, отъ холода и голода. Зима приближалась; идти дальше было не возможно; рѣшили перезимовать здѣсь, построивъ нѣсколько землянокъ. Питаться пришлось только рыбой и мясомъ дикихъ сѣверныхъ оленей.

Весною, построивъ плотикъ изъ дерева, выброшеннаго моремъ на берегъ, Дежневъ съ товарищами поплылъ вверхъ по Анадыри. Пройдя уже нѣсколько сотъ верстъ, казаки повстрѣчали въ первый разъ малочисленное бродячее племя «Анауловъ». Здѣсь Дежневъ построилъ первое русское зимовье, послужившее потомъ основаніемъ Анадырску, самому отдаленнѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поселеній на сѣверѣ. Но положеніе партіи было плохое: возможности сноситься съ нашими поселеніями на Колымѣ не было. Къ счастію, въ 1650 году, съ Колымы на Анадырку пришла другая партія казаковъ, подъ предводительствомъ якутскаго казака *Мотиро,* и совершенно случайно столкнувшаяся съ партіей Дежнева. Это спасло удальцовъ отъ неминуемой гибели въ безлюдной сѣверной пустынѣ. Соединившись съ Мотирою, Дежневъ спустился внизъ по Анадыркѣ до ея устья. Здѣсь на одной изъ обширныхъ морскихъ отмелей удалось безъ особеннаго труда добыть громадное количество «звѣринаго зуба», т. е. зубовъ моржей.

Убѣдясь въ невозможности возвратиться на родину прежнимъ путемъ, т. е. моремъ, Дежневъ и Мотиро рѣшили слѣдовать по тому пути, по которому пришелъ послѣдній. Но ранѣе сего пошли поискать новой добычи и новыхъ «землицъ», двинувшись на югъ и держась все время близь морского берега. Попадавшіеся имъ на пути «народцы» не всегда встрѣчали ихъ мирно и съ благодушіемъ: иногда приходилось вступать и въ боевыя схватки. Въ одной изъ такихъ схватокъ, къ огорченію всего отряда, былъ убитъ казакъ Мотиро.

Дежневъ, послѣ смерти Мотиро, продолжалъ свое плаваніе на утлой ладьѣ, съ парусами, изъ оленьихъ шкуръ, вмѣсто холста, и съ канатами изъ моржовыхъ шкуръ, за неимѣніемъ пеньки и мочала. Такимъ образомъ Дежневъ добрался моремъ до восточнаго берега полуострова *Камчатки,* заселеннаго въ этомъ мѣстѣ племенемъ коряковъ.

Отъ Коряковъ Дежневъ узналъ, что бывшіе его товарищи Анкудиновъ и Алексѣевъ, выброшенные на берегъ Камчатки, умерли отъ цынги. Спутники же ихъ или умерли

отъ болѣзней, или были убиты инородцами, или же пропали безъ вѣсти...

Наконецъ, въ 1656 году казакъ Семенъ Дежневъ съ уцѣлѣвшими своими товарищами явился въ Якутскъ, съ огромною добычею мамонтовыхъ и моржевыхъ клыковъ и моржевыхъ зубовъ, пробывъ, такимъ образомъ, въ своемъ отважномъ странствованіи больше *восьми* лѣтъ.

Подвигъ Дежнева въ Якутскѣ тогда казался на столько дѣломъ обычнымъ, что о немъ не было даже донесено по начальству въ Москву, и открытіе Дежневымъ пролива между Азіей и Америкой, впослѣдствіи было приписано чужестранцу, хотя и состоявшему на русской службѣ, датчанину *Берингу*, проплывшему проливъ въ 1748 году; въ честь Беринга и проливъ именуется «Беринговымъ»; тогда какъ *первое открытіе его принадлежитъ казаку Семену Дежневу*, и проливъ этотъ, по всей справедливости, долженъ былъ бы именоваться проливомъ казака „*Дежнева*“.

V.

Ерофей Павловичъ Хабаровъ.

Ерофей Павловичъ *Хабаровъ* происходилъ изъ мѣщанъ (посадскихъ) города Великаго Устюга, Вологодской губерніи. О времени рожденія, молодости и первоначальной его дѣятельности не сохранилось никакихъ свѣдѣній; извѣстно, что онъ занимался вываркою соли въ городѣ Сольвычегодскѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Устюга.

Когда и почему Хабаровъ оставилъ родину и отправился въ Сибирь—неизвѣстно; нужно думать, что, подобно многимъ другимъ, пошелъ попытать счастья въ новой странѣ.

Здѣсь, на берегахъ р. Лены, при устьѣ р. Куты, онъ, найдя соленые ключи, какъ опытный уже солеваръ, положилъ основаніе Усть-Кутскому солеварному заводу, существующему и теперь. Но не здѣсь прославился Хабаровъ. Его имя навсегда связано съ воспоминаніями о первыхъ подвигахъ русскихъ при занятіи земель по р. Амуру.

Еще задолго до основанія завода на Усть-Кутѣ казаки и разные «охочіе люди» добрались и до самаго Сѣвернаго Ледовитаго океана (Студенаго моря), а на востокѣ Великаго океана, именно до Охотскаго моря. Здѣсь они основали нынѣшній городъ Охотскъ.

Въ Охотскѣ русскіе узнали, что гдѣ-то далеко на полдень находится большая рѣка или, по—гиляцки, Ямуръ.

Про рѣку эту шло много разсказовъ; говорили, что тамъ много и золота, и серебра, и каменьевъ самоцвѣтныхъ; что соболей да лисицъ чернобурыхъ можно бить тамъ коромыслами; что хлѣба, рыбы и мяса множество. Словомъ, Ямуръ былъ очень заманчивъ и казался лакомымъ кускомъ. Какъ же не попытаться добраться до него и вкусить его благъ?

Первые слухи о великой рѣкѣ доставилъ Томскій городовой казакъ Иванъ *Москвитинъ*, отправленный въ 1639 году, съ 12

красноярскими казаками, съ р. Лены къ востоку для развѣдокъ. Москвитинъ сначала по р. Алдану, впадающему въ Лену съ правой стороны, а потомъ гдѣ рѣками, гдѣ сухопутьемъ — добрался до самаго Охотскаго моря. По возвращенiи Москвитина, искать великую рѣку пошелъ письменный голова Василiй Поярковъ съ разрѣшенія тогдашняго Якутскаго головы стольника Петра Петровича *Головина* съ 132 «охочими людьми».

Поярковъ безпрепятственно достигъ Большой рѣки; мелкіе кочующіе народцы тунгузскаго племени, жившіе по пути, а затѣмъ осѣдлые дауры, встрѣчали русскихъ радушно, снабжая безвозмездно съѣстными припасами... Все шло бы и дальше, можетъ быть, хорошо, если бы не вина самихъ же русскихъ; посланные Поярковымъ 50 человѣкъ впередъ, въ даурскій городокъ Молдишканъ, принятые также тамъ радушно и ласково, наши удальцы слишкомъ развернулись: наглостью и безчинствами до того вооружили противъ себя жителей, что тѣ подняли оружіе. Произошла схватка, кончившаяся избіеніемъ нашего отряда; уцѣлѣвшіе же казаки кое-какъ возвратились къ своему начальнику. Хотя потомъ Поярковъ и дошелъ до р. Уссури (притокъ Амура съ правой стороны), но дѣла его пошли все уже хуже и хуже; потерявъ къ себѣ и своимъ людямъ довѣріе дауръ, Поярковъ принужденъ былъ лѣтомъ 1643 года возвратиться въ Якутскъ, потерявъ въ Даурiи половину своего отряда.

Поярковъ предположилъ новый походъ на Амуръ; но тутъ ему выступилъ соперникомъ Ерофей *Хабаровъ*, бравшійся овладѣть всею Амурскою областью на свой рискъ и счетъ, безъ всякихъ расходовъ для казны.

Вновь назначенный тогда якутскимъ воеводою Дмитрій Францбековъ разрѣшилъ Хабарову этотъ смѣлый походъ.

Къ концу лѣта 1647 года Хабарову удалось набрать партію только въ 80 человѣкъ вмѣсто предполагавшихся 250 или 200; такъ подѣйствовали слухи о неудачѣ экспедиціи Пояркова.

Но это не удержало отважнаго Хабарова отъ задуманнаго имъ предпріятія. Перезимовавъ на р. Тугирѣ, Хабаровъ въ январѣ 1648 года двинулся дальше. Первое даурское укрѣпленіе, занятое Хабаровымъ, былъ извѣстный впослѣдствіи знаменитый *Албазинъ*, жители котораго, заслышавъ о прибытіи русскихъ, скрылись, побросавъ свои жилища, скотъ, запасы хлѣба и т. п., на произволъ судьбы.

Пройдя еще пять пустыхъ даурскихъ селеній, хабаровцы встрѣтили даурскаго князя Лавкая, выѣхавшаго къ нимъ навстрѣчу со своей свитой.

— Что вы за люди и зачѣмъ пришли къ намъ? спросилъ Лавкай.

— Мы мирные промышленники, отвѣчали хабаровцы.

— Неправда. Вы пришли грабить и убивать насъ; только мы вамъ не дадимся!

Послѣ этого Лавкай и его свита, повернувъ коней, быстро умчались восвояси.

Хабаровъ возвратился мирно въ Албазинъ. Для него было ясно, что съ малочисленнымъ, хотя и отважнымъ, отрядомъ нельзя занимать рѣку и покорять жителей; поэтому онъ съ нѣсколькими спутниками поѣхалъ за подмогою въ Якутскъ.

Здѣсь Ерофея Павловича приняли хорошо. Увидѣвъ, что самъ онъ и его спутники живы и здоровы и что опасности особенной на Амурѣ нѣтъ, желающихъ попытать счастіе явилось 117 человѣкъ и

21 городовой казакъ. Осенью 1650 года Хабаровъ съ новымъ отрядомъ былъ уже въ Албазинѣ, здѣсь у него было около 200 человѣкъ; отрядъ по тогдашнему времени очень сильный. Весною 1651 года Хабаровъ поплылъ внизъ по Амуру; вскорѣ пришлось взять штурмомъ даурское укрѣпленіе, состоявшее изъ трехъ, взаимно соединенныхъ отдѣльныхъ остроговъ. Привезенныя съ собой во вторую поѣздку изъ Якутска три пушки сильно помогали молодцамъ, громъ отъ выстрѣловъ наводилъ страхъ; однако, дауры дрались отчаянно; больше 600 ихъ тѣлъ служили хорошимъ доказательствомъ ихъ стойкости. Съ нашей стороны убито 4 и ранено 45 человѣкъ.

Спустя шесть недѣль, Хабаровъ снова поплылъ внизъ по Амуру. Вблизи р. Зеи отряду встрѣтился большой и богатый даурскій городъ, занятый послѣ небольшого сопротивленія.

Дауры покорились, присягнули на вѣрность и подданство московскому государю и обязались платить дань, но скоро обманули; въ одну ночь они всѣ вдругъ скрылись, вѣроятно, по приказанію китайскаго начальства.

По возвращеніи Хабарова къ Албазину на зимовку, покоренныя имъ раньше племена дучеровъ и ачанцевъ сдѣлали на отрядъ нечаянное измѣнническое нападеніе, но были отбиты. Разсвирѣпѣвшіе спутники Хабарова жестоко отомстили за измѣну, истребивъ поголовно почти всѣхъ дучаровъ и ачанцевъ. Но этимъ бѣда не окончилась. Въ 1652 г. русское укрѣпленіе, въ которомъ находился отрядъ Хабарова, построенное кое-какъ и вооруженное тремя орудіями, окружено было внезапно многочисленнымъ и сильнымъ вооруженнымъ пушками отрядомъ манчжуръ. На требованіе непріятеля о немедленной, безусловной сдачѣ хабаровцы отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ орудій и пищалей. Манчжуры пошли на приступъ, но были отбиты. Тогда русскіе сдѣлали вылазку и побили противника на голову. Манчжуры принуждены были уйти, оставивъ въ нашихъ рукахъ болѣе 700 труповъ и всю свою артиллерію, русскіе же потеряли 10 человѣкъ убитыми и 78 ранеными. Взяты въ плѣнъ множество манчжуровъ; Хабаровъ, вопреки существовавшему тогда обычаю, не убилъ и не обратилъ въ рабство, но отпустилъ на волю, не лишая ни имущества, ни оружія. Вскорѣ послѣ своей побѣды Хабаровъ возвратился въ Албазинъ, гдѣ его ждалъ новый отрядъ, пришедшій изъ Якутска на подмогу, именно 144 человѣка, подъ начальствомъ казака Третьяка Чичигина.

Изъ Албазина Хабаровъ снова спустился до устья р. *Зеи*, гдѣ нынѣ стоитъ гор. Благовѣщенскъ. Но здѣсь въ отрядѣ его вышелъ разладъ между его подчиненными; одни хотѣли плыть дальше къ морю; другіе же, въ томъ числѣ и самъ Хабаровъ, остаться на мѣстѣ. Хабаровъ предоставилъ охотникамъ идти далѣе. Нашлось 136 человѣкъ, которые и поплыли дальше внизъ по Амуру; но потомъ всѣ безъ исключенія погибли безъ вѣсти.

Считая положеніе свое на Амурѣ достаточно упроченнымъ, Хабаровъ отправилъ въ Якутскъ небольшой отрядъ съ подарками и ясакомъ, собраннымъ «на государя». Нѣсколько человѣкъ изъ этого отряда якутскій воевода отправилъ въ Москву съ радостнымъ извѣстіемъ о пріобрѣтеніи новой обширной и богатой страны. Въ Москвѣ это извѣстіе было принято хо-

рошо. Хабарову и его сподвижникамъ были пожалованы награды. Во вновь завоеванную область былъ назначенъ намѣстникомъ князь Лобановъ-Ростовскій. Тогда же рѣшено было выслать къ Хабарову 3,000 войска, но это намѣреніе почему-то такъ и не исполнилось.

Хабаровъ между тѣмъ не дремалъ; онъ заложилъ и построилъ большое укрѣпленіе подъ названіемъ Комарскаго острога, куда впослѣдствіи прибылъ изъ Якутска и вступилъ въ управленіе областью дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ.

Опасаясь вліянія Хабарова на казаковъ и охочихъ людей, Зиновьевъ послалъ на него въ Москву жалобу, по которой Ерофея Павловича вытребовали въ Москву, вмѣстѣ съ самимъ жалобщикомъ, но, по выслушаніи Хабарова лично самимъ государемъ, жалоба оказалась не основательной и ложной. Царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ тогда Хабарову, за оказанныя имъ заслуги, званіе «боярскаго сына» и назначилъ его вскорѣ «государевымъ приказчикомъ» въ Сибирь.

Однако, Хабаровъ былъ отправленъ не на завоеванный имъ Амуръ и въ Даурію, а на Лену. О дальнѣйшей дѣятельности Ерофея Павловича Хабарова, послѣ назначенія его на постъ «государева приказчика», съ 1660 года не сохранилось уже никакихъ свѣдѣній. Но память о немъ не исчезла безслѣдно въ потомствѣ. Впослѣдствіи одно изъ поселеній на Амурѣ, нынѣ мѣстопребываніе генералъ-губернатора, названо Хабаровкою.

VI.

Борьба за обладаніе Амуромъ.

Выше было сказано, что Хабаровъ поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, который начальство надъ казаками на Амурѣ ввѣрилъ Степанову, назначенному впослѣдствіи приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура, новой Даурской земли.

По отъѣздѣ Зиновьева, Степановъ принужденъ былъ отправиться для пріобрѣтенія провіанта на рѣку Сунгари, такъ какъ берега Амура вслѣдствіе безпрерывныхъ казачьихъ набѣговъ были въ конецъ разорены, а мѣстные жители большею частію переселены уже были въ Манчжурію по распоряженію китайскаго правительства, къ защитѣ и помощи котораго они обратились. Отправившись въ походъ 18 сентября 1653 года, Степановъ въ низовьяхъ Сунгари нашелъ обиліе хлѣбныхъ припасовъ и, нагрузивши ими лодки, спустился внизъ и зимовалъ на Амурѣ въ землѣ дучеровъ. Съ наступленіемъ весны 1554 года Степановъ со своей командой потянулся бичевой вверхъ по Амуру, надѣясь въ низовьяхъ Сунгари снова запастись продовольствіемъ. У устья Сунгари къ нему присоединились приплывшіе сверху 50 казаковъ и 20 мая онъ началъ подниматься вверхъ по рѣкѣ и 6 іюня встрѣтилъ значительное (около 3,000 человѣкъ) манчжурское войско, вооруженное ружьями и имѣвшее при себѣ артиллерію. Послѣ упорнаго боя казаки должны были

уступить поле битвы непріятелю, какъ вслѣдствіе численнаго превосходства его, такъ и по недостатку у нихъ боевыхъ припасовъ. Итакъ, Степановъ вынужденъ былъ отступить и спуститься къ Амуру, не запасшись провіантомъ. Поднимаясь затѣмъ вверхъ по Амуру, онъ встрѣтилъ у устья Зеи розыскивавшаго его сотника Бекетова, пришедшаго изъ Енисейска черезъ Забайкалье съ командой въ 54 человѣка. Достигши р. Кумары, Степановъ у самаго ея устья на открытомъ, низменномъ мѣстѣ, на правомъ берегу Амура, возобновилъ прежде бывшій здѣсь острогъ.

Острогъ этотъ былъ выстроенъ какъ и всѣ остроги, а именно изъ земляной насыпи, образующей четыреугольникъ съ четырьмя раскатами, т. е. мѣстами для пушекъ, затѣмъ двойной деревянный палисадъ, промежутокъ между коимъ выполнялся землей, вокругъ ровъ около сажени глубины и двухъ ширины. Вокругъ острога былъ вбитъ въ землю чеснокъ, который состоялъ изъ спицъ, большею частію деревянныхъ, и засыпанъ былъ сверху землей. 13 марта 1655 года у стѣнъ Кумарскаго острога явилось 10,000 манчжурскаго войска, при 15 орудіяхъ и съ различнаго рода вспомогательными средствами, употреблявшимися манчжурами при взятіи крѣпостей, какъ-то: двухъ-колесными телѣгами, снабженными щитами, лѣстницами, мѣшками, набитыми порохомъ, и прочее. Число казаковъ, находившихся въ острогѣ, не превышало 500 человѣкъ. Вначалѣ счастіе благопріятствовало манчжурамъ; они захватили въ плѣнъ 20 человѣкъ, отправленныхъ изъ острога на рубку лѣса, и счастливо отбили первую вылазку казаковъ. Воспользовавшись находившеюся на противоположномъ острогу, лѣвомъ берегу Амура, отвѣсною скалою, имѣвшею до 40 саженъ высоты и отстоявшею отъ острога всего въ 200 саженяхъ, манчжуры поставили на ней батарею; сверхъ того устроили еще двѣ батареи—одну въ 70, а другую въ 100 саженяхъ отъ острога и, въ теченіе всего 20 марта громили острогъ со всѣхъ трехъ батарей, но, къ счастію осажденныхъ, безуспѣшно. Послѣ неудачнаго своего ночного приступа съ 24 на 25 марта и удачно произведенной въ скоромъ времени затѣмъ вылазки казаковъ, манчжуры отступили изъ-подъ стѣнъ острога, а 4 апрѣля сняли совершенно осаду, продолжавшуюся всего три недѣли. По окончаніи осады, Степановъ послалъ собранный имъ ясакъ прямо отъ себя въ Москву, а не въ Якутскъ, какъ это ранѣе дѣлалось, что и послужило поводомъ къ неудовольствію на него якутскихъ воеводъ, которые съ этого времени всѣ его просьбы о присылкѣ ему на Амуръ подкрѣпленія, а также огнестрѣльнаго оружія и боевыхъ припасовъ оставляли безъ исполненія.

Послѣ осады Кумарскаго острога недостатокъ жизненныхъ припасовъ былъ до того великъ, что казаки питались корой деревьевъ, кореньями травъ и, если какую нибудь малость изъ продовольствія могли достать еще у оставшихся кое-гдѣ инородцевъ, то все должны были брать силой или съ боя. Недостатокъ продовольствія заставилъ Степанова оставить кумарскій острогъ и отправиться съ казаками внизъ по разоренному ими же Амуру, гдѣ нечего было и надѣяться получить достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ жители были уже почти всѣ выселены съ береговъ верхняго и средняго теченія Амура. А потому

цѣлію похода была богатая хлѣбомъ р. Сунгари, гдѣ казаки дѣйствительно нашли въ изобиліи продовольствіе для себя, такъ какъ явились въ эту мѣстность какъ разъ ко времени жатвы; но, запасшись хлѣбомъ, не осмѣлились оставаться на Сунгари въ землѣ сильнаго непріятеля, а спустились въ низовья Амура, въ землю гиляковъ, гдѣ основали косогирскій острогъ въ 1655 году и собрали съ гиляковъ и дучеровъ ясакъ въ 120 сороковъ соболей (т. е. почти 5,000 шкурокъ). Передъ приходомъ Степанова въ низовья Амура гиляки убили казака Логинова, пришедшаго изъ Охотска съ 30 товарищами. Виновные въ убійствѣ были Степановымъ разысканы и наказаны. Весной 1656 года Степановъ отправился вверхъ по Амуру и у Малаго Хингана напалъ въ разныхъ мѣстахъ на трупы людей, вѣроятно, изъ какой либо русской разбойничей ватаги, или убитыхъ дучерами, или погибшихъ отъ голодной смерти. Въ низовьяхъ Сунгари онъ въ этомъ году уже не нашелъ жителей, которые были переселены для избѣжанія разоренія отъ казачьихъ набѣговъ въ мѣстности, лежащія выше по рѣкѣ, такъ что Степановъ началъ помышлять объ оставленіи береговъ Амура, не представлявшихъ возможности доставать продовольствіе для команды. Отправляя 22 іюля 1656 года ясакъ съ 50 казаками, онъ наказывалъ имъ болѣе на Амуръ не возвращаться. Дорогой эта партія терпѣла такой сильный недостатокъ въ продовольствіи, что 27 человѣкъ изъ ея среды сдѣлались жертвой голода.

1658 году 30 іюня (въ какомъ мѣстѣ неизвѣстно), Степановъ окруженъ былъ ниже устья Сунгари многочисленнымъ манчжурскимъ войскомъ, находившемся на 47 лодкахъ; войско вооружено было частію ружьями и имѣло при себѣ нѣсколько пушекъ. Число команды Степанова не превышало 500 человѣкъ, изъ которыхъ часть бѣжала до начала битвы, а нѣкоторые предались манчжурамъ; самъ же Степановъ съ 270 товарищами палъ въ неравномъ бою съ многочисленнымъ непріятелемъ. Изъ бѣжавшихъ съ поля битвы до начала сраженія казаковъ одна часть удалилась въ горы, а другая на лодкѣ спустилась внизъ по Амуру. Они нѣкоторое время хозяйничали на рѣкѣ, но мало-по-малу разбрелись и пропали.

До сихъ поръ русскіе на Амуръ приходили съ р. Лены. Около времени гибели Степанова русскіе появились на Амурѣ со стороны Забайкалья. Произошло это такимъ образомъ: въ 1652 году енисейскій воевода, Аѳанасій Пашковъ, послалъ сотника Бекетова съ сотней казаковъ для основанія остроговъ въ Забайкальи и представилъ правительству свой проектъ о возможности болѣе легкаго сообщенія съ Амуромъ черезъ Забайкалье. Бекетовъ, дѣйствительно, заложилъ два острога: одинъ осенью 1653 года у озера Иргеня, а другой въ 1654 году на р. Шилкѣ, противъ устья Нерчи; но недостатокъ въ припасахъ продовольствія команды заставилъ его оставить послѣдній острогъ и съ бывшими при немъ 30 казаками спуститься на Амуръ. Вслѣдствіе поданнаго Пашковымъ проекта о занятіи Забайкалья ему повелѣно было именнымъ указомъ отъ 20 августа 1655 года вѣдать дѣлами Амура, а потому, сдѣлавъ нужныя для этой цѣли распоряженія, онъ отправился изъ Енисейска, 18 іюля 1656 года, съ 566 казаками черезъ Забайкалье, но достигъ береговъ Шилки только весной 1658 года и основалъ въ этомъ же году, при впаденіи Нерчи

въ Шилку, острогъ, названный первоначально Нелюдскимъ, а потомъ переименованный въ Нерчинскій. По прибытіи своемъ на Шилку, Пашковъ послалъ Потапова на Амуръ розыскать Степанова для передачи ему приказа о своемъ назначеніи правителемъ Амура; но его не было въ живыхъ. Пашкову же въ первое время было не до Амура, такъ какъ приходилось постоянно вести борьбу съ кочевавшими на югѣ Забайкалья довольно сильными монгольскими родами (бурятами). Итакъ, съ гибелью Степанова дѣйствія наши на Амурѣ на короткое время пріостановились.

Въ 1665 году на Амурѣ появилась шайка вольницъ подъ начальствомъ Черниговскаго. Онъ вышелъ къ Амуру у Албазина, который найденъ былъ въ развалинахъ. Черниговскій его возстановилъ; около острога заведены были имъ пашни. Что онъ дѣлалъ на Амурѣ три первые года—неизвѣстно. Правитель Нерчинска — Аршинскій въ 1670 году доносилъ, что Черниговскій посылалъ изъ Албазина 60 человѣкъ внизъ по Амуру въ походъ на инородцевъ, помимо вѣдома его, Аршинскаго, и что вслѣдствіе этого похода казаковъ явились въ Нерчинскъ посланные Китая съ жалобой на казачьи разбои. Черниговскій, въ 1672 году, приговоренъ былъ къ смертной казни, но прощенъ. Его же командѣ прислано было правительствомъ 2,000 серебряныхъ рублей въ награду. Правителемъ Албазина назначенъ былъ Фаддѣй Толбузинъ, но такъ какъ онъ не явился, то Черниговскій остался начальникомъ. Затѣмъ изъ Тобольска присланъ былъ начальникомъ въ Албазинъ Иванъ Осколовъ, при которомъ построена была первая въ Албазинѣ церковь во имя Николая Чудотворца и въ этомъ же 1671 году при урочищѣ, Брусяной камень, заложенъ былъ іеромонахомъ Гермогеномъ монастырь во имя Спаса Всемилостиваго. Въ скоромъ времени у Албазина, по распоряженію нерчинскаго воеводы, а именно, въ 1672 и 73 годахъ, поселено было нѣсколько семей крестьянъ для занятія хлѣбопашествомъ. Урожаи хлѣба были очень хороши, такъ что вѣсть объ этомъ вызвала вскорѣ охотниковъ къ переселенію и они образовали слободы: Солдатова, Игнашино, Монастыршина, Озерная, Покровская; но наиболѣе извѣстны были—слобода Андрюшкина, находившаяся ниже Албазина по теченію Амура, у устья р. Буринги (Буринды), въ 140 верстахъ, и селеніе Паново, верстахъ въ 70 выше Албазина.

Въ 1674 (или 73) году въ Нерчинскъ на мѣсто Аршинскаго назначенъ былъ воеводой Шульгинъ, которому и поручено было главное управленіе острогами: нерчинскимъ, телембинскимъ, иргенскимъ и албазинскимъ; въ послѣднемъ приказнымъ человѣкомъ (помощникомъ воеводы) былъ Никифоръ Черниговскій; но вообще, что дѣлали казаки въ теченіе почти десяти лѣтъ на Амурѣ, т. е. по 1681 годъ, намъ въ точности неизвѣстно. Въ то время въ Манчжуріи населеніемъ, расположеннымъ по р. Нонни (Маунъ), управлялъ китайскій воевода Монгутей. Въ теченіе этого времени построено казаками, въ разныхъ мѣстахъ Амурскаго края, нѣсколько острожковъ для сбора ясака съ инородцевъ.

Вслѣдствіе полученныхъ въ Москвѣ извѣстій о новомъ занятіи нами Албазина отъ московскаго двора, въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1675 г. для предупрежденія и избѣжанія могущихъ быть столкновеній съ Китаемъ, отправлено было посольство грека Николая Спафари. Спа-

фари достигъ града Пекина только 15 мая 1676 г., а въ Москву возвратился въ 1678 г., пробывъ въ посольствѣ безъ двухъ мѣсяцевъ три года. Желая предупредить по возможности столкновеніе съ Китаемъ и могущія произойти отъ этого худыя послѣдствія для нашихъ слабыхъ поселеній въ новопріобрѣтенномъ краѣ, Спафари писалъ въ Албазинъ, совѣтуя казакамъ жить смирно на своемъ мѣстѣ, не плавать внизъ по Амуру и не требовать ясака съ подвластныхъ Китаю тунгусовъ, какъ на Амурѣ, такъ и на Зеѣ. Но какіе совѣты могли подѣйствовать на казачью вольницу, отъ которой плохое житье было даже своему брату, русскому крестьянину, а не только инородцамъ?

Лѣтомъ 1683 года послана была изъ Албазина партія казаковъ на 6 лодкахъ, состоявшая изъ 67 человѣкъ подъ начальствомъ Мыльникова; эта партія у Айгуна была окружена манчжурами на 300 лодкахъ, въ числѣ 6,000 человѣкъ, что и заставило казаковъ пристать къ сѣверному (лѣвому) берегу рѣки. Начальникъ манчжурскаго войска пригласилъ Мыльникова къ себѣ въ Айгунъ для переговоровъ, куда онъ отправился съ 10 казаками; но это была только хитрость манчжуръ, которые оставили его и бывшихъ съ нимъ казаковъ плѣнными въ Айгунѣ. Узнавъ о постигшей ихъ начальника участи, партія Мыльникова разбѣжалась въ разныя стороны; нѣкоторые бѣжали въ Албазинъ, объявивъ о случившемся.

Еще въ 1682 г. воевода Албазина, Толбузинъ получилъ отъ китайскаго императора Канъ-Хи грозную грамоту, въ которой повелитель Китая требовалъ немедленнаго удаленія казаковъ съ Амура. 27 ноября 1684 года получена была въ Албазинѣ вновь грамота отъ китайскаго Богдыхана, написанная на трехъ языкахъ, въ которой заключалось требованіе о сдачѣ Албазина. Эта грамота была отвергнута въ общемъ собраніи казаками, которые, извѣщая объ этомъ нерчинскаго воеводу, просили его о присылкѣ имъ подкрѣпленія. Но какую помощь могъ оказать имъ Нерчинскъ, когда во всемъ Забайкальѣ, въ шести острогахъ, не насчитывалось и 500 казаковъ?

Въ описываемое нами время Албазинъ объявленъ былъ правительствомъ отдѣльнымъ воеводствомъ и ему данъ былъ гербъ: орелъ съ распростертыми крыльями, державшій въ правой ногѣ лукъ, а въ лѣвой—стрѣлу. Воеводой назначенъ былъ находившійся въ Албазинѣ сотникъ Алексѣй Толбузинъ.

Инородцы, напуганные жестокостями казаковъ, разглашали по всей Манчжуріи о нашихъ казакахъ самые нелѣпые слухи; представляли русскихъ людьми необыкновенными; людьми, не боящимися смерти, идущими на вѣрную гибель, бросающимися на пушки и проч. Наружность этихъ пришельцевъ казалась имъ также необыкновенной и вотъ какъ описываетъ русскихъ одинъ китаецъ, сосланный на поселеніе въ Манчжурію: «Въ 1669 году люди изъ царства Лочэ или Лао-цзянъ, взбунтовались и перешли на У-лун-цзянъ, и въ странѣ Хей-цзинъ отнимали собольи мѣха. Оружіе ихъ было весьма страшно. Ихъ царство простирается къ Востоку на 10,000 ли (5,000 верстъ). Изъ произведеній ихъ весьма превосходны парча и лаковые приборы (вѣроятно, наши подносы). Люди всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами. Они храбры какъ тигры и искусны въ стрѣльбѣ изъ ружей; у нихъ были пуш-

ки, называемыя арбузами, потому что форма ихъ (ядеръ) походила на арбузы, они мѣтко попадали въ непріятельскій лагерь, хотя бы на разстояніи нѣсколькихъ ли, и только тамъ растрескивались. Кто ни попадался, непремѣнно былъ убиваемъ. Манчжуры всѣ испугались. Цзянъ-цзюнь, доносся объ этомъ государю, просилъ о спасеніи...»

4 іюня 1685 года появился у стѣнъ Албазина авангардъ, а 10 числа этого же мѣсяца и остальное войско, простиравшееся, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до 15,000, при 40 или 50 осадныхъ орудіяхъ и 150 полевыхъ; войско это состояло изъ 10,000 пѣхоты и конницы, и, кромѣ того, 5,000 манчжуръ, пришедшихъ на 100 лодкахъ, въ каждой по 50 человѣкъ. По другимъ же свѣдѣніямъ, манчжурское войско состояло только изъ 4 или 5 тысячъ человѣкъ, при 15 пушкахъ, и пришло къ Албазину на лодкахъ по р. Амуру. Воевода Албазина, Толбузинъ, распорядился сжечь всѣ дома, находившіеся внѣ острога, но вблизи его, а жителей перевелъ къ себѣ въ острогъ, въ стѣнахъ котораго оказалось всего 450 защитниковъ, при 3 пушкахъ и 300 мушкетахъ. Вѣроятно, большая часть жителей изъ окрестныхъ деревень бѣжала въ Нерчинскъ. Не получивъ отвѣта на посланное въ Албазинъ 11 іюня предложеніе о добровольной сдачѣ острога, манчжуры приступили къ осадѣ Албазина; 1 іюля непріятель произвелъ первый и очень неудачный приступъ, во время котораго потерялъ до 150 человѣкъ убитыми. Казаки же въ первые дни осады также потеряли до 100 человѣкъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, а также, уступая просьбѣ священника и всѣхъ жителей острога, Толбузинъ обратился къ начальнику манчжурскаго войска съ переговорами о сдачѣ острога, если дозволятъ ему съ жителями, оставивъ Албазинъ, уйти въ Нерчинскъ. На это послѣдовало согласіе главнаго начальника манчжурскаго войска. Албазинъ былъ казаками оставленъ и разрушенъ непріятелемъ. Осада Албазина кончилась 22 іюня и часть манчжурскаго войска издали провожала русскій отрядъ до устья Аргуни. Къ этимъ извѣстіямъ мы можемъ присоединить, что, по нѣкоторымъ источникамъ, 25 человѣкъ казаковъ съ священникомъ склонились будто бы на предложеніе манчжуръ переселиться въ Пекинъ. Другіе же передаютъ этотъ случай такъ, что 151 человѣкъ взяты были въ плѣнъ, и имъ предложено было манчжурскимъ военачальникомъ на выборъ: возвратиться въ Нерчинскъ или быть отправленными въ Пекинъ. Изъ нихъ 101 человѣкъ объявили желаніе возвратиться въ Забайкалье, а 50 согласились отправиться въ Пекинъ. Манчжурскій военачальникъ — первыхъ за обнаруженную ими любовь къ родинѣ послалъ съ священникомъ въ Пекинъ, гдѣ имъ и отведено было мѣсто для жительства, получившее названіе — русской сотни; а послѣднихъ 50 человѣкъ за измѣну, поселилъ въ Манчжуріи.

На второй день своего пути изъ Албазина въ Нерчинскъ казаки встрѣтили 100 человѣкъ при 3 пушкахъ и 300 мушкетахъ, шедшихъ къ нимъ на подкрѣпленіе изъ Забайкалья. У устья Урки часть албазинскихъ казаковъ отпросилась у Толбузина, на Лену. По прибытіи въ Нерчинскъ 10 іюля, Толбузину приказано было немедленно готовиться обратно въ Албазинъ и вмѣстѣ съ нимъ посланъ былъ Бейтонъ съ своими 200 казаками; а также и прежніе жители Албазина. Отправленная впередъ, 15 іюля,

изъ Нерчинска развѣдочная партія, въ 70 человѣкъ, возвратившись 7 августа, сообщила, что хотя Албазинъ разрушенъ и сожженъ, но все войско манчжурское ушло въ Айгунъ, оставивъ весь хлѣбъ на корню цѣлымъ и невредимымъ. Прибывъ 27 августа на пепелище острога, Толбузинъ приступилъ немедленно къ постройкѣ жилищъ и возведенію вновь острога и по возможности къ лучшему его укрѣпленію. Всего прибыло съ Толбузинымъ и Бейтономъ 677 человѣкъ съ 5 мѣдными и 3 чугунными пушками. Осенью этого же года успѣли снять съ корня до 1,000 десятинъ уцѣлѣвшаго на пашняхъ хлѣба; вспахали поля и засѣяли вновь озимь.

7-го марта 1686 года Бейтонъ отправился съ 300 казаками къ бывшему Кумарскому острогу провѣдать, что дѣлается въ Манчжуріи. Около рѣки Кумары онъ встрѣтилъ 17-го марта отрядъ манчжуръ въ 40 человѣкъ, обратившихся при видѣ казаковъ въ бѣгство. Бейтонъ гнался за ними верстъ 30 по рѣкѣ Тагѣ, впадающей въ Кумару, и, настигши, разбилъ ихъ, причемъ 30 манчжуръ легло на полѣ битвы, потеря же казаковъ состояла изъ 7 убитыхъ и 31 раненаго. Отъ взятыхъ въ плѣнъ манчжуръ Бейтонъ узналъ, что въ Манчжуріи готовятся къ новому походу на Албазинъ. И дѣйствительно, 7 іюля 1686 года явилось вновь подъ стѣнами албазинскаго острога манчжурское войско, въ 8,000 человѣкъ, на 150 лодкахъ (бусахъ, отъ 20 до 40 человѣкъ на каждой), помѣщалась пѣхота, а 3,000 конницы пришло сухимъ путемъ; при этомъ войскѣ находилось 40 пушекъ. Произведенный манчжурами 1-го сентября приступъ былъ блистательно отраженъ осажденными, которые, сдѣлавъ затѣмъ до пяти вылазокъ, истребили значительное число манчжуръ; потери же казаковъ были незначительны; но, къ несчастію, въ одной изъ вылазокъ, мужественный защитникъ Албазина, герой Толбузинъ былъ раненъ ядромъ въ ногу и вскорѣ отъ раны умеръ. Мѣсто его заступилъ Бейтонъ, состяжавшій себѣ не меньшую славу при дальнѣйшей защитѣ Албазина и принадлежавшій, подобно своему предшественнику, къ самымъ свѣтлымъ личностямъ того времени.

Изъ Нерчинска въ этомъ же 1686 году послана была партія казаковъ въ 70 человѣкъ, подъ командой Лончшакова къ Албазину; но, найдя послѣдній въ осадѣ и считая невозможнымъ въ него проникнуть, Лончшаковъ возвратился назадъ въ Забайкалье, взявъ съ собой 10 человѣкъ албазинцевъ, найденныхъ имъ въ лѣсу, отъ которыхъ онъ узналъ, что, при неожиданномъ появленіи манчжуръ, казаки, въ числѣ 30 человѣкъ, стерегшіе табуны албазинскихъ лошадей, были отрѣзаны отъ сообщенія съ острогомъ, причемъ лошади отбиты у нихъ манчжурами и 20 человѣкъ изъ ихъ числа взято въ плѣнъ.

Въ теченіе почти года албазинцы мужественно выдерживали осаду. Полные надежды на помощь изъ Нерчинска, казаки стойко держались въ стѣнахъ острога, не смотря даже и на то, что вслѣдствіе частыхъ вылазокъ, а въ особенности отъ развившейся среди нихъ цынги, число защитниковъ Албазина уменьшилось, въ ноябрѣ 1687 года, до 150 человѣкъ; въ апрѣлѣ до 82; а въ маѣ до 66. Въ концѣ ноября 1687 г. манчжуры сняли осаду и только стояли подъ Албазиномъ. 6-го мая отступили изъ-подъ стѣнъ острога, а 30 августа манчжурское войско пошло обратно въ Айгунъ, получивъ изъ

Пекина приказаніе о снятіи осады и отступленіи изъ-подъ Албазина вслѣдствіе начавшихся между московскимъ дворомъ и китайскимъ правительствомъ переговоровъ о разграниченіи земель.

Событія послѣднихъ лѣтъ привели московскій дворъ къ убѣжденію, что безъ означенія точныхъ границъ путемъ трактата, трудно удержать за собой Амурскій край. А потому наше правительство и обратилось къ пекинскому двору съ предложеніемъ о назначеніи уполномоченныхъ для мирнаго рѣшенія спора о границахъ. Для этой цѣли, въ концѣ 1686 г., по полученіи извѣстія о первомъ разореніи манчжурами Албазина, послана была грамота китайскому Богдыхану отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ Венюковымъ и Ѳаворовымъ. Въ этой грамотѣ сообщалось о назначеніи для переговоровъ о границѣ со стороны московскаго двора окольничаго Ѳеодора Головина, который, по сношеніи съ китайскими уполномоченными, мѣстомъ для переговоровъ назначилъ Селенгинскъ; но вслѣдствіе возникшихъ въ Монголіи безпорядковъ мѣсто для переговоровъ пришлось перемѣнить съ Селенгинска на Нерчинскій острогъ, куда и прибыли китайскіе уполномоченные съ 10,000 войскомъ, а по другимъ извѣстіямъ войско простиралось до 15,000 чел. при 50 пушкахъ. Послѣ долгихъ споровъ, въ виду значительнаго манчжурскаго войска, объ отступленіи котораго русскій уполномоченный долгое время тщетно домогался, Головинъ уступилъ требованіямъ китайскихъ уполномоченныхъ, и по Нерчинскому договору 27 августа 1689 года, Амуръ остался за Китаемъ. Рѣка Горбица, впадающая въ Шилку съ лѣвой стороны, и рѣка Аргунь, правый притокъ Амура, назначены границей обоихъ государствъ; на сѣверѣ же границу долженъ былъ составлять Становой хребетъ.

Такъ кончилась борьба за обладаніе Амуромъ. Но онъ все-таки, почти 170 лѣтъ спустя, перешелъ во власть нашу и тѣ мѣста, которыя были залиты кровью предковъ нашихъ, стали русскою землею. Теперь тамъ живетъ русскій народъ, раздается русская рѣчь, громко разносится звукъ церковнаго благовѣста.

Когда будете плыть по Амуру, вспомните доблестныхъ защитниковъ русской земли: Хабарова, Степанова, Толбузина, Бейтона и другихъ. Если же придется остановиться у Албазина, посмотрите развалины прежней крѣпости, около которой и въ самой крѣпости, не одна сотня русскихъ сложила свои головы, отстаивая нашу землю отъ непріятеля; сотворите молитву за упокой душъ ихъ...

VII.

Какъ заняли Забайкалье.

Только что успѣли русскіе утвердиться въ Якутскѣ, какъ начали свои развѣдки и далѣе. Стали подниматься по рѣкамъ, впадающимъ въ Лену съ правой стороны: Витиму, Олекмѣ, Алдану. Атаманъ Максимъ Перфильевъ поднимался, въ 1638 году, по Витиму и дошелъ до впаденія въ него р. Ципы, т. е. дошелъ до нынѣшней границы Забайкальской области.

Раньше было упомянуто, что въ 1643

году Василій Поярковъ съ 130 казаками отправился изъ Якутска вверхъ по р. Алдану и въ слѣдующемъ году, перейдя Становой хребетъ, перевалилъ въ р. Зею и попалъ въ Амуръ. Въ 1643 году, значитъ 250 лѣтъ тому назадъ, пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ дошелъ до Байкала и побывалъ на островѣ Ольхонѣ, который хорошо видно съ забайкальскаго берега, не доѣзжая гор. Баргузина. Недолго, однако, Забайкалье оставалось неизвѣстнымъ. Уже четыре года спустя, казачій атаманъ Василій Колесниковъ заложилъ Ангарскій острогъ. Немного позднѣе, но въ томъ же году, боярскій сынъ Иванъ Похабовъ, собравъ ясакъ съ бурятъ, кочевавшихъ по р. Иркуту, перешелъ по льду Байкала на южный берегъ его и, при помощи и дружбѣ монгольскаго князька, проникъ даже въ Ургу, столицу правителя Монголіи. Это вызвало въ слѣдующемъ году посольство отъ этого правителя въ Москву. Утвердившись на крайнемъ сѣверѣ, русскіе, въ 1648 году, построили Баргузинскій острогъ, что нынѣ гор. Баргузинъ; строителемъ былъ боярскій сынъ Иванъ Галкинъ. Слѣдовательно, Баргузинъ самый древній городъ въ Забайкальѣ. Но уже въ 1649 году основанъ Верхнеудинскій острогъ (нынѣ гор. Верхнеудинскъ). Какъ видно изъ предыдущаго разсказа, енисейскій воевода, Аѳанасій Пашковъ, подалъ мнѣніе снабжать наши отряды на Амурѣ чрезъ Забайкалье. Чтобы войти съ ними въ связь, онъ отправилъ сотника Бекетова на Востокъ и Бекетовъ, въ 1654 году, основалъ Нерчинскій острогъ на лѣвомъ берегу р. Нерчи. Этимъ движеніемъ русскіе перерѣзали все Забайкалье. Но такое движеніе было возможно только благодаря слабому населенію и миролюбію его. Кто же тогда жилъ въ Забайкальѣ? Въ сѣверной части его, какъ и теперь, жили бродячіе инородцы (орочены), ихъ было немного и они, впервые ознакомившись съ «огненнымъ боемъ» русскихъ, видя превосходство ружья надъ лукомъ или самопаломъ, должны были скоро смириться. Буряты жили южнѣе, тамъ же, гдѣ живутъ и теперь. Бурята были болѣе воинственны, болѣе многочисленны нежели орочены и бурята оказали сопротивленіе. Русскимъ пришлось «отсиживаться» отъ непріятеля, самимъ искать съ нимъ встрѣчи и затѣмъ безпощадно его избивать.

Въ Китай былъ отправленъ русскій посолъ Заболоцкій. Только что онъ высадился изъ судна на Байкалѣ, какъ бурята на него напали и убили. Это было въ 1661 году. Двадцать лѣтъ спустя на этомъ мѣстѣ былъ основанъ монастырь, извѣстный нынѣ подъ именемъ «Посольскаго». Между тѣмъ владѣнія русскихъ расширялись и въ 1666 году основанъ былъ Селенгинскъ на правомъ берегу р. Селенги. Здѣсь впослѣдствіи была основана крѣпость, которую осаждали монголы и въ которой русскіе отсиживались. Въ защитѣ крѣпости принималъ участіе сосланный сюда бывшій гетманъ (атаманъ) малороссійскаго казачьяго войска Демьянъ Многогрѣшный. Вѣроятно, онъ и былъ похороненъ здѣсь же. Говорятъ, что уже въ настоящемъ столѣтіи въ пескѣ нашли крестъ, на которомъ можно, хотя неясно прочесть, что этотъ крестъ, вѣроятно, стоялъ на могилѣ Демьяна Многогрѣшнаго. Теперь онъ стоитъ въ небольшой деревянной часовнѣ. Отъ крѣпости осталось очень мало: рѣка Селенга постепенно смыла то мѣсто, гдѣ стояли и крѣпость, и городъ; осталось лишь нѣсколько бѣдныхъ деревянныхъ

домовъ. Городъ еще въ 1840 году перенесенъ на другой берегъ рѣки, нѣсколько выше на свое настоящее мѣсто.

Постепенно усиливалась русская власть въ Забайкальѣ. Тунгузскій князь Гантимуръ съ нѣсколькими родами перешелъ изъ Китая и поступилъ въ наше подданство. Тунгусы разселились довольно широко, что указывало на малую населенность страны. Такъ и теперь управы Монковская, Кужертаевская, Онгоцонская, Оловская отстоятъ отъ князе-урульчи на сотни верстъ. Прикочевали къ намъ и поступили въ подданство и селенгинскіе бурята. Все это, а въ особенности дѣйствія на Амурѣ, о чемъ сказано выше, возбуждало неудовольствіе китайцевъ, да къ тому же и пограничныя сношенія торговыя происходили не гладко. Въ Китай были посылаемы посольства въ разное время. Такъ, начальникъ нерчинскаго острога Данило Аршинскій, въ 1670 году, отправилъ Милованова съ казаками предложить китайскому Богдыхану принять русское подданство. Миловановъ былъ принятъ, прожилъ 5 недѣль, получилъ подарки и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Четыре года спустя, въ Пекинъ ѣздилъ изъ Москвы посломъ Спафарій; онъ проѣхалъ чрезъ Нерчинскъ и Цицикаръ. Ему не удалось договориться съ китайцами.

Въ 1686 г. образовано было посольство подъ начальствомъ полномочнаго посла Ѳедора Алексѣевича Головина. Товарищемъ этого окольничаго былъ нерчинскій воевода Власовъ; при нихъ состояли: дьякъ Карпицкій, два подъячихъ и стольникъ Синявинъ. Съ посольствомъ отправленъ пятисотенный стрѣлецкій полкъ. По вскрытіи водъ въ 1686 г. посольство спустилось по Иртышу въ Кеть и потянулось вверхъ по этой рѣкѣ на 23 судахъ; изъ Енисейска оно выступило уже на 50 досчаникахъ; изъ Иркутска оно сплавлялось по частямъ, вслѣдствіе недостатка перевозочныхъ средствъ въ теченіе 1687 и 1688 годовъ. Перезимовавъ двѣ зимы въ Верхнеудинскѣ и Селенгинскѣ и положивъ основаніе прочной власти русскихъ въ Селенгинскомъ краѣ, Головинъ 24 іюня выступилъ къ Нерчинску, получивъ увѣдомленіе о прибытіи туда китайскихъ полномочныхъ въ іюлѣ.

Переговоры между представителями государствъ затянулись вслѣдствіе неуступчивости съ обѣихъ сторонъ и грозили принять неблагопріятный оборотъ, такъ какъ на сторонѣ китайцевъ былъ значительный перевѣсъ въ войскахъ, да, кромѣ того, они успѣли возбудить противъ русской власти инородцевъ, угрожающія толпы которыхъ окружили городъ, занявъ близлежащія высоты. Сами послы китайскіе уѣхали изъ города. Сознавая несоразмѣрность своихъ силъ съ тѣми, которыя могли развернуть китайцы, боясь отложенія тунгусовъ и монголовъ и убѣдясь къ тому же изъ разспросовъ знающихъ людей, что мѣстности по р. Амуру вверхъ отъ Албазина до Горбицы ни къ чему непригодны, ни для хлѣбопашества, ни для торговли, Головинъ договорился о государственныхъ границахъ слѣдующимъ образомъ: на лѣвомъ берегу Амура границею назначена р. Горбица, а на правомъ р. Аргунь; граница вдоль Амура должна пройти по хребту въ направленіи отъ верховьевъ р. Горбицы къ верховьямъ рѣки Удь, впадающей въ Охотское море. Ближайшими результатами этого договора было умиротвореніе границы, назначеніемъ границею между обоими государствами рѣки

Аргуни, установленіе правильнаго торга, возвращеніе въ Нерчинскъ обывателей изъ города Албазина, усиленіе войскъ въ Забайкальѣ, подчиненіе бурятъ нынѣшняго агинскаго вѣдомства и распространеніе нерчинскаго воеводства на все нижнее теченіе рѣки Онона. Кромѣ того, договорились о выдачѣ перебѣжчиковъ, о проѣздныхъ грамотахъ и о казни воровъ и разбойниковъ.

Приводимъ извлеченіе изъ сочиненія Миллера относительно предварительныхъ дѣйствій и переговоровъ и заключенія трактата:

«Китайскіе послы послали іюля 6 дня напередъ въ Нерчинскъ нѣсколькихъ служителей. Посланные пріѣхали въ Нерчинскъ 15 іюля, въ кое время появилось передъ Нерчинскомъ много китайскихъ судовъ или бусъ отъ Аргуйля пришедшихъ, якобы для привезенія посламъ съѣстныхъ припасовъ. На каждой изъ 76 бусъ было по пушкѣ, а войско, съ пришедшими сухимъ путемъ черезъ Аргуйскій острогъ, и съ начальствомъ (чрезъ Монголію) простиралось до 10,000 чел.; пригнано было 800 лошадей, дабы учинить конницу. Командующій надъ судами почти весь Нерчинскъ окружилъ и оказывалъ всякія грубости. Послы поставили свой лагерь пониже города на лугу, гдѣ Шилка и Нерча протекаютъ. Августа 10 прибылъ и окольничій (Головинъ) со свитою; 12 числа начались мирные договоры на полѣ въ 200 саженяхъ отъ Нерчинска, въ шатрѣ изъ одной россійской, а другой китайской палатки сложенномъ. Россійская палатка убрана была пренарядными турецкими коврами, въ коей Головинъ и Власовъ сидѣли за столомъ на креслахъ. Столъ покрытъ былъ персидскимъ ковромъ изъ шелку золотомъ тканымъ. На ономъ находились чернильница съ прочимъ до письма надлежащимъ приборомъ. По окончаніи первыхъ поздравительныхъ разговоровъ, окольничій думалъ, что надлежащія съ каждой стороны объявятъ свои кредитивы или уполномоченныя грамоты. Но сіе обыкновеніе китайцамъ было неизвѣстно; они не имѣли грамоты, не желали видѣть и русскую. Одинъ изъ россійскихъ дворянъ посольства, говорившій по-латыни весьма свободно, изъяснилъ мнѣнія, по которымъ положено вступить въ договоры. Согласились не говорить о происшедшихъ ссорахъ, ниже о другихъ дѣлахъ. Окольничій предложилъ рѣку Амуръ принять границею. Построеніе Аргунскаго острога безпрекословно съ китайской стороны есть доказательство, что Россія нѣкоторыми отъ Аргуни къ востоку и отъ Амура къ полудню лежащими странами владѣетъ.

Но китайцы предлагали такія излишнія требованія, что сами, какъ іезуитъ Гробильонъ объявляетъ, на оныхъ стоять не намѣревались, а именно, что не токмо Албазинъ, но и Нерчинскъ, Селенгинскъ и все до озера Байкала простирающіяся страны уступить имъ должно. Но сіи доводы россійскимъ посламъ опровергнуть не трудно было. Насталъ вечеръ и послы разошлись до будущаго дня. 13 августа китайцы уже нѣсколько уступили, ибо Нерчинскъ за пограничный городъ почитать согласились. 16 августа окольничій еще къ нимъ послалъ, дабы увѣдомиться, какое они приняли намѣреніе. Китайцы показали посланному на ландкартѣ рѣку Горбицу границею и вдоль рѣки Аргуни. 17 августа, по приказу китайскихъ пословъ, іезуиты предлагали, чтобы Аргунскій острогъ съ

восточнаго берега перенести на западный, однако въ томъ не согласились. Главнѣйшее затрудненіе состояло въ городѣ Албазинѣ, который удержать за россійскимъ государствомъ окольничій наипаче старался. Вскорѣ въ китайскомъ лагерѣ происходилъ военный совѣтъ, въ которомъ опредѣлено перебраться черезъ рѣку, а войско разставить такъ, чтобы онымъ городъ Нерчинскъ со всѣхъ сторонъ окружить и склонять подвластныхъ россійскому государству тунгусовъ и мунгаловъ къ измѣнѣ. Къ вечеру видѣли изъ Нерчинска весь лагерь въ движеніи и того же опасалися оттого худыхъ слѣдствій, то послалъ окольничій къ китайскимъ посламъ толмача съ протестаціею, что въ россійской сторонѣ искреннюю склоность имѣли къ договорамъ. 18 августа китайцы послали и дѣйствительно приказали поднять весь свой лагерь и сами слѣдовали за своимъ войскомъ, которое уже напередъ за рѣку переправилось; а на горахъ, страну около Нерчинска окружающихъ, китайцы дѣлали сильное движеніе. Въ Нерчинскѣ хотя учинены были учрежденія къ оборонѣ, однако нельзя было надѣяться, чтобы можно было устоять противъ превосходной непріятельской силы. Мунгалы, называемые по роду своему онкотами, 2700 человѣкъ за годъ передъ тѣмъ поддавшіеся россійской державѣ, а жительствовавшіе вверхъ по рѣкѣ Иигодѣ, измѣнивъ Россіи, того-жъ дня присовокупились къ китайцамъ. Того-жъ надлежало опасаться и отъ прочихъ ясашныхъ народовъ. И такъ, не осталось иного способу, какъ принять требованія съ китайской стороны до Албазина касающіяся, отъ всѣхъ правъ до рѣки Амура принадлежащихъ отказаться и сею благосклонностію купить миръ. Три дня прошли, чтобы согласиться о пунктахъ трактата; іезуиты перевели на латынскій языкъ, принесли оный 21 августа посламъ россійскимъ. Въ проектѣ трактата китайцы предложили совсѣмъ другія горы, а именно тѣ, которыя около Зеи рѣки и раздѣляютъ рѣки, впадающія въ океанъ отъ впадающихъ въ Ледовитое море. Но какъ окольничій 23 августа ничего на то не приказалъ отвѣтствовать, то китайцы, одумавшись, имѣли совѣтъ, чтобы излишними своими требованіями не прервать мирныхъ договоровъ. Наконецъ китайцы согласились сочинить трактатъ. Въ россійскомъ экземплярѣ оба царя (Петръ и Іоаннъ) напередъ китайскаго хана и россійскіе послы напередъ китайскихъ поставлены были, а въ китайскомъ экземплярѣ учинено было сему противное.

Размѣна трактата учинена на лугу при городѣ Нерчинскѣ въ поставленной съ россійской стороны палаткѣ. Чего ради собрались послы съ обѣихъ сторонъ съ великою свитою въ богатомъ убранствѣ. Русскіе приняли китайцевъ какъ гостей. Съ обѣихъ сторонъ былъ подписанъ трактатъ, запечатанъ и клятвою утвержденъ въ общемъ присутствіи. Китайцы хотѣли было учинить клятвенное обѣщаніе похристіански передъ образомъ Спасителевымъ. Но окольничій на то не позволилъ, дабы христіанство не давать язычникамъ въ поруганіе. Онъ доволенъ былъ употребительнымъ языческимъ ихъ въ такихъ случаяхъ обыкновеніемъ. Послѣ клятвы вручили одна сторона другой подписанный ими и запечатанный экземпляръ трактата, русскіе на русскомъ, китайцы на манчжурскомъ языкѣ; латинскій переводъ былъ подписанъ съ обѣихъ сторонъ обще съ приложеніемъ печатей и размѣненъ въ

двухъ равногласныхъ экземплярахъ. Притомъ обнялись послы съ обѣихъ сторонъ при играніи на трубахъ и литаврахъ. Окольничій трактовалъ китайцевъ разными винами и закусками, послѣ чего уже ночью поздно разъѣхались. Съ обѣихъ сторонъ договорились немедленно послать вѣстниковъ въ Албазинъ и Аргунскій острогъ для публикованія мира и для исполненія тамъ по заключенному трактату.

28 августа россійскіе послы съ китайскими дарились, а на другой день китайскіе поѣхали изъ Нерчинска, въ кое время и все китайское войско, водою пришедшее, назадъ же возвратилось».

Прежде нежели окольничій Ѳедоръ Алексѣевичъ (Головинъ) поѣхалъ назадъ въ Москву, учинилъ онъ еще распредѣленіе, что въ Нерчинскѣ для большей безопасности вмѣсто прежняго острога сдѣланъ былъ рубленный деревянный городъ. Онъ самъ передъ отъѣздомъ своимъ осенью тотъ городъ заложилъ, послѣ чего, въ 1690 году, строеніе совершилось; съ того времени Нерчинскъ сталъ называться городомъ. Тутъ же онъ оставилъ всю артиллерію, привезенную туда во время войны и умножилъ гарнизонъ весьма значительнымъ числомъ своего войска; ибо онъ взялъ съ собою назадъ въ Россію токмо одинъ полкъ московскихъ стрѣльцовъ и офицеровъ двухъ въ Сибири набранныхъ полковъ; напротивъ того, всѣхъ рядовыхъ обоихъ сихъ полковъ сибирскихъ записалъ въ Нерчинскъ, Селенгинскъ и Удинскъ въ казацкую службу. Головинъ отбылъ въ Москву весною 1690 года, приказавъ заложить на Селенгѣ остроги: Итанцинскій и Кабанскій.

Но, не смотря на заключеніе нерчинскаго договора, недоразумѣнія съ Китаемъ не прекращались и торговля все непалаживалась. Поэтому, въ 1725 году, снаряжено было посольство въ Китай подъ начальствомъ графа иллирійскаго Саввы Владиславовича Рагузинскаго. Посольство было въ Пекинѣ и уже на возвратномъ пути на рѣкѣ Бурѣ заключенъ былъ, 20 августа 1727 года, съ китайскими уполномоченными договоръ, называемый буринскимъ. По нему опредѣлена была граница отъ рѣки Аргуни, отъ урочища Абагайту, на западѣ до границъ нынѣшней Иркутской губерніи. Рагузинскій основалъ слободу Кяхту, а выше ея заложилъ поселеніе въ день св. Троицы; здѣсь построилъ и церковь св. Троицы съ предѣломъ въ честь св. Саввы Сербскаго (Рагузинскій самъ родомъ изъ сербовъ). Поселеніе это и есть нынѣшній городъ Троицкосавскъ.

Заключеніемъ буринскаго договора опредѣлились и границы нынѣшняго Забайкалья. Дальше пошла уже работа о заселеніи края, о развитіи добычи рудъ; въ нерчинскомъ заводѣ началась впервые выплавка серебросвинцовыхъ рудъ въ 1704 году.

VIII.

Начало Забайкальскаго казачьяго войска.

Устраивая пограничныя дѣла, Рагузинскій позаботился и объ охраненіи границы со стороны Китая. Здѣсь были поставлены столбы, насыпаны курганы (маяки). Къ охраненію границы привлекли селенгинскихъ бурятъ и тунгусовъ Гактимура, а равно и русскихъ казаковъ. Съ этою цѣлію на границѣ начали устраивать поселенія, а тунгусы въ предѣлахъ нынѣшняго 2-го военнаго отдѣла были разселены «партіями». Обыкновенно, какъ буряты, такъ и тунгусы, охраняли границу поочередно, смѣняясь. Однако, это было имъ хлопотливо и стали просить опредѣлить однихъ и тѣхъ же людей. Взяли изъ болѣе многолюдныхъ семей и выдѣлили ихъ и составили, въ 1761 году, тунгусскій пятисотенный полкъ, а три года спустя, въ 1764 году, образовали 4 бурятскихъ, или, какъ ихъ называли, «братскихъ» шестисотенныхъ полка. Люди этихъ полковъ были размѣщены по возможности ближе къ границѣ, и поочередно посылались на границу занимать караулы. Полки назывались: цонголовъ, ашебагатскій, атагановъ и сортоловъ. Полки состояли подъ начальствомъ пограничнаго командира; ему же подчинялись и русскіе казаки, жившіе по границѣ. Но кромѣ этихъ казаковъ, были еще казаки, жившіе въ разныхъ городахъ и острожкахъ.

Тогда же по границѣ были устроены и крѣпости: Горбиченская, Цурухайтуйская, Чиндантская (нынѣ старый Чиндантъ), Кударинская, Акшинская. Троицкосавская, Харацайская и Тункинская, Во всѣхъ крѣпостяхъ было 900 русскихъ казаковъ, взятыхъ изъ казачьихъ командъ селенгинской, верхнеудинской, баргузинской и иркутской и, кромѣ того, былъ размѣщенъ селенгинскій гарнизонный полкъ. Въ крѣпостяхъ были пушки. Такъ было до 1810 года, когда солдаты были выведены, а казенныя крѣпостныя зданія были проданы съ торговъ. Въ Акшѣ и теперь еще есть слѣды крѣпостнаго вала. Кромѣ крѣпостей, по границѣ было построено 63 редута или караула, и сверхъ того установлено 17 отводныхъ пикетовъ. Редуты устроены были такъ же, какъ и сибирскіе остроги, т. е. деревянные палисады или рогатки съ деревянными же башнями. Въ такомъ видѣ оставались казаки до 1822 года, т. е. до изданія сибирскихъ учрежденій знаменитаго Сперанскаго. Графъ Сперанскій въ короткое время объѣхалъ Сибирь, былъ и въ Забайкальѣ и составилъ предположеніе о преобразованіи казаковъ.

Всѣ пограничные казаки составили пограничное войско; оно для управленія раздѣлено было на три отдѣленія: цурухайтуевское (къ востоку отъ Станового хребта), и харацайскаго (къ западу отъ сего хребта), и тункинское (въ Иркутской губ.). Общія обязанности какъ бурятскихъ и тунгузскаго полковъ, а также и русскихъ заключались въ наблюденіи за «чистотой» границы (т. е. сохраненіе на ней благоустройства; преслѣдованіе и поимка бѣглыхъ, сдача слѣдовъ и т. п. На казакахъ же лежало исправленіе дорогъ и пр. въ районѣ своего расположенія. Русскіе казаки имѣли: сабли, пики, пистолеты и карабинъ (укороченное ружье). Оружіе это было неоднообразно, а какое вообще случилось

подъ рукою; казаки буряты и тунгусы имѣли лукъ съ колчаномъ и стрѣлами. Казаки, разсѣянные по области, составили забайкальскій городовой казачій полкъ, а также именовались станичными казаками (Верхнеудинской станицы).

Такъ существовали казаки въ теченіе почти 30 лѣтъ, неся службу на границѣ, а также и внутри губерніи, на этапахъ, въ конвоѣ, на пріискахъ и т. п. Забайкалье входило тогда въ составъ Иркутской губерніи и во всей области было два округа: Верхнеудинскій и Нерчинскій. Въ 1848 году генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, еще молодой 38 лѣтній генералъ, полный силъ, а главное, стремленія поднять и развить ввѣренный ему край.

Муравьевъ обратилъ особое вниманіе на занятіе р. Амура. Долго и настойчиво онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему сдѣлать это и постепенно подготовлялъ средства для этого. Отъ его взгляда не ускользнула возможность воспользоваться весьма подходящимъ для того населеніемъ Забайкалья. Послѣ разныхъ представленій, въ 1851 году, утверждены слѣдующія положенія, имѣющія для забайкальцевъ весьма важное значеніе, а именно: 17 марта—о забайкальскомъ казачьемъ войскѣ; 21 іюня — о пѣшихъ баталіонахъ забайкальскаго же войска; 11 іюля—объ образованіи Забайкальской области, а 20 мая — о кяхтинскомъ градоначальствѣ. Такимъ образомъ 1851 годъ былъ особенно выдающимся годомъ для Забайкалья и для нашего войска.

Какъ же составилось забайкальское войско?

Пограничные казаки въ Иркутской губерніи (по прежнему ея устройству) приняли названіе забайкальскаго казачьяго войска, которое должно было содержать 4 русскихъ и 2 бурятскихъ конныхъ полковъ, каждый въ 6 сотенъ. Въ составъ русскихъ полковъ были обращены всѣ пограничные казаки, забайкальскій городовой казачій полкъ, станичные казаки, живущіе въ Верхнеудинскомъ округѣ, инородцы изъ состава бурятскихъ казачьихъ полковъ, получившіе осѣдлость на пограничной линіи и живущіе на этой линіи крестьяне разныхъ вѣдомствъ, тунгусы тунгусскаго полка; въ составъ бурятскихъ полковъ—бурята четырехъ бурятскихъ полковъ. Русскіе полки составили 1 и 2 бригады, а бурятскіе— третью; были учреждены бригадныя управленія, состоящія изъ канцеляріи и правленія, которое составляли бригадный командиръ и два засѣдателя.

Казачье населеніе подчинялось только однимъ своимъ бригаднымъ командирамъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Были учреждены сотенныя правленія изъ сотеннаго командира и двухъ сотенныхъ судей.

Службу казаки несли иначе, чѣмъ теперь. Съ достиженіемъ 17-ти лѣтъ каждый записывался на два года въ малолѣтки и употреблялся на станичныя повинности; съ достиженіемъ 19-ти лѣтъ каждый записывался въ казаки и приводился къ присягѣ; на годъ онъ освобождался отъ службы; а затѣмъ наряжался по очереди на службу. Служба была двоякая: полевая или по войсковому управленію и внутренняя. Въ теченіи первыхъ 25 лѣтъ казакъ могъ быть наряжаемъ на первую и затѣмъ еще 15 лѣтъ — на вторую; такимъ образомъ въ отставку казакъ выходилъ 58 лѣтъ, могъ и раньше по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, по болѣзни, а также если имѣлъ трехъ служащихъ сы-

[illegible] въ одномъ домѣ съ нимъ нераздѣльно живущихъ. Всѣ казаки и ихъ жены подлежали суду въ военно-судныхъ комиссіяхъ. Полевая служба состояла въ охраненіи границы съ Китаемъ, содержаніи [illegible] карауловъ и разъѣздовъ, служба на [illegible], караулы въ городахъ, на пріискахъ, на заводахъ и, наконецъ, служба внѣ войска. Предписано было назначать на службу съ такимъ разсчетомъ, чтобъ быть на оной одинъ годъ, а затѣмъ не менѣе двухъ лѣтъ находиться на льготѣ. Внутренняя служба считалась наравнѣ съ полевою и заключалась въ исправленіи разныхъ обязанностей по внутреннему управленію войска.

По положенію 21 іюня 1851 года, крестьяне, приписанные къ нерчинскимъ горнымъ заводамъ, зачислены съ потомствомъ въ забайкальское войско навсегда. Они составили 12 пѣшихъ батальоновъ, въ нихъ же зачислили и станичныхъ казаковъ Нерчинскаго округа. Баталіоны составили три пѣшихъ бригады; управленіе было бригадное и баталіонное, такъ же какъ и въ конныхъ бригадахъ.

Служба въ пѣшихъ баталіонахъ была одинакова съ конными казаками. Для обученія и усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ всѣ казаки полевой службы собирались лѣтомъ на одинъ мѣсяцъ, пѣшіе—по-баталіонно, а конные — посотенно. Между прочимъ, населеніе баталіоновъ обязано было содержать управленія, а также и чиновъ, служащихъ при сихъ управленіяхъ, нести расходы на исправленіе казеннаго войсковаго оружія, устройство цейхгаузовъ, бригадныхъ и баталіонныхъ помѣщеній и на другія внутреннія надобности. На это деньги собирались съ казаковъ по разсчету не свыше 3 р. съ души. Обмундированіе состояло изъ шапки (папаха): у конныхъ верхъ краснаго сукна, у пѣшихъ темнозеленаго, околышъ изъ чернаго барана; фуражка съ краснымъ околышемъ у конныхъ и съ красною выпушкою у всѣхъ; чекмень темнозеленаго сукна, у конныхъ воротникъ краснаго сукна, на чекменѣ два напатронника, каждый на 8 патроновъ, у офицеровъ черный, бархатный, обложенный широкою серебряною тесьмою, у казаковъ черные, кожаные, обшитые чернымъ басономъ и чернымъ шнуромъ, втулки березовыя съ бѣлыми костяными головками. У пѣхотинцевъ также чекмень, но только съ красною выпушкою и безъ напатронниковъ. Погоны у конныхъ синяго сукна, а у пѣшихъ темнозеленаго съ номеромъ, пробитымъ на желтомъ сукнѣ. Шаровары сѣраго сукна, у конныхъ съ красною выпушкою, а у пѣшихъ безъ нея. Коннымъ казакамъ полагалось ружье со штыкомъ, который носился придѣланнымъ къ ножнамъ шашки.

Такъ было устроено войско и начало свою службу. Конныя батареи были сформированы уже послѣ, въ 1858 году. Какія послѣдовали перемѣны, говорить особенно нечего. Форму новую съ желтымъ сукномъ дали уже въ 1876 году, затѣмъ постепенно сократили срокъ службы и стали казаки служить такъ же, какъ и всѣ казачьи войска—вѣрою и правдою Царю и Отечеству. И теперь найдутся казаки, которыя помнятъ, какъ образовалось войско, какъ приходилось служить, какіе были начальники. Все это еще очень живо и разсказывать здѣсь пока незачѣмъ. Вотъ лучше скажу немного, какъ занимали Амуръ второй разъ.

IX.

Вторичное занятіе р. Амура.

Раньше было сказано, что генералъ-губернаторъ Муравьевъ усиленно хлопоталъ о занятіи рѣки Амура.

Было такое предположеніе, что Сахалинъ не островъ; наши моряки своими изслѣдованіями, а особенно Невельскій опровергнулъ это. Русскія поселенія были на Охотскомъ морѣ (гор. Охотскъ), были въ Камчаткѣ (гор. Петропавловскъ). Сообщаться съ ними приходилось или чрезъ всю Сибирь сухопутно, или же моремъ, вокругъ почти всего свѣта. Когда открыли, что Сахалинъ островъ, тогда около устьевъ Амура основали зимовье — нынѣшній Николаевскъ.

Наконецъ, въ январѣ 1854 года, разрѣшено было произвести сплавъ по р. Амуру къ Николаевску и отсюда доставить припасы и проч. къ Охотску и въ Камчатку.

Приэтомъ государь императоръ изволилъ лично сказать Муравьеву: «чтобы при этомъ не пахло пороховымъ дымомъ». Еще ранѣе на частныя пожертвованія былъ выстроенъ пароходъ «Аргунь» въ шилкинскомъ заводѣ (нынѣ завода нѣтъ) на р. Шилкѣ.

Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она ожидала болѣе 160 лѣтъ. По пути генералъ-губернатора Муравьева вездѣ встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни.

Трудно передать, какое это было всеобъемлющее состояніе радости; всякій силился и спѣшилъ принести свою лепту. Со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія на сплавъ по Амуру.

Тѣмъ временемъ на шилкинскомъ заводѣ происходило оживленное движеніе. Берегъ рѣки былъ усыпанъ линейными солдатами и забайкальскими казаками, торопливо изготовлявшими большія неуклюжія лодки и огромные, еще болѣе неуклюжіе, плоты. Тутъ же стоялъ на якорѣ пароходъ «Аргунь» подъ русскимъ военнымъ флагомъ. Сюда же собирались и войска, предназначенныя для сплава; они состояли изъ одного своднаго линейнаго баталіона, численностью въ 800 человѣкъ, сводной конной сотни 2-й бригады забайкальскаго казачьяго войска и дивизіона горной артиллеріи.

Когда все было готово—въ шилкинскій заводъ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ. Вскорѣ послѣ прибытія Муравьева, Шилка очистилась отъ льда и рано утромъ, 8-го мая 1854 года, отрядъ, помолясь Богу передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной въ 1690 году изъ Албазина,—сѣвъ на лодки и плоты, при салютѣ изъ албазинской же пушки, тронулся въ далекій и невѣдомый путь.

Во главѣ шла дежурная лодка, на которой постоянно находился одинъ изъ офицеровъ и проводникъ отряда — сотникъ Скобельцинъ [1]); за ней слѣдовали лодки баталіона, числомъ около двадцати, потомъ плоты съ артиллеріей и кавалеріей и наконецъ баркасъ Муравьева. Сзади каравана шелъ порожнякомъ пароходъ «Ар-

[1]) Заурядъ-сотникъ *Скобельцинъ* немного зналъ этотъ край, такъ какъ, будучи еще простымъ казакомъ, хаживалъ внизъ по Амуру на промыселъ.

гунь». Машина его была настолько слаба, что онъ не выгребалъ противъ теченія и вообще приносилъ отряду мало пользы, но много заботъ и труда уничтоженіемъ громаднаго количества дровъ, заготовляемыхъ, во избѣжаніе задержки въ движеніи экспедиціи, по ночамъ. Кромѣ людей баталіона на каждой лодкѣ находилось до 1,500 пуд. провіанта, одна часть котораго предназначалась для отряда, а другую часть должны были сдать въ устьѣ Амура на казенный транспортъ, для доставки его въ Камчатку.

18-го мая въ 2 часа 30 мин. пополудни, флотилія, пройдя Усть-Стрѣлку, вступила въ воды р. Амура. Отрядъ остановился. Трубачи заиграли «Боже Царя Храни»; всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ. Генералъ-губернаторъ, зачерпнувъ въ стаканъ Амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по рѣкѣ; раздалось восторженное «ура».

Черезъ два дня плаванія флотилія достигла мѣста, гдѣ 165 лѣтъ тому назадъ стояла наша казачья крѣпость Албазинъ, сожженная манчжурами до основанія, послѣ заключенія Головинымъ Нерчинскаго трактата, но слѣды которой все-таки еще сохранились довольно хорошо. Причаливъ къ этому пустынному холму, священному по преданіямъ, трубачи заиграли «Коль славенъ Нашъ Господь въ Сіонѣ», на всѣхъ судахъ скомандовали на молитву, всѣ встали и сняли шапки. За молитвой послѣдовалъ народный гимнъ, при звукахъ котораго всѣ вступили на албазинскую почву. Первымъ движеніемъ каждаго было подняться на остатки албазинскаго вала и осмотрѣть его въ подробности; первымъ взошелъ Н. Н. Муравьевъ, за нимъ всѣ преклонили колѣна праху почившихъ храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Албазина. Помолясь, отрядъ тронулся дальше. Пустынные берега, начиная отъ Албазина, стали оживляться; то и дѣло встрѣчались бродячіе дауры, а не доходя до китайскаго города Айгуна, показались и первыя фанзы манджуръ.

28 мая, послѣ длиннаго перехода, отрядъ получилъ приказаніе остановиться на ночлегъ не далеко отъ впаденія въ Амуръ р. Зеи, гдѣ нынѣ стоитъ гор. Благовѣщенскъ, верстахъ въ двадцати отъ Айгуна; какъ только флотилія пристала къ берегу, Муравьевъ послалъ двухъ чиновниковъ изъ своей свиты къ губернатору города, чтобы узнать, получилъ ли онъ изъ Пекина разрѣшеніе на пропускъ русскихъ по Амуру. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія, но неутѣшительный отвѣтъ привезли они: губернаторъ никакого разрѣшенія изъ Пекина на пропускъ русскихъ не получалъ, а своею властью разрѣшить этого пропуска не могъ, да и не хотѣлъ. Положеніе было незавидное, всѣ пріуныли. На другой день, 29-го мая, Муравьевъ приказалъ отряду слѣдовать дальше и, не доходя верстъ пять до города, присталъ къ берегу, пересѣлъ со свитою на пароходъ и отправился въ Айгунъ, чтобы лично переговорить съ китайскими властями. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ приказаніе начальнику отряда быть готовымъ, по первому сигналу, идти и атаковать городъ. Переговоры съ китайцами тянулись до вечера и увѣнчались успѣхомъ; разрѣшеніе на безпрепятственное слѣдованіе флотиліи дальше по Амуру было получено, такъ какъ появленіе никогда невиданнаго манчжурами парохода и огромнаго числа плывущихъ по рѣкѣ

баржъ и лодокъ, до того перепугало манчжурскихъ чиновниковъ, что они только одного желали—скорѣйшаго удаленія русскаго военнаго отряда изъ-подъ стѣнъ ихъ города.

3-го іюня, по ошибкѣ проводника, запутавшагося въ безчисленныхъ островахъ, флотилія, принявъ одинъ изъ притоковъ Амура за фарватеръ, вышла въ рѣку Уссури, верстахъ въ 40 отъ впаденія ея въ Амуръ, къ мѣсту, гдѣ теперь стоитъ станица уссурійскаго казачьяго войска Казакевичева. 5-го іюня, при выходѣ изъ Уссури въ Амуръ, Муравьеву прежде всего бросился въ глаза высокій правый берегъ рѣки, густо поросшій вѣковымъ лѣсомъ. «Вотъ гдѣ будетъ городъ», сказалъ онъ, указывая рукою на отдѣльную, выступавшую изъ общаго очертанія берега скалу. Слова его сбылись и теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ городъ Хабаровка, а на скалѣ, указанной Муравьевымъ, поставленъ ему, герою Амура, памятникъ, освѣщенный въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича въ 1891 году.

Къ вечеру, 10-го іюня, замѣчена была на рѣкѣ лодка, шедшая подъ парусомъ, и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу около Н. Н. Муравьева и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія. Еще лодка не успѣла подойти къ берегу, какъ генералъ-губернаторъ спросилъ офицера: «далеко ли до Маріинскаго поста»?—Офицеръ отвѣчалъ: «около 500 верстъ», что, разумѣется, непріятно разочаровало всѣхъ ожидавшихъ близкаго конца плаванія. Слѣдуя отсюда далѣе, они, по выраженію Муравьева, вступили въ страну, какъ бы уже давно принадлежавшую Россіи. На встрѣчу имъ всюду выходили гольды въ сопровожденіи стариковъ, въ родѣ старостъ, которые съ любопытствомъ осматривали вновь пришедшихъ, приносили въ изобиліи рыбу и выставляли вездѣ проводниковъ (лоцмановъ), которыхъ до этого времени нигдѣ нельзя было достать. Мало того, на этомъ пути явился торгующій манчжуръ со своими приказчиками и, бросившись на колѣни передъ генераломъ, извинялся, что онъ производитъ здѣсь торговлю безъ дозволенія русскихъ, почему и просилъ выдать ему на это разрѣшеніе. Словомъ, этотъ трудный походъ по невѣдомой рѣкѣ можно было считать оконченнымъ, не смотря на то, что оставалось еще много верстъ до устья Амура

Наконецъ, 14-го іюня, утромъ, въ 7 верстахъ отъ Маріинскаго поста, флотилія была встрѣчена капитаномъ Невельскимъ, а къ полудню она уже собралась у Маріинскаго поста. При громкихъ крикахъ «ура» всего отряда, лодки и плоты экспедиціи пристали къ берегу, гдѣ бѣлѣлось нѣсколько домиковъ на черномъ фонѣ лѣса, окружавшаго этотъ постъ; это были русскія избы 8-ми человѣкъ матросовъ, занимавшихъ этотъ пунктъ. Здѣсь, за обѣдомъ у Н. Н. Муравьева, всѣ его спутники радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ перваго сплава по Амуру.

И такъ, отряды Муравьева и Невельскаго соединились; сбылось то, о чемъ они за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи еще въ Петербургѣ, только мечтали. Тысячи верстъ были пройдены. Ни огромная, незнакомая рѣка, ни бури, ни отсутствіе хорошихъ проводниковъ, ни страшный физическій трудъ,—ничто не остановило этихъ героевъ. На дрянныхъ лодкахъ, на неуклюжихъ плотахъ, подъ опасеніемъ, если не утонуть, то по крайней мѣрѣ уто-

пить весь провіантъ и умереть голодною смертью среди дикой тайги, они все-таки настойчиво шли и достигли желаннаго.

Осмотрѣвшись, Муравьевъ, послѣ двухъдневнаго отдыха, который онъ далъ своему отряду, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Конной сотнѣ и горному дивизіону (4 орудія) остаться въ Маріинскѣ.

2) 400-мъ человѣкамъ изъ баталіона слѣдовать въ заливъ де-Кастри, а оттуда на транспортѣ «Двина» въ Петропавловскъ.

3) 200-мъ человѣкамъ отправиться къ Николаевску для охраны этого поста.

4) Остальнымъ 200-мъ человѣкамъ, подъ командою подпоручика Глена,—отправиться на лодкахъ въ озеро Кизи съ цѣлью провести отъ него просѣку и дорогу къ заливу де-Кастри.

Второй сплавъ былъ весною 1855 года подъ начальствомъ самого Муравьева; въ сплавѣ принималъ участіе сводный казачій полубаталіонъ, а также и поселенцы, предназначенные для поселенія въ устьяхъ Амура. Между прочимъ, лѣтомъ въ заливѣ де-Кастри было расположено 500 пѣшихъ казаковъ; здѣсь было столкновеніе съ непріятелемъ, суда котораго подходили къ нашему посту.

Третій сплавъ былъ въ 1856 году. Войска скопилось въ устьяхъ Амура не только достаточно, но даже и много, такъ какъ заключенъ былъ миръ съ англичанами и французами. Часть войскъ рѣшено было возвратить домой, въ Забайкалье. Первые два отряда прошли сравнительно скоро и удовлетворительно, но третьему, въ которомъ было 9 офицеровъ и 370 солдатъ, достался очень трудный путь. Отъ Маріинскаго поста до Усть-Стрѣлки отрядъ шелъ 143 дня (съ 27 іюля по 16 декабря) 2,340 верстъ, при чемъ долженъ былъ буквально голодать, потерявъ третью часть своего состава. Четвертый сплавъ былъ въ 1857 г.; болѣе 500 семей казачьихъ было отправлено для занятія лѣваго берега р. Амура, а затѣмъ и праваго р. Уссури. Наконецъ, въ 1858 году, въ пятый сплавъ были направлены также казачьи семьи, образовавшій вмѣстѣ съ прежними 30 станицъ и поселеній нынѣшняго амурскаго и уссурійскаго казачьихъ войскъ. Генералъ-губернаторъ также плылъ по р. Амуру; на мѣстѣ Усть-Зейской станицы былъ заложенъ городъ Благовѣщенскъ, въ китайскомъ городѣ Айгунѣ, 16 мая, заключенъ былъ договоръ, по которому китайцы признали за наши занятыя нами земли.

Возведеніе въ графское достоинство съ присоединеніемъ Амурскаго было царскою наградою Муравьеву, за выдающіяся его заслуги Царю и Отечеству.

Переселенія забайкальскихъ казаковъ на Амуръ и Уссури продолжались и въ послѣдующее время. Нужно сказать, что по незнанію мѣстныхъ условій, мѣста для поселеній избирались не всегда удачно; большими разливами ихъ затопляло, уничтожало строенія, всѣ посѣвы и заставляло переходить на новыя мѣста, притомъ же не всегда удачно. Переселенцы и войска, бывшіе на Амурѣ, нуждались въ продовольствіи и не одинъ разъ сплавлялся изъ Забайкалья хлѣбъ, скотъ для раздачи нуждающимся. Часто требовалось отправить хлѣбъ скоро, закупать его было не время, и тогда выгребали его изъ сельскихъ магазиновъ.

Занятіе Амура стоило забайкальскому войску, только что образованному, не малыхъ жертвъ. Сколько было переселено на Амуръ и Уссури въ точности неизвѣстно, къ

1 января 1877 года изъ 20,330 душъ обо- его пола [illegible] населенія амурскаго войска, [illegible] считалось 18,020 [illegible] на Шилкѣ, на Аргуни [illegible] Амуръ, потомъ брали [illegible]. Словомъ, войско сослу- [illegible] важныхъ службъ, надало- щихъ на казаковъ,—оно выслало своихъ сыновъ туда, куда требовала польза государства. А скольких жертвъ это стоило какъ тѣмъ, кто уходилъ, такъ и тѣмъ, кто оставался, объ этомъ лучше всего спросите людей пожилыхъ, при которыхъ переселеніе происходило.

X.

Путешествіе пѣшкомъ казака Назимова.

([illegible] Назимова. [illegible] Спб., 18[illegible]).

Казакъ Андрей Лаврентьевъ Назимовъ родился въ 1786 году, въ слободѣ Кяхтѣ. Предки его были казаки пограничнаго войска.

Обучившись въ дѣтствѣ русской грамотѣ, а впослѣдствіи познакомившись и съ монгольскимъ языкомъ, Назимовъ, въ 1806 году былъ записанъ на службу въ пограничный полкъ, а по сформированіи Забайкальскаго казачьяго городового полка, поступилъ въ первую его сотню. Назимовъ [illegible] время занимался письменными дѣлами въ полковой канцеляріи и, по прослуженіи около 30 лѣтъ, вышелъ въ отставку урядникомъ, поселился на жительство въ пригородной слободѣ (нынѣ станица) Верхнеудинской, гдѣ и обзавелся собственнымъ домикомъ и небольшимъ хозяйствомъ.

[illegible] Назимовъ, какъ человѣкъ грамотный и отъ природы любознательный, [illegible] читать и слышать отъ другихъ о разныхъ событіяхъ и торжествахъ въ Москвѣ и Петербургѣ и Царскихъ [illegible] Августѣйшихъ Монарховъ. [illegible] желаніе когда нибудь увидать собственными глазами первопрестольную Москву и новый столичный городъ Петербургъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сподобиться лицезрѣть и Помазанника Божія, своего обожаемаго Монарха.

Задуманное Назимовымъ предпріятіе добраться до столицы и царя—было очень смѣлымъ: надо было пройти болѣе 6,000 верстъ; желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній не было; нужно идти пѣшкомъ, по дорогѣ, по которой много всякаго сброда, бѣглыхъ; притомъ же и Назимову было уже за 50 лѣтъ.

2-го марта 1840 года, на первой недѣлѣ великаго поста, отслуживъ Господу Богу напутственный молебенъ, предоставивъ семейство свое на волю Провидѣнія и получивъ благословеніе духовнаго отца своего, священника о. Симеона Трапезникова, Андрей Назимовъ, съ вѣрою и молитвою, изъ гор. Верхнеудинска пѣшкомъ тронулся въ дальній путь, на берега рѣки Невы.

Отправляясь, Назимовъ далъ себѣ обѣтъ посѣщать всѣ монастыри, какіе будутъ

встрѣчаться ему на пути; а там, — если приведетъ Господь,—посѣтить и угодниковъ кіевскихъ.

Въ котомкѣ Назимова помѣщалось скудное бѣлье, казачья шинель, часть съѣстныхъ припасовъ, огниво, кремень и т. п.; на поясѣ у него висѣлъ складной ножъ, который, въ случаѣ надобности, могъ замѣнить и топоръ для колки дровъ, если бы пришлось заночевать подъ открытымъ небомъ. Не желая обременять себя лишней тяжестью въ дорогѣ, не смотря на то, что морозы стояли еще нарядные, онъ не могъ взять съ собой даже настоящей теплой одежды... Главная же забота его была дорогой о сохраненіи денегъ и паспорта: потерявъ деньги, онъ рисковалъ остаться безъ пищи, а безъ паспорта даже рисковалъ личной своей безопасностью и свободой.

Маршрутъ свой Назимовъ разсчитывалъ выполнить, идя шесть дней сряду, дѣлая ежедневно 25—30 верстъ, а въ воскресенье гдѣ придется, отдыхать.

Первые монастыри, встрѣченные Назимовымъ на пути къ Иркутску, были Троицкій, подлѣ с. Ильинскаго, и Посольскій—на берегу Байкала.

Троицкій монастырь основанъ около 1661 года, на лѣвомъ берегу Селенги, на мѣстѣ, около котораго происходило когда-то сраженіе русскихъ казаковъ съ монголами.

Посольскій монастырь основанъ въ 1681 году, уже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ на мѣстѣ, ознаменованномъ измѣнническимъ убіеніемъ монголами посла нашего, Заболоцкаго, со всей его свитой, по приказанію вѣроломнаго монгольскаго хана Цеценя, владѣнія котораго въ тѣ времена доходили до самаго Байкала.

На пятой недѣлѣ Великаго поста Назимовъ пришелъ въ Иркутскъ. Отдыхъ былъ ему необходимъ: ноги его отъ безпрерывнаго пути по твердой, мерзлой землѣ подвергались опухоли. Черезъ недѣлю онъ оставилъ Иркутскъ; посѣтивъ знаменитый въ Сибири иркутскій Вознесенскій монастырь, основанный въ 1672 году, онъ поклонился мощамъ св. Иннокентія, перваго сибирскаго чудотворца и перваго епископа иркутскаго, скончавшагося 26-го ноября 1731 года

Между тѣмъ наступила распутица: вскрытіе рѣкъ, грязи, топи, а иногда и сильные холодные вѣтра и т. п. сильно затрудняли дорогу казаку.

Благодаря распутицѣ, Назимовъ до гор. Нижнеудинска (500 верстъ отъ Иркутска) шелъ около мѣсяца. По входѣ же въ Енисейскую губернію, распутица миновалась и Назимовъ могъ въ день дѣлать уже верстъ 30 — 40. Желая по возможности сократить свои путевые расходы, онъ— когда случалось ночевать у какого нибудь озера или рѣчки—ловилъ мелкую рыбенку имѣющейся при немъ удочкой, раскладывалъ огонь и приготовлялъ себѣ скромный ужинъ.

Въ одну изъ такихъ рыбалокъ-ночевокъ на пути, между городами Канскомъ и Красноярскомъ, къ Назимову неожиданно подошли изъ лѣсу семь человѣкъ, весьма подозрительной наружности. Назимовъ сразу смекнулъ, что это «варнаки», бѣглые. На обычные вопросы: кто онъ таковъ, куда идетъ и зачѣмъ? Назимовъ, не желая возбудить ихъ подозрѣнія, съ крайнею осторожностью отвѣчалъ, что онъ житель Забайкалья. Бѣглые хотѣли его обыскать, но одинъ изъ нихъ отговорилъ. Бѣглые пригласили его, ради компаніи, идти вмѣстѣ съ ними. Приходилось поневолѣ согласиться. И

вотъ Назимовъ сталъ невольнымъ спутникомъ бѣглыхъ каторжниковъ, не находя средствъ отдѣлаться отъ нихъ.

На четвертыя сутки, ночью, воспользовавшись крѣпкимъ сномъ сторожей своихъ, онъ, призывая на помощь Бога и всѣхъ Его угодниковъ, тихо встаетъ и незамѣтно ушелъ.

Но не такъ-то легко отдѣлался онъ отъ лихихъ людей уже въ степи Барабинской, на границѣ Томской губерніи.

Подпимаясь однажды рано утромъ съ ночлега въ лѣсу, къ нему вдругъ изъ лѣсу подъѣзжаютъ верхами два человѣка. Лица ихъ и висѣвшіе съ боку у каждаго ножи ничего не обѣщали добраго. Назимовъ струхнулъ. Послѣ разспросовъ: кто, куда да зачѣмъ, разбойники, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, начинаютъ искать у Назимова денегъ. Къ счастью, онъ, предвидя подобную возможность въ дорогѣ, догадался деньги зашивать подъ заплаты своего платья.

Но вотъ новая бѣда: не найдя денегъ, разбойники ухватились за его паспортъ. Назимовъ не отдаетъ; завязывается борьба... Они требуютъ, просятъ, опять требуютъ, угрожая убійствомъ, но, видя стоящаго предъ собою на колѣняхъ въ слезахъ, отчаяніемъ удрученнаго старца, сердце ихъ смягчилось. Они и говорятъ ему: «Не бойся, старикъ, мы волоса твоего не тронемъ; будь спокоенъ, иди съ Богомъ!» Мало того, они даютъ казаку цѣлковый и разстаются съ нимъ, какъ старинные знакомые и друзья.

Слѣдуя далѣе, Назимовъ рѣшилъ свернуть съ главнаго тракта, идущаго на Екатеринбургъ, и идти Омско-Оренбургской линіей на гг. Уфу и Казань. Выгода была прямая: онъ пошелъ по мѣстамъ, заселеннымъ его же собратьями, сибирскими казаками, и путевое содержаніе ему почти ничего не стоило.

Миновавъ Омскъ, Петропавловскъ, Троицкъ, Назимовъ, 4-го сентября, достигаетъ Уфы, гдѣ радушно принимается казакомъ Портняшнымъ...

По пути уже на Казань съ Назимовымъ опять случилось непріятное происшествіе. Переходя однажды по огромной лѣснинѣ горную рѣчку, мостъ на которой снесло бывшей передъ тѣмъ бурей, Назимовъ, почти уже на срединѣ рѣчки, неожиданно упалъ съ бревна въ горный потокъ. Къ счастью, онъ умѣлъ плавать и скоро вскарабкался на другой берегъ.

Въ Казанской губерніи приключилось и болѣе серьезное: не доходя верстъ двухъ до какой-то деревни, уже темной осенней ночью, Назимову пришлось проходить по мосту. Вдругъ изъ сосѣдняго лѣса выбѣгаютъ три человѣка, вооруженные дубинками, хватаютъ Назимова, уводятъ его подъ мостъ и тамъ его обшариваютъ. Найдя зашитые въ жилетномъ карманѣ 35 рублей, они берутъ эти деньги, привязываютъ полураздѣтаго Назимова къ одной изъ мостовыхъ свай и уходятъ съ угрозой, чтобъ онъ отнюдь не кричалъ, пока они не скроются въ лѣсъ. Шинель, фуражка, котомка, сапоги, внутри которыхъ были зашиты оставшіяся деньги, все это было брошено подъ ноги привязанному Назимову.

Пробывъ въ этомъ положеніи часа два, онъ началъ кричать. Случайно явившаяся на рѣчку крестьянка, услышавъ крикъ, подходитъ къ мосту и развязываетъ казака...

26-го сентября Назимовъ достигаетъ Казани, гдѣ сподобился приложиться къ нетлѣннымъ мощамъ св. Гурія и Варсонофія

и къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери.

Пройдя затѣмъ еще нѣсколько городовъ и посѣтивъ знаменитую обитель Саровскую Тамбовской губерніи, Назимовъ достигъ Троицко-Сергіевской Лавры, знаменитой какъ своими святынями, такъ и историческими событіями, происшедшими въ стѣнахъ этой святой обители.

Троицкая Лавра, въ 64 верстахъ отъ Москвы, основана преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ въ 1337 году. По совѣту и съ благословенія преподобнаго Сергія, князь Дмитрій Донской, въ 1380 году, пошелъ противъ Мамая и разбилъ его на Куликовомъ полѣ. Лавра стала знаменита въ смутныя времена междуцарствія; она выдержала долговременную осаду поляковъ. Но кто изъ русскихъ не слышалъ о Троицко-Сергіевской Лаврѣ, и ея основателѣ, преподобномъ Сергіи Радонежскомъ?!

Наконецъ, 12-го декабря Назимовъ вступаетъ въ первопрестольную столицу, сердце Россіи, въ Москву.

Мечта Назимова понемногу начинаетъ сбываться.

Въ теченіе восьми дней нашъ путникъ осмотрѣлъ: Кремль, Архангельскій соборъ, Оружейную палату, былъ на колокольнѣ Ивана Великаго, видѣлъ Царь-колоколъ и и Царь-пушку, и многое, многое другое.

Пройдя Клинъ, Тверь, Торжокъ, Осташковъ, Валдай, Новгородъ, Назимовъ достигъ Царскаго Села и 1-го марта благополучно прибылъ въ Петербургъ, передъ благовѣстомъ къ обѣднѣ.

Давши еще въ Верхнеудинскѣ обѣтъ — по прибытіи въ Петербургъ, тотчасъ же идти въ древній Валаамскій монастырь и помолиться сначала за Августѣйшій домъ и тогда уже искать счастія удостоиться видѣть Государя,—Назимовъ такъ и поступилъ. Валаамскій монастырь находится въ 300 верстахъ отъ Петербурга, на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера; основанъ онъ еще около 1000 лѣтъ назадъ святыми отшельниками Сергіемъ и Германомъ.

Въ Петербургъ Назимовъ возвратился въ первый день Пасхи, въ самую заутреню На квартирѣ онъ остановился сначала у одного своего знакомаго унтеръ-офицера гвардейскаго егерскаго полка, уроженца Забайкалья. Потомъ, уже черезъ недѣлю, случайно повстрѣчавшись съ другимъ знакомымъ сибирякомъ, служившимъ въ Кяхтѣ, Назимовъ изъ казармъ перебрался на квартиру къ нему.

Вспомнилъ Назимовъ, что въ Петербургѣ, въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, служитъ бывшій его начальникъ, Назимову скоро посчастливилось разыскать его, и разсказать ему свое путешествіе и цѣль его.

Офицеръ въ свою очередь сказалъ, что у него есть знакомая особа, находящаяся при государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, и что чрезъ эту особу онъ попробуетъ довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о пламенномъ и похвальномъ желаніи забайкальца...

И вотъ, 26 апрѣля, Назимову приказано было явиться въ канцелярію Наслѣдника Цесаревича. Здѣсь онъ удостоился счастія быть представленнымъ его высочеству и августѣйшей его супругѣ, которые обласкали его и изволили осчастливить продолжительной бесѣдой и разспросами. Назимову велѣно было явиться снова во дворецъ Государя Наслѣдника, для представленія Государю Императору. Насталъ и этотъ счастливѣйшій въ жизни день. Въ

*

назначенное время въ дворцовую залу, гдѣ уже дожидался Назимовъ, входитъ обожаемый Монархъ, сопутствуемый Наслѣдникомъ и двумя иностранными принцами. Обратясь ласково къ казаку, Государь спросилъ его: «Зачѣмъ пришелъ ты сюда?»

Назимовъ, отъ переполнявшаго его чувства радости, отъ неизъяснимаго душевнаго умиленія, при видѣ царя такъ отъ себя близко, долго не могъ выговорить ни слова. Наконецъ онъ, обливаясь слезами радости, сказалъ: «Я пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ за 7,000 верстъ, съ китайской границы, только для того, чтобъ удостоиться видѣть Ваше Императорское Величество и всю августѣйшую фамилію».—«Спасибо, братъ», изволилъ милостиво одобрить Государь: «я доволенъ тобою и благодарю тебя»... Затѣмъ Государь изволилъ милостиво разспрашивать: сколько времени шелъ, много ли взялъ съ собою на дорогу денегъ; разспрашивалъ, какъ живутъ сибиряки-казаки, чѣмъ занимаются. Назимовъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ.

Затѣмъ, съ соизволенія Его Величества, Назимовъ былъ проведенъ въ покои къ Государынѣ, а потомъ ко всѣмъ великимъ князьямъ и княжнамъ. Государыня Назимова приняла съ материнскою ласкою: онъ удостоился счастія поцѣловать милостиво протянутую руку...

Счастіе не оставляло Назимова и дальше. Онъ былъ взысканъ неожиданными царскими милостями, получивъ подарки: отъ Государя Императора—золотые часы; отъ Государыни Императрицы—золотую табакерку съ эмалью; отъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича — драгоцѣнное евангеліе въ голубомъ бархатѣ, въ серебряномъ, вызолоченномъ окладѣ, съ финифтяными изображеніями евангелистовъ; отъ нихъ же Назимовъ получилъ: требникъ и псалтирь; отъ великаго князя Константина Николаевича — мѣсяцесловъ въ богатомъ переплетѣ; отъ Михаила Павловича—образъ Богоматери въ серебряной, вызолоченной ризѣ. Сверхъ того, отъ всѣхъ вообще царственныхъ особъ, Назимовъ награжденъ былъ деньгами.

Пожалованіе ему подарковъ было удостовѣрено особыми свидѣтельствами.

Передъ уходомъ Назимова изъ Петербурга, на родину, онъ снова былъ представленъ своему обожаемому Монарху и Императрицѣ, которые снова милостиво разговаривали съ нимъ, пожелавъ ему добраго пути. Проживъ всего въ Петербургѣ полтора мѣсяца, Назимовъ имѣлъ возможность видѣть всѣ достопримѣчательности столицы и ея окрестностей.

Такъ былъ, по волѣ Божіей, вознагражденъ простой забайкальскій казакъ за свою искренно-глубокую любовь къ Царю-Батюшкѣ.

20-го іюля 1841 года, помолясь Богу, Назимовъ покинулъ Петербургъ и направился къ себѣ на родину—не прямымъ трактомъ, а пожелалъ побывать у св. угодниковъ Кіево-Печерской Лавры, помолиться тамъ за столь великія и богатыя милости, какими наградилъ его Русскій Царь и его Августѣйшій Домъ.

Изъ Кіева онъ заходилъ въ Воронежъ—поклониться гробу св. Митрофанія и оттуда уже отправился прямою дорогою на Казань, Пермь, Екатеринбургъ и дальше.

Андрей Назимовъ остатокъ дней своихъ прожилъ въ своемъ собственномъ скромномъ домикѣ въ Заудинской станицѣ, и въ 1853 году отошелъ въ вѣчность...

XI.

Путешествіе верхомъ въ городъ Уральскъ.

(По разсказу одного изъ участниковъ канонира Владиміра Рогалева).

Наказный атаманъ генералъ-маіоръ Хорошхинъ вызвалъ охотниковъ съѣздить верхомъ на своихъ строевыхъ лошадяхъ въ гор. Уральскъ для присутствованія на готовящемся 300-лѣтнемъ юбилеѣ существованія Уральскаго казачьяго войска. Вызвались: отъ 1-го Коннаго полка урядникъ Романъ Шестаковъ и отъ № 1-й батареи—бомбардиръ Козьма Назимовъ, отъ 2-й батареи, я.*

21-го марта 1891 года я совсѣмъ уже былъ готовъ, чтобы двинуться въ путь. Въ девять часовъ утра всѣ нижніе чины, мои собратія, были одѣты въ походную форму и построены въ казармѣ. Всѣ вмѣстѣ помолились Казанской Божіей Матери.

Въ сопровожденіи казаковъ вышелъ я изъ казармы, сѣлъ на своего добраго товарища-коня, поклонился всѣмъ моимъ собратіямъ и поѣхалъ съ вахмистромъ въ квартиру командира батареи. По прибытіи туда, его высокоблагородіе осмотрѣлъ мою лошадь, сѣдло и взятое со мною во вьюкѣ, а именно: двѣ пары рубашекъ и подштанниковъ, пара шароваръ и еще мелкія вещи. На себя я надѣлъ папаху, шинель, башлыкъ, теплыя перчатки; подъ шинель теплый полушубокъ (теплушку) и шарфъ; на ногахъ теплые унты; шашка, револьверъ съ кобурою, подъ сумкомъ и патронами были при мнѣ же. Для лошади взято: форменное сѣдло со всею принадлежностію; на случай ослабленіи подковъ, взялъ молотокъ, храпки (плоскогубцы) и запасные подковные гвозди; въ фуражныхъ саквахъ находился овесъ для лошади въ количествѣ 13 фун. Потомъ нашъ командиръ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, наставлялъ меня подробно, какъ вообще я долженъ вести себя въ пути слѣдованія и каковъ долженъ имѣть уходъ и попеченіе за лошадью; вручилъ мнѣ, письменное наставленіе. Командиръ батареи поѣхалъ со мною вмѣстѣ и самъ на Атамановскую площадь въ сопровожденіи взвода казаковъ (артиллеристовъ) и гг. офицеровъ. По прибытіи на площадь, я явился командиру полка и старшему урядннку Шестакову.

Вскорѣ прибыли на площадь наказный атаманъ, начальникъ штаба и много другихъ офицеровъ. Въ войсковой часовнѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Послѣ молебна простились съ нами его превосходительство и офицеры, пожелавъ намъ сердечно всего хорошаго въ пути и полнаго успѣха, дабы выполнить долгъ службы, который возложенъ на насъ.

Загремѣла войсковая музыка. Я и Шестаковъ сѣли на лошадей и, въ сопровожденіи своихъ командировъ, гг. офицеровъ, взвода артиллеристовъ и сотни полковыхъ казаковъ, двинулись въ путь невѣдомый. Версты три, до часовни, провожали насъ. Простились съ нами наши командиры, облобызавъ насъ, какъ малыхъ своихъ дѣтей; простились и остальные всѣ, пожелавъ намъ счастливаго пути. Перекрестясь, двинулись мы двое съ Шестако-

*) Шестаковъ Дуроевской станицы поселка Староцурухайтуевскаго, Назимовъ—Цакирской ст. поселка Цеженскаго и Рогалевъ—Цаганъ-Олуевской ст. поселка б агайтуевскаго.

вымъ. Ѣхали, ни слова не говоря другъ другу, увлекаясь мыслями о нашемъ будущемъ. Погода стояла благопріятная; снѣгъ таялъ, но очень еще плохо: черновинъ (проталинъ) не было. Проѣхавъ молча верстъ десять, начали говорить о предстоящемъ путешествіи. Незамѣтно почти доѣхали до поселка Черновскаго, въ который не заѣзжали, проѣхавъ прямо до слѣдующей станціи Домно-Ключевской, куда прибыли уже очень поздно, часовъ въ 11 ночи. Отыскали сельскаго старосту, который приказалъ десятнику отвести намъ квартиру.

Мы ночевали здѣсь благополучно, хотя спать пришлось очень мало: излишнее время употребили на попеченіе о лошадяхъ. Примѣрно, часа два держали лошадей на выстойкѣ, часа полтора кормили сѣномъ, а затѣмъ поили, но не досыта; послѣ водопоя давали овса. Здѣсь овса не покупали: у меня овесъ былъ взятъ съ собою (13 ф.) въ саквахъ. Сѣна купили одинъ пудъ за 40 коп. Провизіи съ собою никакой не везли, а покупали на пунктахъ остановокъ.

Въ первый день сдѣлали переходъ 39³/₄ версты; себя чувствовали уставшими, съ непривычки-то къ большимъ переходамъ. 22-го марта, въ 6¹/₂ часовъ утра, отправились дальше. Поднялись на Яблоновый хребетъ. До станціи Беклемишевской, 26¹/₄ версты, проѣхали благополучно. Погода была перемѣнная: шелъ снѣгъ, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, поднималась сильная мятель (вьюга). Здѣсь пришлось купить для лошадей овса, въ размѣрѣ 20 ф., по 10 ф. на лошадь; овесъ продается по 90 к. пудъ, сѣно 50 к. Накормивъ лошадей сѣномъ и овсомъ, ставили ихъ на всю ночь на «стойку»; въ три часа утра кормили и поили въ 6 часовъ; затѣмъ ѣхали дальше.

23-го марта благополучно прибыли на слѣдующую станцію Кондинскую, гдѣ ночевали, проѣхавъ 32 версты. Дача овса и сѣна была обыкновенная: по 10 ф. овса и по 20 ф. сѣна. Погода была неблагопріятная: весь день былъ сильный буранъ; отъ бурана и снѣга лошадей укрывали какъ могли.

24-го марта прибыли на станцію Верхне-Удинскую, гдѣ ночевали, проѣхавъ 30¹/₂ верстъ.

25-го марта благополучно пріѣхали въ полдень на станцію Домнинскую (21 вер.), гдѣ покормили лошадей только сѣномъ и поѣхали дальше до станціи Укыръ (27¹/₂ верстъ). Всего проѣхали 48¹/₂ верстъ. День былъ теплый, снѣгъ таялъ порядочно: поэтому была распутица, грязь. Ночью лошадей держали на «стойкѣ»; утомительности лошадей не было замѣтно. Слѣдуя далѣе, мы 28-го марта благополучно прибыли на станцію Онинскую. По всему пути мѣстныя власти вездѣ оказывали намъ радушный пріемъ, оказывали во всемъ содѣйствіе. Благодаря Бога, погода стояла благопріятная, ясная, теплая; снѣгъ таялъ сильно, такъ что во всю дорогу была грязь и потоки; для лошадей, особенно для ногъ ихъ, очень было нехорошо.

1-го апрѣля, благополучно достигнувъ города Верхнеудинска, явились командиру № 1-го Забайкальской казачьей конно-артиллерійской батареи. Его высокоблагородіе приказалъ намъ остановиться въ казармахъ батареи, зачислили насъ и лошадей нашихъ на довольствіе при батареѣ на три дня, такъ какъ мы, противъ маршрута, прибыли ранѣе назначеннаго времени: назначено отъ гор. Читы до гор. Верхнеудинска слѣдовать пятнадцать дней, а мы

ѣхали только тринадцать дней. По этому дни эти предположили отдохнуть, ибо мы и лошади наши чувствовали усталость. Отъ Читы до Верхнеудинска 445³/₄ версты.

5-го апрѣля, поблагодаривъ казаковъ батареи за радушный пріемъ, отправились дальше.

7-го апрѣля проѣхали около полдня село Кабанское. Село это прекрасное: слѣдуя по пути, въ первый разъ еще встрѣтили такое большое, красивое, оживленное село. Ночевали на станціи Большерѣчинской. День былъ ясный. Утомительность наша ѣздою мало-по-малу исчезала; я и лошадь чувствовали себя хорошо, втягиваясь въ поѣздку. Дачу овса замѣтно увеличили: покупали 34 ф. овса и пудъ сѣна на обѣихъ лошадей, и дѣлили поровну; дачу давали вечеромъ и утромъ. Цѣна здѣсь на пудъ сѣна 30 коп., пудъ овса 60—70 коп. Подковы не ослаблялись и лошадей еще ни разу не перековывали.

8-го апрѣля прибыли на станцію Боярскую (23 в.), расположенную на берегу озера Байкала. Здѣсь остановились ночевать и узнать дорогу чрезъ Байкалъ. По свѣдѣнію, прямо чрезъ Байкалъ дороги нѣтъ, а нужно еще ѣхать берегомъ ниже 40 верстъ, на Мишихину, и тогда пуститься чрезъ Байкалъ.

9-го апрѣля въ очень сильную бурю (буранъ) пустились ѣхать (по льду) Байкаломъ, придерживаясь берега, такъ какъ верхомъ ѣхать было нельзя: завалено сугробами снѣга. Трудно, очень трудно пришлось намъ и лошадкамъ нашимъ на Байкалѣ.

10-го апрѣля съ Мишихи поѣхали чрезъ Байкалъ на станцію Листвяничную. Переѣздъ былъ дальній, 51 верста, и очень трудный, погода встрѣчная; непостоянная: тепло, снѣгъ и буранъ перемѣнялись постоянно; то вдругъ поднимается сильная буря, ни зги не видно,—того и гляди, попадешь въ щель на Байкалѣ. Очень часто на Байкалѣ ледъ разрывается, образуя широкія щели, но, къ счастію, только мѣстами, а не вездѣ. Благодаря Бога, благополучно переѣхали Байкалъ. Ночлегъ въ Листвяничной, въ первый разъ увидали пароходы, стоящіе тамъ на зимовкѣ.

12-го апрѣля пріѣхали въ городъ Иркутскъ. Городъ хорошій, каменная постройка, разный торгъ всякими товарами; народу на улицахъ много. Здѣсь встрѣтилъ насъ нашъ товарищъ, бомбардиръ Назимовъ, онъ ждалъ насъ 8 дней. Здѣсь къ начальнику мы не обращались относительно квартиры, а заѣхали прямо въ квартиру, Назимова, потому что хозяинъ квартиры, Шадринъ, былъ ему знакомый и даже пріятель, и насъ безъ стѣсненія принялъ. Старшій явился воинскому начальнику, получилъ открытое предписаніе. Его высокоблагородіе спросилъ о пути слѣдованія и гдѣ остановились на квартирѣ? Старшій объяснилъ ему, но онъ, не увѣрившись, послалъ человѣка узнать, гдѣ мы квартируемъ.

Въ Иркутскѣ продневали одинъ день. Такимъ образомъ благополучно проѣхали отъ гор. Верхнеудинска 298¹/₂ версты. Лошади замѣтно втягивались въ работу, а мы ужъ совсѣмъ чувствовали себя хорошо. Отъ Читы до Иркутска мѣстность гористая, вездѣ лѣсъ и горы; дорога «неспособная», трудная.

14-го апрѣля простились съ нашимъ радушнымъ хозяиномъ и пустились дальше, но уже втроемъ.

21-го апрѣля въ Куйтунской встрѣтили Пасху Христову. Невесело дневали; скучно

намъ было провести день вдали отъ родной батареи!...

26 числа прибыли въ гор. Нижнеудинскъ, явились воинскому начальнику. Его высокоблагородіе разспросилъ все подробно и написалъ записку начальнику мѣстной команды относительно квартиры. Начальникъ команды отвелъ хорошее помѣщеніе для насъ и для лошадей. При слѣдованіи втроемъ отъ гор. Иркутска мѣстныя власти вездѣ оказывали намъ содѣйствіе. Сѣно купили 1 п. 20 ф. на трехъ лошадей, овса тоже 1 п. 20 ф.; дѣлили поровну (20 ф.) одною торбою, а не вѣсили. Сѣно 50 к. пудъ, овесъ 1 р. Ѣхали благополучно, особенныхъ приключеній не встрѣчали по тракту, хотя жители и говорятъ, что здѣсь частенько случаются убійства пѣшихъ и конныхъ; и, дѣйствительно, это можно полагать, что доказываютъ кресты, которыхъ не мало встрѣчали на пути, болѣе около мостовъ и глухихъ мѣстъ. Полюбопытствовали узнать, что за частые кресты? Подъѣхали къ одному, на немъ было написано: кто именно убитъ, кѣмъ и изъ-за чего? Но мы всего этого не боялись, потому что были вооружены. По случаю ледохода на рѣкѣ Удѣ (перевозъ) намъ пришлось просидѣть полтора дня: ледъ начало ломать, шугу не пронесло, мостъ разрушился. Отъ Иркутска проѣхали 483³/₄ версты.

5-го мая прибыли въ гор. Канскъ; ночевали. Явились воинскому начальнику, получили открытое предписаніе на безпрепятственное слѣдованіе. Отъ Нижнеудинска до Канска 308 верстъ; случалось проѣзжать въ сутки по 54 версты.

9-го мая прибыли въ Красноярскъ. Перевозъ рѣку Енисей; всего проѣхали въ этотъ день 69¹/₂ верстъ.

Явились командиру красноярской казачьей сотни, который зачислилъ лошадей нашихъ на фуражное довольствіе. Казаки приняли насъ очень радушно. Явились воинскому начальнику. Въ Красноярскѣ дневка. Командиръ сотни и гг. офицеры осматривали нашихъ лошадей съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Городъ очень красивъ; отъ Канска 216 верстъ.

11-го мая выѣхали далѣе.

19-го мая прибыли въ гор. Маріинскъ. Явились воинскому начальнику и поѣхали дальше до Подъельничной. Лошадки наши не чувствовали еще утомленія, шли хорошо.

24-го мая прибыли въ гор. Томскъ, сдѣлавъ въ этотъ день 68¹/₄ верстъ.

Явились воинскому начальнику, по приказанію котораго отвели намъ квартиру въ пѣшемъ батальонѣ, удовлетворили довольствіемъ. Лошадей и насъ начальство осмотрѣло; ветеринарный докторъ предлагалъ Назимову оставить лошадь въ Томскѣ, потому что она у него сильно хромала переднею лѣвой ногой, пройдя въ такомъ видѣ уже болѣе тысячи верстъ. Назимовъ не согласился; отъ хромоты лечилъ самъ дорогой. Въ Томскѣ получили телеграмму отъ его превосходительства, начальника штаба, чтобы спѣшили ѣхать и измѣнили маршрутъ: назначили ѣхать чрезъ гор. Златоустъ. Ночевали въ гор. Томскѣ благополучно. Городъ хорошъ и очень красивъ; народу на улицѣ очень много. Всего проѣхали отъ гор. Красноярска до гор. Томска 505 верстъ въ 14 дней. На пути препятствій не встрѣчали. Села и деревни устроены порядочно; народъ болѣе занимается хлѣбопашествомъ и «дворнею», держатъ постоялые дворы, потому что отъ Томска до Иркутска ходятъ ямщики съ товарами, а отъ Иркутска до Томска ходятъ съ чая-

ми. Поэтому народъ живетъ очень исправно, зажиточно.

25-го мая благополучно переправились чрезъ рѣку Томь и поѣхали дальше.

29-го мая были въ Дубровиной. Кормили и поили лошадей обыкновенно около полудня, лошадямъ давали отъ 20 ф. и до 30 ф. сѣна и это же количество овса, смотря по переходу.

30-го мая г. Колывань. Здѣсь кормили лошадей и отдыхали, а ночевали въ Тырышкиной, проѣхавъ 67³/₄ версты. Ѣхать приходится болѣе по ровному мѣсту. Дорогой встрѣчали проѣзжающій и проходящій народъ, переселенцевъ изъ Россіи и другихъ мѣстъ, слѣдующихъ на новое мѣсто жительства въ Сибири, изъ Тамбовской и проч. Ѣхали они больше въ Барнаульскій округъ. Причины переселенія, какъ передаютъ сами переселенцы или «самоходы» (такъ здѣсь ихъ называютъ), неурожай хлѣбовъ и травъ уже нѣсколько лѣтъ, а потомъ надѣлъ земли малъ для хлѣбопашества.

6-го іюня проѣхали городъ Каинскъ, а 14-го іюня прибыли въ г. Омскъ, въ 11 часовъ дня. Явились полковнику Катанаеву, предсѣдателю войскового хозяйственнаго правленія сибирскаго казачьяго войска. Его высокоблагородіе разспросилъ насъ подробно о путеслѣдованіи, самъ пошелъ съ нами, отвелъ квартиру въ военно-фельдшерской школѣ сибирскаго казачьяго войска.

Въ этомъ городѣ живутъ Сибирскіе казаки отдѣльнымъ форштадтомъ, но болѣе простонародіе, мѣщане.

15-го іюня изволили прибыть и посмотрѣть насъ, а въ особенности лошадей нашихъ, начальствующія лица: его превосходительство начальникъ штаба, съ адъютантомъ и другіе гг. офицеры; насъ спрашивали, какъ ѣхали, какъ довольствовали лошадей фуражемъ, въ какомъ количествѣ давали овса и сѣна? Гдѣ покупали для себя провизію? не было ли препятствій отъ властей въ путеслѣдованіи? Лошади, на взглядъ начальства, нисколько не ослабѣли тѣломъ; лошадь же Назимова все еще хромала.

Дача овса увеличилась до 8-ми гарнцевъ (28 ф.). Овесъ покупали на пунктахъ остановокъ. Овесъ отъ 1 р. 20 к. за пудъ и за сѣно 90 к. Здѣсь взвѣсили наши сѣдла: у меня и Шестакова сѣдла обыкновенныя, форменныя, казачьяго образца, а у Назимова—простое, бурятское. Вѣсъ нашихъ сѣделъ безъ багажа 32 ф., Назимова— 1 п. 2 ф., т. е. на 10 ф. тяжелѣе. Насъ и лошадей сняли въ фотографіи.

Отъ гор. Омска до гор. Томска считаютъ 891¹/₄ версты. Ѣхали благополучно; особенныхъ приключеній не встрѣчали. Жители гостепріимные, почтительны и хороши; болѣе занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ исправно; по московскому тракту отъ Иркутска до Омска жители всѣ крестьяне. Въ Омскѣ сибирскіе казаки неотступно насъ спрашивали о нашемъ жительствѣ и службѣ, о состояніи средствъ, занятіяхъ и т. п. Въ Омскѣ прожили два дня: по случаю сильнаго вѣтра нельзя было переѣхать рѣку Иртышъ.

17-го іюня остановилась погода; переѣхавъ Иртышъ, пошли дальше предѣлами сибирскихъ казаковъ.

Всего сибирскими казаками проѣхали больше 500 верстъ. Далѣе пошли оренбургскіе казаки.

Слѣдуя изъ Омска поселками и станицами сибирскихъ казаковъ, очень натерпѣлись нужды мы и лошадки наши: сильная засуха и неурожай хлѣбовъ и травъ за-

ставили нуждаться самихъ сибирскихъ казаковъ; поэтому и мы дѣлили нужду съ ними, въ особенности трудно было найти овса и сѣна для лошадей, въ иныхъ мѣстахъ вовсе не находили продовольствія лошадямъ; взамѣнъ сѣна и овса покупали камышъ и то дорогою цѣной. Казаки имѣли видъ печальный, унылый; говорили, что раньше, до этого неурожая, особенной нужды не имѣли, а теперь пришлось и потерпѣть. У нихъ, какъ и у насъ, казаки снаряжаются на службу на свой счетъ и идутъ служить въ отдаленные края: въ Туркестанъ и Семирѣчье. Служатъ на «дѣйствительной» 4 года. Льготные казаки и малолѣтки ежегодно собираются по станицамъ на ученье, мѣсяца на $1^1/_2$ или на 2 (компанентъ); малолѣтки же еще учатся по станицамъ и зимой (обучаютъ ихъ особые инструкторы подъ руководствомъ офицеровъ).

Сѣдла обыкновенныя, какъ наши, но только лучшей работы и однообразныя; строевыя лошади почти не крупнѣе нашихъ, но рѣзвостью, пожалуй, уступятъ нашимъ, исключая киргизскихъ. Нѣкоторые казаки имѣютъ строевыхъ лошадей киргизской породы; лошади эти очень хороши, ходки, быстры и выносливы, и значительно крупнѣе нашихъ. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, а нѣкоторые и торговлею; въ порядочномъ количествѣ насѣваютъ хлѣба; имѣютъ достаточно скота, лошадей и барановъ, которыхъ охраняютъ у нихъ киргизы за условленную плату (пастухи). Киргизы живутъ въ «кибиткахъ» (юрта); народъ это кочующій, какъ наши буряты; живутъ они «аулами», въ степяхъ, на хорошихъ мѣстахъ имѣютъ скотоводство. Нынче неурожай травъ, и нѣтъ надежды накосить сѣна Казаки и киргизы по этому случаю продавали скотину весьма по дешевой цѣнѣ, не имѣя надежды прокормить его зиму. Лошади наши чувствовали замѣтно утомленіе и ослабѣвали; сильный лѣтній зной помогалъ еще больше этому. Пашни и степи, взамѣнъ растительности, изобилуютъ насѣкомыми: кобылкой, саранчей, которыя вредны для растеній. Жаръ сильный, почти все лѣто не было ни одного дождя, все сгорѣло отъ засухи. Отъ солнечнаго зноя и насѣкомыхъ, пауковъ и комаровъ ни день, ни ночь не было спокоя. Казаки, по бѣдности, квартирами для насъ очень стѣснялись: они говорили, что «кормить имъ не чѣмъ, хлѣба нѣтъ»; за кормовыя деньги въ рѣдкихъ пунктахъ кормили насъ; больше приходилось покупать. Мѣстами на отопленіе зданій и варку пищи, взамѣнъ дровъ, введенъ аргалъ, такъ какъ лѣсъ отъ станицъ далеко, да его мало. Мѣста у нихъ болѣе ровныя степи, но все-таки есть и рощи.

Казаки на видъ не крупнѣе нашихъ, но очень «бойки». Въ лѣтнее время ходятъ въ гимнастическихъ рубашкахъ съ красными погонами, фуражкахъ и шароварахъ съ лампасами; зимою въ шубѣ, пимахъ, шапкѣ, построенной на образецъ папахи, съ присвоенной формѣ верхушкой.

Слѣдуя по сему печальному пути, я однажды встрѣтилъ радушный пріемъ въ станицѣ Николаевской, отъ Омска въ 112 верстахъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ моего командира батареи, у любезнаго его родителя, отставного казацкаго полковника Семена Егоровича Путилова. Товарищи отъ меня отстали, а я поспѣшилъ впередъ и ночевалъ у полковника Путилова, какъ подъ роднымъ кровомъ моихъ родителей. Дѣдушка принялъ меня, какъ

сына родного, любезнаго и преданнаго ему, и почтилъ, какъ дитя родное, вмѣсто своего сына, моего командира.

Въ городѣ Петропавловскѣ не ночевали, а кормили только лошадей. Здѣсь послушали лихія пѣсни сибирскихъ казаковъ, слѣдующихъ на ученье въ гор. Омскъ (льготные и для встрѣчи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича).

28-го іюня ѣхали дальше оренбургскими казаками: отъ поселка Песчанаго сибирскаго войска, на разстояніи 17 вер., граница войска. Кончалась Сибирь, началась Россія. Здѣсь построены прекрасныя каменныя вороты: въѣхали въ Россію. Отъ Песчанаго до поселка Алабужскаго оренбургскаго войска 17½ в., станица Звѣриноголовская 15 в; кормили и поили лошадей; квартиру не просили; взяли овса и кормили прямо на базарѣ. Оренбургскіе казаки просто обступили насъ кругомъ; спрашивали про все. Здѣсь видѣли, какъ обучаютъ молодыхъ казаковъ. Казачата одѣты въ гимнастическія рубашки, въ фуражкахъ, брюки съ лампасами, при шашкахъ. Шашки маленькія. Казаки всѣ ходятъ и ѣздятъ въ присвоенной формѣ. Ночевали въ Одерномъ 16 в.; всего проѣхали 48½ верстъ. Здѣсь былъ пожаръ, и много сгорѣло зданій и всякой постройки.

Оренбургскіе казаки благосостояніе имѣютъ порядочное; хлѣба насѣваютъ много; болѣе сѣютъ пшеницу; занимаются скотоводствомъ; имѣютъ большое количество лошадей, рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ, занимаются и торговлею. Пастухи у нихъ тоже киргизы. Мѣста привольныя для всего. Обмундировываются и снаряжаются на службу казаки тоже на свой счетъ, исключая оружія. На службу ходятъ въ отдаленные края: въ Туркестанъ и въ Фергану. Строевыя лошади, какъ и у сибирскихъ казаковъ же. Постройку зданій и все для хозяйства имѣютъ хорошую; но есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, надиво намъ, дома, крытые соломой. Поэтому у нихъ бываютъ частые пожары. Отопленіе болѣе аргаломъ, потому что лѣсъ въ отдаленности; мѣстность похожая на мѣстность сибирскихъ казаковъ. Занятія также почти одни и тѣ же. Хлѣбовъ и травъ нынче сильный неурожай: оренбуржцы также имѣютъ сильную нужду въ хлѣбѣ. Казаки говорятъ: «хлѣба, травъ неурожай, вотъ и нужда; заработковъ никакихъ почти положительно нѣтъ; деньги скудны». Казаки также никогда не отступаютъ отъ своей формы: лѣтомъ въ фуражкахъ, въ рубашкахъ съ погонами. Оренбуржцы лихіе пѣсенники. Околышъ фуражекъ, погоны и лампасы синяго сукна.

Молоденькихъ казачатъ обучаютъ урядники по станицамъ. Казаки весьма словоохотливы, обходительны и хорошіе разсказчики; любители плодить птицъ: куръ, индюшекъ, гусей и утокъ. Поэтому все это у нихъ дешево; но хлѣбъ дорогой. Квартиры отводили и пускали насъ безъ стѣсненія, но недаромъ, а за кормовыя деньги или купить что надо. Фуражное довольствіе для лошадей покупалось дорого и скудно, все равно, какъ у сибирскихъ казаковъ. Въ гор. Троицкѣ тоже есть жители казаки. Мы проѣзжали городъ во время ярмарки; народу съѣхалось отовсюду всякаго много; продавалось все сравнительно съ нашимъ очень дешево. Отъ Омска до Троицка 787 вер. Теперь намъ маршрутъ измѣнили: нужно было ѣхать чрезъ гор. Оренбургъ, намъ прика-

зали чрезъ гор. Златоустъ, сѣсть на желѣзную дорогу и лошадей взять съ собою. Ѣхали всю дорогу благополучно.

8-го Іюня благополучно прибыли въ гор. Златоустъ, явились воинскому начальнику и получили приказаніе сѣсть на желѣзную дорогу. Гор. Златоустъ громадный; стеченіе народу большое.

Пришлось ждать до слѣдующаго дня. Попросились на квартиру у содержателя гостиницы вблизи вокзала; содержатель гостиницы пустилъ насъ ночевать безплатно. Мы все время неотступно смотрѣли устройство желѣзной дороги, такъ какъ въ первый разъ въ жизни еще пришлось видѣть ее.

9-го іюля, въ 11 часовъ ночи, помѣстили лошадей въ вагонъ и сами сѣли съ ними. Провизіи съ собою никакой не взяли, а покупали на вокзалахъ въ буфетѣ. Поѣздъ тронулся въ 12 часовъ ночи. Сначала лошади наши суетились, а затѣмъ успокоились. Съ нами особеннаго ничего тоже не произошло.

10-го іюля проѣхали гор. Уфу.

11-го іюля прибыли на станцію Кинель, гдѣ пробыли порядочное время, чуть не сутки, ожидая другой поѣздъ. Окрестные жители, по прибытіи поѣзда, являются съ торгомъ къ вокзалу, продаютъ всякую всячину изъ съѣстного, частію и фрукты.

13-го іюля благополучно прибыли въ Бузулукъ; часовъ въ 8 утра слѣзли съ поѣзда (проѣхали 850 верстъ); выкормили коней сѣномъ и овсомъ уже въ городѣ; посмотрѣли городъ и поѣхали дальше.

Отъ гор. Бузулука до Гаршиной всѣ жители,—крестьяне, мордвы, чуваши, башкиры и проч.,—имѣютъ разнообразную постройку зданій и живутъ очень неопрятно. Здѣсь жители болѣе занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводство же имѣютъ въ маломъ размѣрѣ. Квартирой для насъ не стѣснялись; для лошадей овесъ и сѣно покупали по умѣренной цѣнѣ. Хлѣбовъ и травъ здѣсь полный неурожай. Поэтому овса и сѣна было скудно; но почему-то продавалось все не очень дорого. Вотъ, наконецъ, вошли въ предѣлы уральскихъ очень гостепріимныхъ казаковъ. Проѣзжая первый поселокъ, насъ никто не замѣтилъ и не знали, что мы казаки и ѣдемъ къ нимъ въ гости. Только уже въ станицѣ Соболевской оказали намъ первое радушіе, гостепріимство и привѣтъ. Отсюда власти о насъ дали телеграмму въ Уральскъ.

16-го іюля, благодаря Всевышняго Творца, благополучно завершили нашъ дальній, трудный походъ! Въ 10 часовъ утра пріѣхали къ караулкѣ, въ 6-ти верстахъ отъ города, гдѣ встрѣтили насъ самъ наказный атаманъ Уральскаго войска генералъ-маіоръ Шиповъ, начальникъ штаба, старшій членъ войсковаго хозяйственнаго правленія войсковой старшина Хорошхинъ (братъ нашего наказнаго атамана) и другія начальствующія лица, учебная сотня, хоръ музыки и много другого народу.

Приготовленъ тутъ же былъ для насъ обѣдъ и чарка водки. Начальники выпивали за здравіе наше и намъ подавали, кто водки, кто кусочекъ съѣстного и спрашивали обо всемъ. Тутъ же съ насъ сняты два раза фотографіи. Затѣмъ, подъ звуки музыки, двинулись въ городъ. На разстояніи 6-ти верстъ площадь наполнилась толпою народа.

Отвели намъ хорошее помѣщеніе въ лагерѣ учебной сотни, въ верстахъ 6-ти отъ города. По желанію нашему, возили насъ изъ лагеря въ городъ на парѣ лошадей въ экипажѣ и показывали все, что могло касаться любопытства нашего; при этомъ назначенъ былъ урядникъ уральской сотни

Горшковъ для того, чтобы все показать и разсказать намъ.

Прожили мы въ такомъ чествованіи 12-ть дней до прибытія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, которое и было 29-го іюля.

30-го іюля Его Высочество присутствовалъ на скаковомъ кругѣ (конская скачка) и производилъ смотръ войскамъ: 6-тильготнымъ казачьимъ полкамъ, учебной сотнѣ и мѣстной командѣ.

31-го іюля въ присутствіи Его Высочества состоялось празднованіе трехъ-сотълѣтней службы Уральскаго войска Царю и Отечеству въ Георгіевской рощѣ, которая прежде называлась Ханской. Для каждаго казака было полъ-бутылки водки, двѣ бутылки пива, по платку, по стакану, кружкѣ и по тарелкѣ.

1-го августа Его Высочество благополучно отбылъ изъ Уральска въ Петербургъ.

По прибытіи въ Уральскъ Его Высочества, мы все время жили въ городѣ на квартирѣ; для насъ, трехъ забайкальцевъ, двухъ оренбуржцевъ и уральскаго урядника, назначены три тройки лошадей: куда поѣдетъ Его Высочество, туда и насъ везутъ. Уральскіе казаки видны, рослы, бравые, весьма словоохотливы, вѣжливы въ отношеніи къ заѣзжему человѣку и дружны между собою, какъ братья. Живутъ очень богато. Занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и, главное, рыболовствомъ. Рыбу ловятъ въ рѣкѣ Уралѣ и въ Каспійскомъ морѣ; рыболовствомъ наживаютъ порядочное состояніе. Рыбу ловятъ крупную: бѣлугу, осетра. Уральская рыба и икра вездѣ славятся. Лошадей отдаютъ пасти за условленную плату киргизамъ, которыхъ здѣсь много. Казаки работы трудной сами не работаютъ, а наймутъ за себя крестьянъ. Казаки имѣютъ фруктовые сады; фрукты дешевы. Овощей сѣютъ также въ большемъ количествѣ. Сѣно косятъ больше наймомъ. Мѣста степныя, ровныя, привольныя для сѣна и хлѣбопашества, но хлѣба насѣваютъ не въ большемъ количествѣ. Лѣсу очень мало. Отопленіе зданій болѣе аргаломъ или, какъ называютъ, кизякомъ. Обмундированіе и снаряженіе у нихъ тоже свое собственное. Нѣкоторые казаки служатъ одинъ годъ на свой счетъ, т. е. довольствуются своимъ всѣмъ. Строевыхъ лошадей имѣютъ весьма хорошихъ, киргизской породы: рослыхъ, стройныхъ и легкихъ. Уралецъ лихой ѣздокъ на конѣ и конь по праву ему. У нихъ имѣется мундиръ — татарка, которую отъ нихъ позаимствовало и наше забайкальское войско. Сукно мундирное темно-синее, погоны и лампасы малиновые. Папахи у нихъ высокія и длинно-шерстныя. Уральскія казачки наряжаются опрятно; одежда у нихъ не похожая на наши; вообще ходятъ онѣ прилично и одѣваются щеголевато. На видъ онѣ скромны. Постройка зданій и помѣщеній у казаковъ порядочная; въ станицахъ и поселкахъ есть и каменная постройка, но есть и земляные дома, внутри и снаружи обмазанные глиной, покрытые соломенной крышей. Но они представляютъ видъ приличный, потому что опрятно содержатся. Казаки любятъ говорить краснорѣчиво, прибавляютъ при каждомъ словѣ «чей и больно». Насъ выспрашивали все подробно: какова у насъ жизнь въ Сибири? Чѣмъ занимаются казаки? Какое имѣютъ благосостояніе? Какова служба и т. п. Казаки очень охотно разсказывали намъ про свои походы и военныя дѣйствія; показывали старинныя постройки, разсказывали про свое рыболовство въ

рѣкѣ Уралѣ и Каспійскомъ морѣ; о томъ, какъ послѣ рыболовства пируютъ. Нынѣшній годъ у нихъ тоже неурожай хлѣбовъ и травы отъ сильной засухи. Исключая хлѣба, у нихъ все продается, сравнительно съ нашимъ, очень дешево; хорошая лошадь у насъ рублей 100 стоитъ, а у нихъ не болѣе 30 рублей. Словомъ, у нихъ все гораздо дешевле нашего, только хлѣбъ былъ дороже...

Въ Уральскѣ пожили еще порядочное время послѣ отбытія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича. Жили въ лагерѣ учебной сотни, гдѣ для насъ была отведена особая кибитка, хорошо убранная и назначенъ былъ казакъ для приготовленія намъ пищи. Передъ обѣдомъ и ужиномъ каждый разъ предлагали намъ выпивать водки, но мы отказывались. Въ гор. Уральскѣ имѣли честь быть въ гостяхъ у матери и брата нашего наказнаго атамана.

Затѣмъ получили отъ его превосходительства нашего наказнаго атамана телеграмму, чтобы продать лошадей и ѣхать обратно въ свое войско, если желаемъ, чрезъ гг. Москву и С.-Петербургъ, до Томска желѣзной дорогою и водою, а отъ гор. Томска на протяжныхъ.

Продали своихъ милыхъ лошадокъ въ Уральскѣ весьма по дешевой цѣнѣ: я продалъ за 20 р., Шестаковъ за 18 р., Назимовъ за 15 р. Но, по существующей цѣнѣ на лошадей въ Уральскѣ, мы еще продали дорого; это лишь потому, что онѣ прошли такое большое разстояніе и не ослабѣли тѣломъ и ногами. Назимова лошадь къ Уральску совершенно стала «дородна», поправилась отъ хромоты. Пока жили мы въ Уральскѣ, лошади наши ходили на волѣ, на привольномъ корму, съ лошадьми казаковъ учебной сотни.

9-го августа его превосходительство наказный атаманъ Уральскаго войска, генералъ-маіоръ Шиповъ, потребовалъ насъ къ себѣ въ домъ, поблагодарилъ насъ, простился съ нами и пожелалъ намъ счастливаго пути.

10-го августа получили отъ начальника штаба Уральской области маршрутъ и билеты для слѣдованія чрезъ гг. Москву и С.-Петербургъ въ Сибирь. Отъ гор. Уральска до станціи Новосергіевки (желѣзной дороги) надо было ѣхать 200 верстъ на лошадяхъ.

10-го же августа, въ 9 часовъ вечера, простились съ гостепріимными уральскими казаками съ большимъ сожалѣніемъ: поблагодарили казаковъ, какъ съумѣли за радушное отношеніе къ намъ и поѣхали въ Питеръ.

12-го августа благополучно прибыли на станцію желѣзной дороги Новосерневку. Слѣдуя сюда, вездѣ намъ казаки оказывали полное радушіе и гостепріимство. Но только намъ не приходилось гостить: торопились ѣхать мои товарищи. Я замѣтилъ, что и по этому тракту казаки живутъ такъ же. Занятія совершенно одни и тѣ же, «обычай» одинъ.

13-го августа, въ 8 часовъ утра, поѣхали по желѣзной дорогѣ. На пути встрѣчали много селъ, деревень и городовъ. Въ 10 часовъ утра прибыли на поѣздѣ въ гор. Самару, гдѣ нужно было сѣсть на пароходъ и рѣкою Волгою ѣхать до Нижняго Новгорода.

Поѣхали по Волгѣ на пароходѣ. Провизіи съ собой никакой не везли, а покупали на пристаняхъ; для чая воду кипяченую купили на пароходѣ.

16-го августа, въ 8 часовъ утра, благополучно прибыли въ Нижній-Новгородъ.

Съ пристани намъ нужно было слѣдовать къ вокзалу. Наняли пѣшаго унести до вокзала нашъ багажъ, сами пошли посмотрѣть, что за ярмарка въ Нижнемъ-Новгородѣ? Увидали тутъ много кой-чего любопытнаго и новенькаго! Народа со всего міра сюда стекается во время ярмарки всякаго, своего и чужестраннаго, видимо не видимо; торговля всевозможная: что пожелаешь, то и купишь.

Въ 5 часовъ вечера выѣхали изъ Нижняго въ гор. Москву. Мнѣ пришлось сѣсть вмѣстѣ на одну лавочку съ французомъ, который ѣхалъ тоже въ Москву. Конечно, собесѣдникъ мой не умѣлъ говорить по-русски, а я по-французски. Онъ всю дорогу меня подчивалъ конфектами, пряниками и папиросами, я его благодарилъ; только кланялся, а иногда скажу слово «мерси». Слыхалъ, что слово «мерси» по-русски значитъ—спасибо. Вотъ была потѣха?!..

17-го августа, въ 8 часовъ утра, благополучно прибыли на поѣздѣ въ Москву, гдѣ остановились дневать.

День весь ходили, смотрѣли и дивились на великую Москву. Тутъ есть чего и посмотрѣть. Случайно, замѣтивъ наше любопытство, попался намъ ученикъ гимназіи изъ казаковъ Донского казачьяго войска; онъ намъ, спасибо, кое-что показалъ. Посмотрѣли и Кремль, въ которомъ гостилъ французъ въ 1812 году, царь-пушку, царь-колоколъ, соборъ Ивана Великаго, Московскую крѣпость и соборъ Христа Спасителя. Въ немъ были у обѣдни, посмотрѣли внутри на иконостасъ; посмотрѣли и Кремлевскій дворецъ. Блуждая по улицамъ и рынкамъ, видѣли много, много интереснаго.

20-го августа, въ 8 часовъ утра, благополучно Богъ донесъ туда, куда стремился я давно: увидѣть Государя Императора и всѣхъ, кому служили мои дѣды и отцы и кому служу я; хотѣлось страстно мнѣ посмотрѣть, за всѣхъ нашихъ, нашего Батюшку-Царя, но Богъ не привелъ видѣть Монарха нашего.

Намъ приказано было прямо заѣхать въ казармы уральской гвардейской сотни и явиться ея командиру.

Первые дни показывалъ и водилъ насъ по Петербургу урядникъ Жеребятниковъ. На все смотрѣли съ большимъ любопытствомъ и удивленіемъ, посмотрѣли дворцы Государя Императора. О нихъ не знаю, какъ и написать: если удивляютъ простыя зданія, то что же сказать про дворцы. Мы считали себя совершенно счастливыми, что удостоились видѣть С.-Петербургъ, а тѣмъ болѣе дворцы царскіе. Послѣ этого смотрѣли памятники царей и воиновъ; удивлялись, какъ все мудро устроено.

24-го августа имѣли счастіе быть во дворцахъ Государя Императора, въ Аничковомъ и Зимнемъ.

Назначенъ былъ съ нами офицеръ сотни, сотникъ Желѣзновъ. Его благородіе показывалъ и разсказывалъ все, что видѣли внутри дворцовъ. Входъ во дворцы намъ былъ разрѣшенъ высшимъ начальствомъ. Счастливы мы, забайкальцы, были въ этотъ день! Богъ привелъ видѣть почти всѣ помѣщенія Ихъ Величествъ, арсеналъ, эрмитажъ, Исаакіевскій соборъ, Александро-Невскую лавру, Петропавловскій соборъ, Петропавловскую крѣпость. Были въ Зоологическомъ саду, гдѣ видѣли различныхъ звѣрей; видѣли всѣ главныя казенныя учрежденія.

Въ С.-Петербургѣ жителей, говорятъ, около милліона; въ какую улицу ни зайди, народъ всюду толпою; одни въ экипажахъ,

другіе пѣшкомъ; ни одного не замѣтили, чтобы онъ шелъ помаленьку, а каждый спѣшитъ, торопится, будто не зная куда! Должно быть, въ Петербургѣ бѣдныхъ людей нѣтъ; всѣ одѣты прилично, съ виду, щеголевато; или же только одѣты «такъ», тутъ весь и капиталъ у него? Должно быть, что есть и такихъ не мало.

29-го августа, на поѣздѣ желѣзной дороги, помолясь Господу Богу, выѣхали изъ С.-Петербурга на Рыбинскъ, Нижній-Новгородъ, Тюмень и Томскъ, въ свое родное Забайкалье, къ своимъ дорогимъ собратіямъ по службѣ въ батареѣ, къ своимъ станичникамъ и прибыли въ Читу уже въ концѣ декабря благополучно.

XII.

Поѣздка по войску войскового наказного атамана въ 1889 году.

Войсковой наказный атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ послѣ своего назначенія могъ только лишь отчасти проѣхать по Забайкальскому казачьему войску. Въ 1889 году онъ предположилъ посѣтить Забайкальскую область и вмѣстѣ съ тѣмъ и войско.

22 мая 1889 года войсковой наказный атаманъ прибылъ на пароходѣ въ Срѣтенскую станицу. На берегу стояли въ строю казаки и казачата; эти послѣдніе въ первый разъ представлялись въ строю. На другой день былъ смотръ, причемъ въ строю были казаки и также казачата, которые прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ своимъ атаманомъ. 24 мая выѣхалъ онъ по направленію на Шелопугинскую станицу, куда прибылъ уже вечеромъ.

При проѣздѣ въ Копунской станицѣ, да и въ Шелопугинской были выстроены казаки льготные въ форменномъ обмундированіи, а на лѣвомъ флангѣ стояли казачата въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанные ременнымъ кушакомъ, въ форменныхъ фуражкахъ, высокихъ сапогахъ. Въ Копунской станицѣ всѣ бывшіе въ строю казаки прошли въ баталіонной колоннѣ предъ своимъ войсковымъ атаманомъ, имѣя на правомъ флангѣ наказнаго атамана. 25 мая баронъ Корфъ проѣхалъ станицы Жидкинскую, Ундинскую и Новотроицкую.

Какъ въ станицахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ поселкахъ, по пути были выстроены льготные казаки и казачата. Въ Ундинской станицѣ всѣ казаки баталіонною колонною прошли церемоніальнымъ маршемъ. Всюду населеніе встрѣчало своего гостя и атамана хлѣбомъ-солью, экипажъ сопровождали конные казаки. Ночевалъ баронъ Корфъ въ Ундинской слободѣ и далѣе направился чрезъ Караксаръ, Цугульскій дацанъ, Агинскую думу, с. Жембиринское въ г. Читу. Станицы Маковѣевская и Титовская встрѣтили своего войскового атамана какъ подобаетъ. Въ Читѣ былъ смотръ строевыхъ частей и между прочимъ смотрѣли джигитовку конныхъ казаковъ и рубку чучелъ.

2-го іюня войсковой атаманъ поѣхалъ

далѣе, направляясь на Верхнеудинскъ, гдѣ былъ 6 іюня. Здѣсь ему представились льготные казаки и казачата, но въ пѣшемъ строю. Отсюда генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ проѣхалъ по разнымъ мѣстамъ Верхнеудинскаго округа и 9 числа прибылъ въ пос. Ургункуй. Не далеко отъ въѣзда въ это поселеніе, казаки и казачата перваго отдѣла встрѣтили своего войскового атамана въ конномъ строю. Тоже повторялось и на слѣдующій день въ Кударинской, Мурочинской и Киранской станицахъ, причемъ отъ послѣдней сопровождали до Кяхты полусотня конныхъ казаковъ и столько же малолѣтокъ. Никогда еще, вѣроятно, и ни одинъ начальникъ края не въѣзжалъ въ Кяхту такъ торжественно. Казакамъ и казачатамъ было потомъ угощеніе. Послѣ краткаго пребыванія въ Кяхтѣ, баронъ Корфъ направился въ Селенгинскъ, коммерческимъ трактомъ на Мысовую, отсюда снова на Верхнеудинскъ и Читу, куда и прибылъ 22 іюня. 25 числа конный полкъ лихо представился на ученьѣ и заслужилъ похвалу, въ этотъ же день поѣздка продолжалась, доѣхали до Тыргитуевскаго селенія; по пути въ станицахъ были собраны казаки. 27 іюня близь с. Устьилинскаго у переправы чрезъ р. Ононъ выстроилась сотня малолѣтокъ. Было по взводу отъ станицъ Нижнеульхунской, Мангутской, Акшинской и Могойтуевской. Небольшое конное ученье и джигитовка были исполнены очень хорошо, особенно могойтуевцами. Затѣмъ во всѣхъ станицахъ и поселкахъ встрѣчали въ конномъ строю казаки и казачата. Ночевали въ Кубухаевскомъ поселкѣ.

Путь далѣе былъ до Чиндапта; на пути въ Цасучеевскомъ поселкѣ показывалось искусство ловли лошадей прямо изъ табуна, причемъ казаки за свою лихость, смѣлость удостоивались неоднократной похвалы. 29 іюня проѣхали 2-й Чиндантъ и доѣхали до Цаганъ-Олуевской станицы. Во время этого переѣзда казаки 2 Чиндантской станицы выказали предъ своимъ войсковымъ атаманомъ особенную выносливость. 45 верстъ верхомъ, нисколько не отставая отъ экипажа, они скакали въ полномъ обмундированіи. День былъ жаркій и все-таки прискакали всѣ, а ихъ было 10 человѣкъ. Предъ второю Чиндантскою станицею выстроилось уже два взвода, одинъ взводъ былъ изъ казачатъ отъ семилѣтняго возраста. Казакъ Матвѣй Шестаковъ: показывалъ свои табуны лошадей, верблюдовъ; была ловля лошадей, была джигитовка казачатъ; былъ какъ бы небольшой праздникъ въ станицѣ.

30 іюня въ Цаганъ-Олуевской станицѣ былъ произведенъ смотръ казачатамъ трехъ станицъ: Цаганъ-Олуевской, Зоргольской и Дуроевской, а послѣ смотра была и джигитовка. Особенно понравились пѣсенники казачата. Въ этотъ день войсковой атаманъ покинулъ предѣлы 2 военнаго отдѣла, направляясь къ Нерчинскому заводу, и вскорѣ выѣхалъ въ станицы 3 военнаго отдѣла, прослѣдовавъ чрезъ станицы Манкечерскую, Донинскую, Калгинскую и Большезерентуевскую. 3 іюля прибыли въ Нерчинскій заводъ, а на слѣдующій день къ вечеру въ Аргунскую станицу, проѣхавъ чрезъ Олочинскую. Вездѣ казаки и казачата встрѣчали своего войсковаго атамана, не отставая отъ другихъ станицъ. 5 іюля изъ станицы Аргунской войсковой атаманъ тронулся далѣе, слѣдуя на лодкахъ по р. Аргуни. 7 числа утромъ проплыли Усть-Уровскую станицу, жители которой пожелали отслужить молебенъ,

на которомъ присутствовалъ и баронъ Корфъ. Впослѣдствіи жители рѣшили на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ молебенъ, соорудить часовню, совершать здѣсь ежегодно молебствіе. Въ эту часовню войсковой и наказный атаманы прислали образа св. Ѳомы и Акакія. 8 іюля къ вечеру флотилія подошла къ Усть-Стрѣлкѣ, а 9-го утромъ вступила въ р. Амуръ, чѣмъ и закончилось 50 дневное пребываніе войскового атамана въ предѣлахъ области и войска.

Въ какой степени генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ остался доволенъ всѣмъ замѣченнымъ имъ, можно судить по двумъ приказамъ по казачьимъ войскамъ Приамурскаго военнаго округа.

8 іюля 1889 года. Поселокъ Усть-Стрѣлочный. № 1.

Окончивъ сего числа объѣздъ станицъ Забайкальскаго казачьяго войска, считаю необходимымъ высказать все мною замѣченное во время 50-ти дневнаго пребыванія среди казаковъ.

Особенно радовало меня, какъ войскового атамана, то, что во всемъ населеніи я замѣтилъ казачій духъ и гордость тѣмъ, что, по милости ЦАРСКОЙ, они казаки. Почти на всѣхъ я видѣлъ форменныя фуражки,—какъ видимый знакъ принадлежности казачьему сословію; большая часть отставныхъ представилась мнѣ въ форменной одеждѣ, какая у кого сохранилась, или нашлась; казаки служилаго состава, находящіеся на льготѣ, были въ строю въ форменномъ обмундированіи, смотрѣли молодцами и на произведенныхъ въ нѣкоторыхъ станицахъ ученіяхъ доказали, что пріобрѣтенное ими на службѣ не утрачено многими годами состоянія на льготѣ; обмундированіе приготовительнаго разряда, совершенно новое, не оставляетъ желать лучшаго. Во всѣхъ станицахъ значительная часть, даже большинство малолѣтокъ, начиная съ юныхъ лѣтъ, явилась на смотръ въ форменныхъ фуражкахъ и бѣлыхъ рубашкахъ съ погонами, что еще болѣе придало имъ молодцоватый видъ. Въ станицахъ 1-го и 2-го отдѣловъ изъ малолѣтковъ - подростковъ (въ возрастѣ отъ 13 до 17 лѣтъ) были составлены конные взводы, обученные конному строю, а во 2-мъ отдѣлѣ всѣ лихо джигитовали. Взводы станицъ Шарогольской, Верхне-Ульхунской, Мангутской и Акшинской, чтобы представиться мнѣ, должны были пройти десятки верстъ, а дуроевцы и зоргольцы отъ 120 до 180 верстъ, которыя и прошли въ двое сутокъ и на другой день были на смотру. Малолѣтки-казачата, въ возрастѣ отъ 7 до 11 лѣтъ во многихъ станицахъ были на коняхъ, ловко влѣзая и слѣзая по командѣ.

Станичные атаманы, почти безъ исключенія, толковые и исполнительные казаки, пользующіеся уваженіемъ, что иначе и не должно быть въ населеніи, которому предоставлено право самому выбирать свое ближайшее начальство. Поселковые атаманы во многихъ станицахъ выбраны слишкомъ молодые, а потому не могущіе пользоваться достаточнымъ вліяніемъ среди своихъ станичниковъ; этого быть не должно.

Въ большинствѣ станичныхъ приходскихъ училищъ, въ которыхъ ученики еще не были распущены, и я имѣлъ возможность повѣрить обученіе, нашелъ, что оно ведется очень хорошо. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ станицахъ имѣются приходскія училища. Въ настоящее время умѣть читать и писать казаку такъ же нужно, какъ

умѣть владѣть шашкой и стрѣлять изъ винтовки. Надѣюсь, что замѣченное мною упущеніе живо исправится.

Во многихъ станицахъ заведены общественныя запашки. Совѣтую всѣмъ станицамъ завести ихъ и увеличить; онѣ лучшее обезпеченіе въ трудную годину отъ голода и нужды.

На очень многихъ казачьихъ земляхъ погорѣвшіе лѣса. Казакамъ слѣдуетъ заботиться о сохраненіи своей собственности; тѣмъ болѣе, что отъ уничтоженія лѣсовъ все чаще и чаще повторяются засухи, отъ которыхъ страдаетъ населеніе. Необходимо тушить пожары, какъ только что они начинаются, не ожидая пока пожаръ разовьется. Возлагаю отвѣтственность за своевременное тушеніе лѣсныхъ пожаровъ на станичныхъ и поселковыхъ атамановъ. Надѣюсь, что къ будущему моему объѣзду новыхъ слѣдовъ пожаровъ я не увижу.

Поданіе врачебной помощи населенію нуждается въ переустройствѣ, о чемъ предлагаю наказному атаману представить свои соображенія.

Вообще же противу видѣннаго мною ранѣе, при посѣщеніи нѣкоторыхъ станицъ войска, я замѣтилъ громадную перемѣну къ лучшему, особенно относительно развитія въ населеніи истинно казачьяго духа. Относя это къ личнымъ заботамъ наказнаго атамана, генералъ-маіора Хорошхина, прошу его принять самую живую благодарность за его попеченіе о казакахъ.

Благодарю атамановъ отдѣловъ за ихъ усердное содѣйствіе наказному атаману, за ихъ труды и желаю, чтобы они стали къ казакамъ еще ближе и были бы ходатаями о всѣхъ ихъ нуждахъ, имѣя въ виду, что экономическое благосостояніе казака тѣсно связано съ исправнымъ отбываніемъ военной службы.

Спасибо станичнымъ атаманамъ; многіе изъ нихъ оказались и отличными учителями своихъ подростковъ-станичниковъ; почти всѣ изъ видѣнныхъ мною заслуживаютъ похвалы и одобренія, почему и предлагаю наказному атаману наиболѣе достойныхъ представить къ наградамъ. Въ настоящее же время за отличное состояніе станицъ, за подготовку казаковъ и малолѣтковъ и за распорядительность назначаю отъ себя въ награду часы, съ надписью «Отъ Войскового Наказнаго Атамана», золотые — станичнымъ атаманамъ: Зоргольской 2 военнаго отдѣла старшему уряднику Евграфу Гладкову и Копунскому 3 военнаго отдѣла младшему уряднику Михаилу Дружинину; серебряные—Шарагольскому станичному атаману 1 военнаго отдѣла старшему уряднику Ильѣ Жаркову.

Спасибо также учителямъ малолѣтокъ Дуроевской станицы вахмистру Дмитрію Топоркову, 2-й Чиндантской — вахмистру Федору Бутарину, которымъ прошу наказнаго атамана передать отъ меня серебряные часы съ вышеприведенною надписью. Спасибо всѣмъ казакамъ отъ мала до велика, такъ порадовавшимъ своего войсковаго атамана; очень радъ, что мнѣ пришлось познакомиться съ ними, поговорить и послушать ихъ дѣльныя рѣчи. Надѣюсь, что казаки не остановятся на томъ, что достигнуто и скоро станутъ на одинаковую степень съ нашими старыми казачьими войсками. Если казаки не будутъ забывать Бога, не будутъ лѣниться дома и честно вести себя на службѣ, то и Богъ поможетъ имъ.

13 іюля 1889 г. Гор. Благовѣщенскъ, № 2.

На телеграмму, которою я доносилъ о

результатахъ объѣзда моего по станицамъ Забайкальскаго казачьяго войска, мною получена сего числа отъ исправляющаго должность военнаго министра депеша слѣдующаго содержанія:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ особымъ удовольствіемъ изволилъ прочитать телеграмму вашу объ отличномъ состояніи, въ коемъ вы нашли Забайкальское войско, и поручилъ вашему превосходительству объявить казакамъ ЦАРСКОЕ спасибо».

Генералъ-адъютантъ Обручевъ.

Я счастливъ объявить забайкальскимъ казакамъ эту МОНАРШУЮ милость.

Предписываю настоящій приказъ прочесть во всѣхъ сотняхъ при собраніи нижнихъ чиновъ, а въ станицахъ и поселкахъ на первыхъ станичныхъ и поселковыхъ сходахъ.

Въ ознаменованіе ЦАРСКАГО спасибо заложена въ Читѣ часовня, о чемъ сказано подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Приказъ по войску іюля 1889 года, № 63, наказнаго атамана о такой высокой наградѣ былъ отпечатанъ и разосланъ всѣмъ малолѣткамъ, бывшимъ на смотру войскового наказн го атамана на память отъ наказнаго атамана.

XIII.

Августѣйшій Атаманъ среди Забайкальскихъ казаковъ.

Воспоминанія о пребываніи въ 1890 году въ войскѣ Нашего Августѣйшаго Атамана еще очень свѣжи, живы и сохранятся на много десятковъ лѣтъ. Но все-таки, пользуясь разсказаннымъ въ книжкѣ: «Посѣщеніе Забайкалья Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ въ 1891 году». Разскажу, какъ войско представлялось Его Высочеству.

Въ такомъ великомъ, никогда еще не бывшемъ событіи, какъ посѣщеніе Наслѣдникомъ Престола отдаленной окраины нашей, должны были принять участіе представители всѣхъ станицъ съ своими станичными атаманами, а чтобы въ памяти живущихъ возможно долѣе сохранилось воспоминаніе о проѣздѣ Наслѣдника Цесаревича, отъ всѣхъ станицъ были присланы казачата.

Встрѣча началась въ пос. Покровскомъ, Амурскаго казачьяго войска, такъ какъ въ пос. Усть-Стрѣлочномъ приставать пароходу было нельзя. 10 іюня 1891 года съ утра около пристани въ пос. Покровскомъ было уже все готово.

Первое мѣсто принадлежало амурцамъ, конный взводъ казаковъ и казачатъ которыхъ сталъ у пристани, правымъ флангомъ къ рѣкѣ, далѣе спиною къ рѣкѣ и къ церковной оградѣ расположились: забайкальская войсковая депутація съ наказнымъ атаманомъ во главѣ [1]), предста-

[1]) Въ составъ депутаціи вошли атаманъ 3-го отдѣла генералъ-маіоръ Мерказинъ, совѣтникъ войскового хозяйственнаго правленія подъесаулъ Эповъ, сотникъ Бакшѣевъ, урядники и казаки отъ каждаго изъ отдѣловъ (были почти всѣ участники экспедиціи генерала Пржевальскаго, нѣкоторые и кавалеры военнаго ордена нѣсколькихъ степеней), а именно: казакъ Виссаріонъ Шай-

вители казаки и казачата станицъ Аркиинской, Усть-Уровской, Аргунской и Олочинской.

245 казачатъ вытянулись линией и заняли всѣ три стороны площади у церкви. Напряженно смотрѣли на востокъ, вдоль рѣки Амура, гдѣ, наконецъ, около 10 часовъ утра показался пароходъ «Вѣстникъ» съ развѣвающимся на мачтѣ штандартомъ Наслѣдника Цесаревича и сопровождаемый «Ермакомъ», другимъ пароходомъ Амурскаго же товарищества.

Наказный атаманъ еще разъ указалъ на важность готовящейся встрѣчи; по командѣ «шапки долой!», всѣ обнажили свои головы и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы съ молитвою встрѣтить желаннаго Гостя.

Пароходъ, при звукахъ хора музыки, слѣдовавшаго на «Ермакѣ», медленно подходя, наконецъ, присталъ. На верхней палубѣ изволилъ находиться Его Императорское Высочество, окруженный свитою. Принявъ на пароходѣ военнаго губернатора и наказнаго атамана съ рапортомъ, Августѣйшій Путешественникъ сошелъ затѣмъ на пристань, гдѣ также принявъ словесный рапортъ отъ покровскаго поселковаго атамана, а затѣмъ отъ атамана отдѣла генерала Мерказина и другихъ лицъ, и изволилъ направиться къ амурцамъ, а затѣмъ подошелъ къ забайкальской войсковой депутаціи, стоявшей съ обнаженными головами.

«Забайкальское войско»,—началъ свою рѣчь наказный атаманъ, держа въ рукахъ хлѣбъ-соль, «нетерпѣливо ожидая счастія представиться Тебѣ, нашъ Августѣйшій Атаманъ, отправило своихъ представителей, чтобы за порогомъ своихъ предѣловъ, по русскому обычаю, встрѣтить хлѣбомъ-солью». Передавъ затѣмъ блюдо [1]) съ хлѣбомъ-солью и принявъ отъ генерала Мерказина образъ-складень [2]), наказный атаманъ продолжалъ: «Забайкальскіе казаки, усердно молясь о сохраненіи Твоего здравія, просятъ предстательства передъ Всевышнимъ о томъ же св. Николая Чудотворца, небеснаго Твоего покровителя, святыхъ Алексѣя Божія Человѣка и св. Терентія, въ дни празднованія памяти которыхъ, по милости Твоего Державнаго Прадѣда, наши дѣды и отцы удостоились чести стать забайкальскими казаками. Да сопутствуютъ невидимо эти угодники Бо-

луровъ, урядникъ Данило Ваулинъ, урядникъ Николай Кореневъ, казакъ Степанъ Пѣшковъ, урядникъ Иванъ Филюшинъ, урядникъ Василій Бутинъ, Филиппъ Силинскій, казакъ Алексѣй Силинскій, казакъ Григорій Куклинъ; старшіе урядники: Пантелей Телешевъ, Циренъ-Доржіевъ; младшіе урядники: Петръ Калмынинъ, Макаръ Лазаревъ, нестроевой старшаго разряда Гарма Мадагановъ, канониръ Кондратій Хлѣбниковъ.

[1]) Блюдо серебряное, вызолоченое, работы фабриканта Хлѣбникова въ Петербургѣ, величиною въ поперечникѣ 12 вершковъ. На днѣ блюда изображена Забайкальская область съ показаніемъ пути слѣдованія; на краяхъ, въ особыхъ медальонахъ, изображены наверху войсковая часовня, внизу русскій, тунгузскій и бурятскій казаки (до образованія войска), на двухъ другихъ казаки въ прежней и новой формахъ. Между рисунками помѣщены арматура (ружье, пика, шашка и проч.). Внизу на днѣ надпись «Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ» «Забайкальское казачье войско». Съ боковъ «1851» и «1891 г.». Солонка—папаха, съ желтымъ верхомъ. Съ блюда снята фотографія и разослана въ станицы.

[2]) Складень изображаетъ въ срединѣ Николая Чудотворца, съ одной стороны св. Алексѣя (праздн. 17 марта), съ другой—св. Терентія (праздн. 21 іюня). Складень, высотою около 7 вершковъ, работы фабриканта Овчинникова. Фотографическій снимокъ разосланъ въ станицы. Станичники распорядились очень хорошо; освятили и поставили, какъ образъ, въ станичныхъ правленіяхъ.

жіи въ Твоемъ трудномъ и продолжительномъ путешествіи по пути, сотни лѣтъ тому назадъ проложенномъ и проторенномъ русскими людьми, а въ числѣ ихъ и сибирскими казаками. Удостой же принять, возлюбленный нашъ Атаманъ, подносимое Тебѣ любящими Тебя и преданными забайкальскими казаками изображеніе сихъ угодниковъ Божіихъ».

Поблагодаривъ за подносимое и приложившись къ образу, Августѣйшій Атаманъ направился къ представителямъ Аркіинской станицы [1]), которые, ставъ на колѣна, просили удостоить принятія хлѣба-соли и отъ нихъ. Принявъ подносимое и поблагодаривъ, Августѣйшій Атаманъ прослѣдовалъ затѣмъ вдоль фронта выстроенныхъ забайкальцевъ, здороваясь съ каждою станицею.

Немедленно по проходѣ Его Императорскаго Высочества, долго сдерживаемое чувство радости вылилось въ могучемъ «ура», которое по мѣрѣ прохожденія фронта все сильнѣе росло, оглашая всю окрестность.

Обойдя весь фронтъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ направился въ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ по положенію, а затѣмъ, выйдя изъ церкви, изволилъ смотрѣть строевыя построенія и джигитовку амурцевъ. Послѣ сего всѣ члены войсковой депутаціи имѣли счастіе быть представленными своему Августѣйшему Атаману, который многихъ изъ нихъ милостиво удостоилъ своими разспросами. Послѣ сего Его Императорское Высочество отбылъ на пароходъ, съ площадки котораго не одинъ разъ милостиво благодарилъ всѣхъ.

— — —

[1]) Поселокъ Усть-Стрѣлочный, мимо котораго предстояло пройти, Аркіинской станицы.

Между тѣмъ, прибывшіе забайкальцы, по особому разрѣшенію войскового наказнаго атамана, быстро перебрались на оба парохода. На берегу остались лишь тѣ, которые должны были слѣдовать по р. Аргуни на пригнанныхъ ботахъ, да оставленные за излишкомъ и взятые потомъ на пароходъ купца Лукина, любезно предложившаго свой пароходъ, и доставленные на заранѣе указанныя пристани по р. Шилкѣ.

Аркіинскій станичный атаманъ, урядникъ Ворсинъ, имѣлъ счастіе получить лично отъ Его Высочества серебряные часы.

На мѣстѣ ночлега у Карагановской были выставлены казаки для охраны и для помощи прислугѣ пароходовъ.

Утромъ, 11 іюня, какъ только туманъ разсѣялся и стало возможно движеніе, тронулся «Вѣстникъ» въ путь, неся Августѣйшаго Путешественника все болѣе и болѣе въ глубь Забайкалья.

Плаваніе шло безостановочно и «Вѣстникъ» довольно уже поздно подошелъ къ пос. Горбиченскому, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Въ этомъ поселкѣ сосредоточились почти всѣ казаки и казачата Куларской станицы; не считая взрослыхъ, болѣе 250 казачатъ стояло въ строю. Его Императорское Высочество изволилъ сойти на берегъ, принялъ рапортъ станичнаго атамана, поздоровался съ казаками, казачатами, прошелъ вдоль ихъ фронта и затѣмъ приказалъ пройти церемоніальнымъ маршемъ. Подъ звуки хора музыки, казаки и казачата прошли дважды по отдѣленіямъ. Поблагодаривъ казаковъ, Августѣйшій Атаманъ изволилъ отбыть на пароходъ, гдѣ и наградилъ н. д. станичнаго атамана, урядника Таскаева, часами. Никогда, съ самаго своего основанія, Горбица не видывала такой иллюминаціи, такого оживленія. Го-

рѣли шкалики, цвѣтные фонари, костры, расположенные въ разныхъ мѣстахъ, игралъ хоръ музыки, явились и пѣсенники. Весь плоскій берегъ р. Шилки былъ занятъ сплошною толпою куларцевъ и другихъ прибывшихъ съ разныхъ мѣстъ. Съ пароходовъ сошли казаки и казачата, ѣхавшіе изъ Покровки. Во время плаванія, бывшіе на «Вѣстникѣ» казаки и казачата показывали свое искусство въ пляскѣ, на которую Его Императорское Высочество изволилъ смотрѣть съ верхней палубы. Около 12 часовъ, когда Августѣйшій Путешественникъ изволилъ удалиться въ свою каюту, на пароходахъ и на берегу все смолкло, но большинство не спало и до отхода пароходовъ бодрствовало. 12 іюня, лишь только туманъ разсѣялся, пароходы тронулись далѣе вверхъ по Шилкѣ. Ближайшимъ пунктомъ остановки была Кара.

Далеко вдающаяся въ рѣку пристань, при высокой водѣ, доходившей почти до самой настилки, была очень красива. Прямо у того мѣста, гдѣ долженъ былъ пристать пароходъ, возвышалась только что сооруженная арка, роскошно убранная зеленью, цвѣтами, флагами, составленными изъ національныхъ цвѣтовъ и цвѣтовъ тюремнаго вѣдомства. На пристани, правымъ флангомъ къ аркѣ, расположился почетный караулъ въ составѣ сборной сотни 2-го пѣшаго баталіона съ своимъ хоромъ музыки и со знаменемъ.

Его Императорское Высочество изволилъ сойти на пристань, принялъ рапортъ командира баталіона, полковника Сухомлинова, обошелъ фронтъ почетнаго караула и затѣмъ принялъ почетный рапортъ завѣдующаго нерчинскою каторгою, подполковника Томилина, и хлѣбъ-соль отъ Шилкинской волости. Послѣ сего осмотрѣны были казаки и казачата станицъ Актагучинской и Богдатской (всего 100 человѣкъ). Почетный караулъ и казачата были пропущены церемоніальнымъ маршемъ по отдѣленіямъ и рядами и заслужили похвалу своего Августѣйшаго Атамана, который изволилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отозваться о почетномъ караулѣ. Впослѣдствіи изъ Срѣтенска генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ телеграфировалъ командиру баталіона: «Совсѣмъ молодцы. Наслѣдникъ Цесаревичъ вполнѣ доволенъ, крѣпко благодарю. Ура».

Дальнѣйшее плаваніе по р. Шилкѣ въ этотъ день совершилось благополучно. Проходя мимо поселковъ, пароходъ былъ привѣтствуемъ выходившимъ на берегъ населеніемъ; только тѣ, кто не могъ покинуть домовъ, оставались въ поселкахъ, а казачата всѣ были сосредоточены въ п. Уктычинскомъ, куда пароходъ подошелъ, когда становилось уже значительно темно. На берегу горѣли костры и вся Ломовская станица, выстроившись развернутымъ фронтомъ, нетерпѣливо ожидала счастія представиться своему Августѣйшему Атаману. Не смотря на наступившую темноту, Его Императорское Высочество изволилъ сойти съ парохода, принялъ рапортъ станичнаго атамана и, обойдя фронтъ, пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно казаковъ и казачатъ (ихъ было до 400 человѣкъ), которые стройно прошли подъ звуки хора музыки, высаженнаго съ «Ермака» на берегъ. Казаки и казачата удостоились похвалы Наслѣдника Цесаревича.

До поздней ночи на берегу продолжалось гулянье подъ звуки хора музыки, пока Его Императорское Высочество не изволилъ удалиться въ свою каюту.

Ломовскій станичный атаманъ, урядникъ Федоровъ удостоился счастія изъ рукъ своего Августѣйшаго Атамана получить часы, которые тутъ же и были надѣты.

13-го іюня довольно рано пароходъ тронулся далѣе къ ст. Срѣтенской, къ пристани которой и подошелъ около 10 часовъ утра.

Нарядно убралась Срѣтенская станица къ пріѣзду Августѣйшаго Атамана. Масса флаговъ, зелени, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, придавали много красы, оживленія и безъ того красивой, при взглядѣ съ рѣки, станицѣ. На пристани амурскаго товарищества встрѣтилъ съ рапортомъ въ числѣ другихъ и станичный атаманъ во главѣ станичной депутаціи, поднесшей Его Императорскому Высочеству хлѣбъ-соль и образъ св. Николая Чудотворца. Цесаревичъ чрезъ арку подошелъ къ правому флангу почетнаго караула отъ срѣтенскаго резервнаго баталіона. Далѣе, на нижней площади выстроены были остальные чины баталіона, срѣтенской конвойной команды и представители, казаки и казачата (послѣднихъ болѣе 500) Срѣтенской, Копунской, Шелопугинской, Догъ-Инской, Зерентуйской, Красноярской, Ононъ-Борзинской, Манкечурской, Быркинской, Донинской и Калгинской станицъ. Огибая площадь съ трехъ сторонъ, линія вытянулась до самаго входа въ церковь. Послѣ краткаго молитвословія, начался крестный ходъ, за которымъ слѣдовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, предшествуемый войсковыми депутатами и станичными атаманами и сопровождаемый свитою. Въ особо устроенномъ навѣсѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Просьба о семъ была заявлена представителями войска и Августѣйшій Атаманъ соизволилъ на это. Еще громче, чѣмъ было при встрѣчѣ, раздалось могучее «ура» тысячной толпы, залившей всю площадь, всѣ боковыя улицы, когда Его Императорское Высочество изволилъ возвращаться на пароходъ.

Въ 5 часовъ снова загудѣло «ура», сопровождая Наслѣдника Цесаревича, поѣхавшаго осмотрѣть двухклассное училище. Выслушавъ пѣніе, посмотрѣвъ гимнастику и оставшись довольнымъ, Его Императорское Высочество изволилъ перейти въ ремесленный классъ училища. Нужно было видѣть, съ какимъ рвеніемъ всякій казачекъ (а между ними были и девятилѣтніе) старался показать свое искусство; кто пилилъ, кто строгалъ, кто долбилъ, а кто закаливалъ въ горнѣ свои издѣлія. Мастерскія были въ полномъ ходу и вызвали одобреніе Августѣйшаго Посѣтителя. Почетный блюститель училища, отецъ благочинный Мелетій Пряишниковъ, одинъ изъ главныхъ руководителей этого дѣла, удостоился благодарности и получилъ потомъ отъ Его Императорскаго Высочества золотые часы, учителю училища, г. Арнольду, пожаловано 200 руб. Пока происходилъ осмотръ школы, срѣтенскій баталіонъ, конвойная команда и три сотни малолѣтокъ выстроились на площади, у лагеря баталіона. Смотръ сошелъ превосходно. Нѣсколько разъ проходили войска и казачата и частями, и колоннами, удостоиваясь похвалы.

Приказавъ людямъ выдать водки, а казачатамъ орѣховъ и конфектъ, Его Императорское Высочество отбылъ затѣмъ на стрѣльбище. Здѣсь происходило состязаніе въ стрѣльбѣ льготныхъ казаковъ. Это было первое состязаніе въ войскѣ, устроено оно по ходатайству атамана отдѣла и съ разрѣшенія войскового наказнаго атамана.

Въ числѣ стрѣлявшихъ были и только что утромъ прибывшіе станичные атаманы. Первые трое получили призы—серебряные часы—изъ рукъ Августѣйшаго Атамана, приказавшаго оставить имъ у себя и ту винтовку, изъ которой стрѣлялъ каждый. Такой чести, небывалой еще въ Забайкальѣ, удостоились Усть-Уровской станицы фельдфебель Павелъ Пономаревъ (станичный атаманъ), Ломовской станицы казакъ Тимофей Литвинцевъ и старшій урядникъ Никонъ Пестеревъ.

Предъ отходомъ парохода, собранные на пристани представители войска, ѣздившіе въ Покровку, получили: подъесаулъ Эповъ и сотникъ Бакшеевъ серебряные портсигары, а нижніе чины золотыя булавки съ вензелемъ Его Императорскаго Высочества (буквами Н. А.) и короною. Булавки эти войсковой наказный атаманъ тутъ же, на пристани, собственноручно прикололъ каждому; затѣмъ Августѣйшій Атаманъ изволилъ проститься съ ними и еще разъ поблагодарить ихъ.

Станичный атаманъ, урядникъ Пыхаловъ, лично отъ Его Императорскаго Высочества получилъ серебряные часы.

Въ 7 часовъ «Вѣстникъ» отвалилъ отъ пристани и тронулся въ путь. Красивъ былъ видъ Стрѣтенска, когда подходилъ утромъ пароходъ, но еще красивѣе и оживленнѣе онъ оказался при отходѣ. Солнце обливало лучами яркую картину строеній, флаговъ, массы народа въ праздничныхъ одеждахъ. Могучее «ура» гудѣло въ воздухѣ, пока пароходъ шелъ вдоль станицы; все, что было на берегу, заволновалось и бѣжало, слѣдуя за пароходомъ, пока было возможно. Около поселка Кокуйскаго, на берегу были выстроены казаки Курлыченской станицы. Замедливъ ходъ, «Вѣстникъ» прошелъ мимо.

Невозможно описать тотъ энтузіазмъ, съ которымъ нерчугане и съѣхавшіеся съ разныхъ сторонъ жители встрѣтили 14 іюня давно ожидаемаго и желаннаго Гостя! Путь его, пока Онъ шелъ, осыпали цвѣтами; за коляской, потрясая воздухъ восторженными криками, бѣжали тысячи народа, сопровождая до собора, гдѣ произошла обычная встрѣча, отъ собора до дома Бутина, гдѣ вдоль улицы расположилась, составляя почетный караулъ, сотня льготныхъ казаковъ 3-го отдѣла, съ знаменемъ. Принявъ рапортъ, Августѣйшій Атаманъ изволилъ обойти фронтъ сотни и далѣе—казаковъ и казачатъ (послѣднихъ до 300) станицъ: Торгинской, Жидкинской, Ундинской, Куенгской. Пропустивъ всѣхъ церемоніальнымъ маршемъ, Его Императорское Высочество милостиво похвалилъ всѣхъ.

Около 11 часовъ утра 15 іюня, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ начальникомъ нерчинскаго горнаго округа д. с. с. Нестеровымъ на пристани у р. Шилки. Принявъ рапортъ, Его Императорское Высочество переправился на другой берегъ на особо устроенной лодкѣ и, поздоровавшись съ казаками и казачатами (около 100 человѣкъ) Кулаковской станицы, изволилъ прослѣдовать на Урульгинскій пріискъ. По возвращеніи съ пріиска, на переправѣ чрезъ р. Шилку, простившись съ казаками, Его Высочество лично наградилъ исполнявшаго обязанность станичнаго атамана урядника Степана Кривоносова серебряными часами. Въ пос. Мирсановскомъ представлялись депутаты Митрофановской станицы, а казаки и казачата (послѣднихъ болѣе 100) прошли церемоніальнымъ мар-

шемъ; Его Императорское Высочество изволилъ кушать чай.

Было вполнѣ еще свѣтло, когда подъѣзжали къ поселку Казановскому. Здѣсь представились своему Августѣйшему Атаману казаки и казачата (послѣднихъ до 180) Новотроицкой, Улятуевской станицъ, крестьяне Ундинской, Чиронской волостей. Для ночлега Его Императорскаго Высочества былъ приготовленъ домъ Казанова. Свита и сопровождающіе расположились въ ближайшихъ домахъ. Во время обѣда, происходившаго въ станціонномъ зданіи, хоръ пѣвчихъ пѣлъ пѣсни и скоро у оконъ начались оживленные танцы, очень распространенная «восьмерка» и другіе. Его Императорское Высочество изволилъ смотрѣть на танцы изъ оконъ во время обѣда. Народъ угощали конфектами, которыя лица свиты раздавали ближайшимъ и затѣмъ бросали дальнимъ. 16 іюня, передъ отъѣздомъ, исполнявшій обязанности Митрофановскаго станичнаго атамана урядникъ Дмитрій Абрамовъ удостоился получить лично отъ Августѣйшаго Атамана серебряные часы. Хозяинъ дома казакъ Иванъ Казановъ удостоился получить золотую булавку. На станціяхъ Размахнинской, Галкинской представлялись казаки и казачата (послѣднихъ болѣе 200), отъ малолѣтокъ были и ординарцы. Вездѣ казаки были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, причемъ въ ст. Размахнинской подъ звуки собственнаго своего оркестра; устройствомъ и игрою и однимъ изъ инструментовъ, именно «лирою» Его Императорское Высочество заинтересовался; владѣвшій инструментомъ заигралъ одну изъ плясовыхъ пѣсенъ и, какъ изъ земли, выросли двое казачатъ и начался танецъ, участники котораго имѣли не болѣе 8 лѣтъ. Плясуны заслужили похвалу и награду. При отъѣздѣ Размахнинскій станичный атаманъ Федоръ Размахнинъ получилъ отъ Его Высочества серебряные часы.

Въ ст. Кайдаловой были представлены казаки и казачата (послѣднихъ до 150 въ двухъ пунктахъ—с. Кайдаловской и пос. Туриноповоротномъ). Его Императорское Высочество изволилъ пить чай.

Уже солнце близилось къ закату, когда Его Императорское Высочество подъѣзжалъ къ особо устроенному, агинскими бурятами, около п. Туриноповоротнаго павильону и раскинутымъ вокругъ него юртамъ. Здѣсь, поздоровавшись съ чинами Туриноповоротной конвойной команды, съ казаками и сотнею казачатъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ затѣмъ привѣтствованъ представителями бурятъ.

На другой день передъ отъѣздомъ Кайдаловскій станичный атаманъ казакъ Андрей Поповъ удостоился получить серебряные часы.

Около 8 часовъ утра направились далѣе къ Читѣ. Въ ст. Маковѣевской, кромѣ казаковъ и сотни малолѣтокъ, Его Императорскому Высочеству представилась партія запасныхъ, слѣдующая съ Амура на родину. Пропустивъ всѣхъ церемоніальнымъ маршемъ и похваливъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ запаснымъ отпустить по чаркѣ водки, а казачатамъ дать на лакомства. Станичному же атаману уряднику Пушкареву пожаловалъ серебряные часы.

Въ пос. Атамановскомъ представители Титовской станицы встрѣтили своего Августѣйшаго Атамана хлѣбомъ-солью.

Въ Читѣ предположенъ былъ ночлегъ и выѣздъ на другой день послѣ завтрака. На ряду со всѣми городами Забайкалья, и Чита давно уже начала готовиться къ

пріему дорогого Гостя. Городъ украсился флагами, гирляндами, транспарантами, многія зданія казенныя и частныя были убраны весьма изящно, особенно по Амурской улицѣ и на Атаманской площади. Въ городъ заблаговременно прибыли всѣ войска, прибыли всѣ атаманы 12 станицъ 2-го военнаго отдѣла съ представителями сихъ станицъ, представители всѣхъ волостей читинской округи, массы жителей изъ дальнихъ мѣстъ, чтобы взглянуть на такого желаннаго и давно ожидаемаго Гостя.

Въ началѣ второго часа дня вдали показался поѣздъ. Около Августѣйшаго Путешественника, бывшаго, какъ и ранѣе, съ генералъ-губернаторомъ, конвоемъ ѣхали офицеры коннаго полка и батареи, встрѣтившіе Его Императорское Высочество верстахъ въ 4-хъ у часовни, что на перевалѣ Госпитальной сопки.

Принявъ городскую депутацію, поднесшую хлѣбъ-соль, посѣтивъ соборъ, Дорогой Гость направился къ Атаманской площади. Здѣсь, у войсковой часовни, Онъ изволилъ выйти изъ экипажа. Тутъ расположились въ пѣшемъ строю сотни малолѣтокъ Титовской станицы, станицъ второго военнаго отдѣла. Звонкими дѣтскими голосами отвѣтили Своему Августѣйшему Атаману на его привѣтствіе.

Его Императорское Высочество, встрѣченный въ часовнѣ іеромонахомъ Стефаномъ, милостиво изволилъ разспрашивать наказнаго атамана о времени сооруженія часовни, причинахъ ея возникновенія, помолившись св. Александру Невскому, св. изображеніе котораго въ богатой ризѣ было прислано Его Императорскимъ Высочествомъ Забайкальскому войску и торжественно освящено 13 іюля 1890 года. Непосредственно подъ образомъ Александра Невскаго былъ помѣщенъ образъ св. Іова, празднуемаго 6 мая, день рожденія Наслѣдника Цесаревича. Забайкальскіе казаки, желая увѣковѣчить въ памяти народной посѣщеніе ихъ Августѣйшимъ Атаманомъ, соорудили этотъ образъ на добровольныя пожертвованія и поставили въ своей войсковой часовнѣ.

По выходѣ изъ часовни, Его Императорское Высочество направился вдоль представителей 12 станицъ 2 военнаго отдѣла [1]), здороваясь съ ними, и далѣе перешелъ къ почетному караулу, расположенному на Атаманской площади, фронтомъ къ часовнѣ. 1-я сотня 1 пѣшаго баталіона, составлявшая караулъ, своимъ молодцоватымъ видомъ заслужила похвалу Августѣйшаго Атамана.

Пропустивъ караулъ церемоніальнымъ маршемъ, похваливъ его, Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ въ ограду атаманскаго дома. Здѣсь Его Императорское Высочество привѣтствовали представители гор. Акши и волостей читинской округи.

Принявъ представителей гражданскихъ учрежденій въ залѣ военнаго собранія и осмотрѣвъ часть помѣщенія сего собранія, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ посѣтить Преосвященнаго Макарія, у котораго изволилъ кушать чай. Между тѣмъ за лѣтнимъ домомъ Архіерея собрались для смотра войска читинскаго гарнизона: пѣшій казачій баталіонъ, читинская мѣстная команда, 3 сотни казачьяго коннаго полка, 2-я казачья батарея, сотня льготныхъ казаковъ и сотня малолѣтокъ станицъ 2 военнаго отдѣла, сотня малолѣтокъ Титовской ста-

[1]) Букукунской, Верхнеульхунской, Мангутской, Акшинской, Могойтуевской, Дурулгуевской, 1 и 2 Чиндантскихъ, Цаганъ-Олуевской, Зоргольской, Дуроевской, и Чалбучинской.

ницы. Войска были выстроены въ колоннахъ тыломъ къ рѣкѣ, примыкая правымъ флангомъ къ саду архіерейскаго дома, головы частей были на одной линіи.

Никогда еще Чита не видала такого блестящаго смотра. Объѣзжая вдоль фронта, Наслѣдникъ Цесаревичъ здоровался последовательно съ частями войскъ, громкое «ура» войскъ и собравшагося народа придавали всей картинѣ еще большую торжественность и живость. Войска проходили дважды—по сотенно и колонною, заслуживъ неоднократныя похвалы. Особыхъ похвалъ заслужилъ пѣшій баталіонъ, въ рядахъ котораго, при составѣ до 600 человѣкъ, было болѣе половины казаковъ, поступившихъ съ 1 января 1891 года и собранныхъ съ 1 апрѣля на 5-ти мѣсячное обученіе.

Послѣ смотра началась джигитовка, для которой вызвана была вторая сотня коннаго полка, сотня льготнаго полка и малолѣтки. «Джигиты» не одинъ разъ удостоились похвалы своего Августѣйшаго Атамана. Затѣмъ были скачки нижнихъ чиновъ отъ одной сотни коннаго полка, далѣе предположена была скачка казаковъ 2-го отдѣла, но погода быстро измѣнилась, начался вѣтеръ и на небѣ быстро образовались тучи, готовыя разразиться обильнымъ дождемъ; скачка казаковъ была перенесена на другой день, и Его Императорское Высочество около 7 часовъ вечера изволилъ возвратиться въ городъ; вечеромъ на Атаманской площади было гулянье.

18 іюня, посѣтивъ нѣкоторыя учебныя заведенія, Августѣйшій Атаманъ пожелалъ осчастливить Забайкальское войско знакомъ своего благоволенія—принять предложенный отъ войска въ полѣ завтракъ, а до мѣста завтрака слѣдовать верхомъ во главѣ забайкальцевъ! Нужно ли говорить, съ какою радостію вѣсть о семъ была принята казаками.

Сѣвъ на коня, Августѣйшій Атаманъ изволилъ въ сопровожденіи свиты выѣхать на площадь, запруженную народомъ. Недалеко отъ воротъ фотографъ снялъ Августѣйшаго Атамана съ Его спутниками. Путь слѣдовалъ черезъ площадь, по Амурской и Нерчинской улицамъ, на мосты и далѣе по верхнеудинскому тракту. На выступѣ горы находится часовня во имя Святого Духа, перестроенная казаками Титовской станицы, причемъ въ ней поставленъ былъ образъ — Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, съ надписью на немъ: «Въ благодареніе Господу Богу за нововявленное чудо надъ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ въ Японіи 29 апрѣля 1891 года, въ избавленіи Его отъ смертной опасности и на память въ роды родовъ сего чудеснаго спасенія Десницею Всевышняго». Около этой часовни въ 1873 году Забайкальское войско имѣло счастіе угощать Великаго Князя Алексѣя Александровича; здѣсь же былъ поставленъ особый шатеръ, изъ разноцвѣтной матеріи, украшенный флагами, зеленью, щитами. Въ шатрѣ приготовленъ былъ завтракъ для Его Императорскаго Высочества, свиты и для высшихъ представителей учрежденій области. Кругомъ расположились станичные атаманы, прислуживали исключительно казаки; прочіе приглашенные помѣстились въ особо устроенномъ навѣсѣ рядомъ. Быстро шло время завтрака; прекрасный видъ на городъ, на долину, рр. Читы и Ингоды, отличный день,—все согласовыва-

лось съ тѣмъ особо радостнымъ состояніемъ, какое замѣчалось у всѣхъ присутствующихъ. Августѣйшій Атаманъ изволилъ первымъ провозгласить тостъ за Забайкальское казачье войско. Это милостивое вниманіе Августѣйшаго Атамана къ войску вызвало восторженные крики, которые усилились еще болѣе, когда Наказный Атаманъ провозгласилъ тостъ за Августѣйшаго Атамана. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, звуки музыки и крики тысячъ присутствующихъ—все слилось въ одинъ внушительный, радостный гулъ, понятный всякому русскому, безпредѣльно преданному своему Царю и Его Августѣйшему Представителю.

Фотографъ сдѣлалъ снимокъ съ завтракавшихъ; затѣмъ Его Императорскому Высочеству было угодно осчастливить войско, снявшись съ представителями его и станичными атаманами, а затѣмъ отдѣльно группою съ войсковымъ наказнымъ Атаманомъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ, наказнымъ Атаманомъ Забайкальскаго войска и станичнымъ атаманомъ. Атаманъ отдѣла генералъ Мерказинъ выѣхалъ ранѣе въ поселокъ Черновской. Къ сожалѣнію, оба снимка потомъ случайно разбились; первая группа была возстановлена, а вторая замѣнена новою уже въ Верхнеудинскѣ.

Во время же завтрака Его Императорское Высочество изволилъ многимъ изъ присутствующихъ на листкахъ бумаги дѣлать собственноручныя надписи: «Вашъ Атаманъ», «Цесаревичъ Николай», «Николай» и означая вездѣ «18 Іюля 1891 года».

Напутствуемый громко высказываемыми самыми чистосердечными пожеланіями благополучнаго пути, Наслѣдникъ Цесаревичъ въ городскомъ экипажѣ изволилъ отбыть далѣе. Противу Кенонскаго озера пасся табунъ казака 2-й Чиндантской станицы Шестакова. Остановившись здѣсь, Его Императорское Высочество смотрѣлъ ловлю лошадей, объѣздку ихъ. Ловили исключительно казаки и не уступали въ своемъ искусствѣ бурятамъ. Особенно удачно выходило, когда ѣздокъ садился на неосѣдланную лошадь, держась одною рукою за гриву, а другою за хвостъ. Всѣ усилія коня, озадаченнаго такою неожиданностію, сбросить смѣлаго сѣдока, были напрасны; измучившись, но не освободившись отъ ноши, конь смирялся и становился послушнымъ. Въ то время, когда происходила ловля лошадей, были пущены лошади казаковъ 2-го военнаго отдѣла на скачку. Какъ было упомянуто ранѣе, скачка эта не могла состояться наканунѣ, и по желанію Его Императорскаго Высочества, была произведена въ день выѣзда. Поблагодаривъ казака Шестакова, наградивъ его золотою булавкою (Шестаковъ получилъ сверхъ того серебряные часы и второй войсковой призъ на скачкѣ), Августѣйшій Путешественникъ изволилъ сѣсть въ дорожный экипажъ. Масса офицеровъ и казаковъ провожала до пос. Черновскаго.

Казаки, прислуживавшіе во время завтрака, а также и ловившіе лошадей, получили часы или другіе подарки.

Въ поселкѣ Черновскомъ представились казаки и казачата Титовской станицы; здѣсь кончался 3-й военный отдѣлъ и здѣсь остался атаманъ сего отдѣла генералъ-маіоръ Мерказинъ, которому Его Императорское Высочество изволилъ пожаловать свой портретъ въ серебряной рамкѣ. Станичный атаманъ урядникъ Балаганскій получилъ лично отъ Цесаревича часы.

Верхнеудинцы готовились уже давно къ встрѣчѣ. Красивый самъ по себѣ, съ мно-

жествомъ каменныхъ бѣлыхъ зданій, городокъ принялъ совершенно праздничный видъ. Въ концѣ большой улицы сооружена была каменная арка, около зданія арестантскаго пріюта; къ этой аркѣ проложена была новая дорога. У арки, впереди ея, расположились почетные жители, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній. Становилось уже темно, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ къ аркѣ. Встрѣченный пѣніемъ, восторженными криками, Его Императорское Высочество прошелъ среди учениковъ; путь его усыпался цвѣтами. Городской голова привѣтствовалъ дорогого Гостя и, по русскому обычаю, поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ, очень изящномъ блюдѣ.

Далѣе путь лежалъ къ соборной церкви. Трудно себѣ представить, что произошло, когда коляска Его Императорскаго Высочества двинулась въ путь; ни что не могло сдержать хлынувшихъ массъ народа. Все устремилось вслѣдъ, оглашая воздухъ громкимъ ура; восторгъ былъ общій.

Когда коляска Его Императорскаго Высочества миновала домъ почетнаго гражданина И. Ф. Голдобина, приготовленный для помѣщенія Наслѣдника Цесаревича, вдоль улицы выстроился почетный караулъ отъ 4-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона въ составѣ роты со знаменемъ и хоромъ баталіонной музыки; лѣвѣе почетнаго караула стояли — атаманъ 1-го военнаго отдѣла, командиръ батареи и двѣ сотни казаковъ и казачатъ 1-го военнаго отдѣла, причемъ всѣ казачата были одѣты въ татарки. Еще лѣвѣе и почти противу почетнаго караула, по другую сторону улицы, расположились представители всѣхъ волостей Верхнеудинскаго округа. Принявъ почетный караулъ, Его Императорское Высочество изволилъ прослѣдовать вдоль его фронта, а затѣмъ вдоль фронта казаковъ и казачатъ и представителей станицъ: Цакирской, Харацайской, Желтуринской, Боснинской, Цаганъ-Усунской, Киранской, Мурочинской, Кударинской, Шарагольской, Усть-Урлукской, Мензинской и 11 сотенъ упраздненныхъ бурятскихъ полковъ.

Почетный караулъ, казаки и казачата были пропущены церемоніальнымъ маршемъ и заслужили похвалу.

21 Іюня 1851 года Высочайше утверждено положеніе о пѣшихъ баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска: въ этотъ день, по установленному уже давно порядку, полагается войсковой кругъ, среди котораго совершается молебствіе. 21 Іюня 1891 года стало особенно дорогимъ днемъ, вопервыхъ, потому, что Августѣйшій Атаманъ изволилъ назначить смотръ войскъ верхнеудинскаго гарнизона, въ составѣ котораго были казаки, а во вторыхъ, потому, что исполнялось сорокъ лѣтъ со времени утвержденія положенія о пѣшихъ баталіонахъ.

Августѣйшему Атаману благоугодно было дать новое доказательство благоволенія своего войску — осчастливить войсковой кругъ своимъ присутствіемъ.

Къ назначенному часу обширная поляна около казармъ, занимаемыхъ 1-й конно-артиллерійской батареей Забайкальскаго войска, приняла необычайный видъ; прямо противъ дороги, идущей по берегу р. Уды изъ города, возвышался особый навѣсъ, внутри котораго помѣщены были св. иконы: фронтомъ къ выходу дороги изъ города развернулся 4-й восточно-сибирскій ли-

нейный баталіонъ, лѣвѣе его 1-я конно-артиллерійская батарея. 4 сотни льготныхъ казаковъ и малолѣтокъ 1-го военнаго отдѣла составили вторую линію. Весь возвышенный уступъ, къ которому примыкаетъ поляна, былъ покрытъ тысячами народа, съѣхавшагося съ дальнихъ мѣстъ, чтобы видѣть Царскаго Первенца. Погода вполнѣ благопріятствовала смотру, легкій вѣтеръ относилъ пыль.

Принявъ рапортъ отъ командовавшаго парадомъ полковника Соймонова, Его Императорское Высочество, при звукахъ хора музыки, несмолкаемыхъ крикахъ «ура», изволилъ объѣхать обѣ линіи и затѣмъ направился къ навѣсу, гдѣ немедленно по прибытіи войскъ, ставшихъ покоемъ, началось молебствіе, окончившееся провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. Войска и казаки были пропущены церемоніальнымъ маршемъ по ротно, казаки по сотенно, а затѣмъ колоннами. Послѣ сего, было вызвано по взводу отъ сотни льготныхъ казаковъ и малолѣтокъ для джигитовки. Оставшись всѣмъ доволенъ, Августѣйшій Атаманъ изволилъ осчастливить батарею посѣщеніемъ казармъ; здѣсь въ столовой Онъ изволилъ выпить чарку за батарею. Восторгъ казаковъ былъ неописуемъ.

Осчастлививъ ранѣе инородцевъ и казаковъ снятіемъ группою вмѣстѣ съ ними, Его Императорское Высочество пожелалъ осчастливить и крестьянъ, снявшись вмѣстѣ съ ними въ саду дома Голдобина. Послѣ сего снята была особая группа: Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, съ атаманами, войсковымъ наказнымъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ, наказнымъ Забайкальскаго войска, 1-го военнаго отдѣла и станичнымъ [1]).

Предъ отъѣздомъ Верхнеудинскій станичный атаманъ урядникъ Мисюркеевъ получилъ серебряные часы.

Этимъ днемъ собственно и окончилось пребываніе Августѣйшаго Атамана среди преданныхъ ему всею душою забайкальцевъ.

Считаемъ необходимымъ кратко упомянуть и о нѣкоторыхъ послѣдующихъ событіяхъ. Генералъ-губернаторъ, при возвращеніи своемъ обратно съ Байкала въ Хабаровку, изволилъ вездѣ передавать, что Его Императорское Высочество, оставшись вполнѣ довольнымъ всѣмъ видѣннымъ и радушіемъ, оказаннымъ Ему всѣмъ населеніемъ Забайкальской области, при отъѣздѣ изволилъ приказать объявить Свою душевную и горячую признательность всѣмъ учрежденіямъ, духовенству, начальствующимъ лицамъ, окружнымъ, городскимъ, полицейскимъ, станичнымъ, волостнымъ, поселковымъ, сельскимъ управленіямъ и всѣмъ жителямъ Забайкалья.

О такомъ знакѣ вниманія было объявлено также и особо.

Изъ Верхнеудинска 23 іюня наказнымъ атаманомъ была отправлена Его Императорскому Высочеству нижеслѣдующая телеграмма: «Чины Верхнеудинскаго гарнизона [2]) и казаки 1-го военнаго отдѣла, отслуживъ благодарственное Господу Богу молебствіе за дарованное имъ счастіе представиться Вашему Императорскому Высочеству и получить милостивое слово Вашего Императорскаго Высочества, едино-

[1]) Снимокъ съ этой группы помѣщенъ при настоящей книжкѣ.

[2]) 4-й Восточно-сибирскій линейный баталіонъ, мѣстная команда и 1-я конно-артиллерійская батарея.

душно постановили на мѣстѣ, гдѣ происходило молебствіе 21 іюня, соорудить часовню [1]), въ которой ежегодно 21-го іюня совершать молебствіе о дарованіи Вашему Императорскому Высочеству долгоденствія. Вмѣстѣ съ этимъ чины гарнизона и казаки просятъ повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ чувства вѣрноподданнической ихъ преданности и горячія сердечныя пожеланія благополучнаго пути. Счастливъ, что мнѣ выпадаетъ случай донести объ этомъ Вашему Императорскому Высочеству». На что полученъ нижеслѣдующій отвѣтъ:

«Сердечно благодарю чиновъ верхнеудинскаго гарнизона и казаковъ 1-го военнаго отдѣла за выраженныя чувства».

«НИКОЛАЙ».

Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ телеграммою извѣстилъ начальника Забайкальской области, что на принесенное Наслѣднику Цесаревичу поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Петербургъ, была получена слѣдующая телеграмма отъ Его Императорскаго Высочества:

Сердечно благодарю васъ, войска, казаковъ и жителей Приамурскаго края за поздравленіе съ пріѣздомъ домой. Никогда не забуду пріемовъ, оказанныхъ мнѣ во время проѣзда по этому краю будущаго».

«НИКОЛАЙ».

На поздравленія съ днемъ тезоименитства 6 декабря 1891 г., и. д. командующаго войсками округа имѣлъ счастіе получить нижеслѣдующую телеграмму:

«Душевно благодарю казачьи и регулярныя войска Приамурскаго края и васъ, за поздравленія. Радостно вспоминаю о моемъ пребываніи въ краю».

«НИКОЛАЙ».

Полагаемъ умѣстнымъ закончить это описаніе краткимъ перечнемъ болѣе выдающихся пожертвованій и вообще благотворительныхъ и добрыхъ дѣлъ, вызванныхъ какъ посѣщеніемъ Забайкалья, такъ и радостнымъ чувствомъ при извѣстіи объ избавленіи отъ опасности, угрожавшей Его Императорскому Высочеству въ Японіи.

Станичный сходъ Размахнинской станицы постановилъ въ сооружаемомъ въ станицѣ Размахнинской молитвенномъ домѣ поставить св. иконы: св. Николая, въ память посѣщенія станицы Августѣйшимъ Атаманомъ, и святыхъ, празднуемыхъ 29 апрѣля, въ память избавленія Его отъ угрожавшей Ему опасности въ Японіи.

Кайдаловская станица рѣшила въ станицѣ Кайдаловской построить на лѣвомъ берегу Ингоды деревянную, на каменномъ фундаментѣ, церковь, во имя Николая Чудотворца, въ память посѣщенія станицы Августѣйшимъ Атаманомъ.

Станичный сходъ Усть-Уровской станицы постановилъ въ ознаменованіе проѣзда своего Августѣйшаго Атамана поставить въ мѣстную часовню икону св. Николая Чудотворца.

Титовское станичное общество отремонтировало часовню близь почтоваго тракта и поставило въ ней образъ Сошествіе св. Духа на Апостоловъ, въ благодареніе Господу Богу за новоявленное чудо 29-го апрѣля 1891 года.

Забайкальскіе казаки соорудили образъ св. Іова (празднуемаго 6-го мая въ день рожденія Августѣйшаго Атамана) въ память посѣщенія войска Августѣйшимъ Атама-

[1]) Часовня эта уже сооружена и освящена 21-го іюня 1892 г.

номъ. Образъ этотъ поставленъ въ гор. Читѣ въ войсковой часовнѣ. На мѣстѣ же, гдѣ Его Императорское Высочество изволилъ сидѣть во время войскового завтрака, соорудить каменную пирамиду, что и исполнено; пирамида освящена 17-го іюня 1892 г.

Память о посѣщеніи Забайкалья Наслѣдникомъ Престола, конечно, сохранится у всѣхъ тѣхъ, кто былъ такъ счастливъ и удостоился видѣть Его Высочество. Въ станицы разосланы фотографическіе снимки съ блюда, складня, войсковой часовни, въѣзда Августѣйшаго Атамана во главѣ войсковыхъ чиновъ, во время завтрака, вмѣстѣ съ представителями и наконецъ съ атаманами. Гордитесь, забайкальцы всѣми этими знаками вниманія вашего Августѣйшаго Атамана.

XIV.

Войсковыя святыни.

1. Образъ св. Александра Невскаго и войсковая часовня.

Войсковой Наказный Атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ, оставшись доволенъ результатами поѣздки по войску, въ 1889 году, и найдя войско въ отличномъ состояніи, донесъ о семъ Военному Министру и войско осчастливлено было высокою наградою «ЦАРСКИМЪ спасибо», о чемъ и было 13-го іюля объявлено приказомъ по Приамурскимъ казачьимъ войскамъ; приказъ этотъ, столь важный и дорогой каждому забайкальцу, помѣщенъ выше.

Вѣсть о такой Монаршей наградѣ была объявлена въ Читѣ Наказнымъ Атаманомъ на другой же день по возвращеніи изъ поѣздки по области, именно 22-го іюля, при собраніи всѣхъ казачьихъ частей читинскаго гарнизона на Атаманской площади.

Послѣдовавшій за симъ народный гимнъ слился съ громкими криками «ура» нѣсколькихъ тысячъ присутствующихъ и съ пушечною пальбою въ общіе, потрясающіе до глубины души, восторженные звуки.

Съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ лицъ начали поступать заявленія о желаніи увѣковѣчить столь памятное для войска событіе. Въ день войскового праздника, 17-го марта 1890 года, послѣ обычнаго на сей разъ молебствія, въ присутствіи всѣхъ казачьихъ частей читинскаго гарнизона и приглашенныхъ на праздникъ гостей, заложена была войсковая часовня во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго, на Атаманской площади въ гор. Читѣ.

Августѣйшій атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, узнавъ о закладкѣ часовни, соизволилъ осчастливить войско нижеслѣдующею телеграммою, полученною наказнымъ атаманомъ 18-го марта: «Отъ души поздравляю Забайкальское казачье войско и васъ съ войсковымъ праздникомъ, благодарю за привѣтствіе, пришлю въ новую часовню образъ св. Александра Невскаго. НИКОЛАЙ».

Войско такимъ образомъ было еще разъ

осчастливлено милостью къ нему Августѣйшаго Атамана.

Пожалованный образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго былъ полученъ въ Читѣ въ началѣ іюня, и такъ какъ на ризѣ была надпись «13-го іюля 1890 года», то и рѣшено было въ этотъ день освятить и образъ, и часовню, сооруженіе которой быстро подвигалось впередъ.

Къ назначенному дню со всѣхъ сторонъ стали собираться въ Читу представители станицъ и желающіе присутствовать при этомъ радостномъ для войска событіи.

Прибыли всѣ атаманы отдѣловъ, 32 станичныхъ атамана, льготные казаки и малолѣтки. Всѣ они размѣщались въ лагеряхъ коннаго полка и пѣшаго баталіона, гдѣ встрѣтили отъ своихъ одностаничниковъ и родственниковъ радушный пріемъ. Чита оживилась и приняла видъ войскового города.

Въ назначенный день, къ 8 часамъ утра, на Атаманской площади расположились вокругъ часовни: на правомъ фасѣ, лицомъ къ часовнѣ, правымъ бокомъ къ войсковому правленію, всѣ малолѣтки; лѣвѣе ихъ въ сотенной колоннѣ сталъ баталіонъ, имѣя въ строю и нижепредѣльныхъ; тыломъ къ р. Читѣ, конный полкъ и часть батареи; спиною къ полицейскому правленію стали прибывшіе льготные казаки и станичные атаманы.

Вдоль по Амурской улицѣ и позади войскъ расположились всѣ пожелавшіе присутствовать на торжествѣ.

Въ 8½ часовъ, съ обычною церемоніей, вынесли изъ атаманскаго дома знамена строевыхъ частей и 14 находящихся въ Читѣ знаменъ льготныхъ частей. Вслѣдъ за этимъ обошелъ войска, здороваясь съ ними, и наказный атаманъ. Вызвавъ затѣмъ всѣхъ гг. офицеровъ, урядниковъ и станичныхъ атамановъ, наказный атаманъ обратился къ нимъ съ краткою рѣчью. Поздравивъ съ годовщиною полученія ЦАРСКОЙ милости и съ видимымъ знакомъ благоволенія къ войску со стороны его Августѣйшаго Атамана, наказный атаманъ указалъ на то особое значеніе, которое имѣетъ для войска образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Болѣе шестисотъ лѣтъ тому назадъ православную Русь постигло несчастіе: несмѣтныя полчища монголъ опустошили ее и поработили, заставивъ князей ѣздить на поклонъ къ ханамъ и платить дань. Въ первое же время наступившаго монгольскаго ига однимъ изъ князей былъ и Александръ Невскій. Слабостью Руси желали воспользоваться ея тогдашніе сосѣди: шведы и нѣмецкіе рыцари; они стали нападать и разорять пограничныя области; князь Александръ нанесъ шведамъ жестокое пораженіе на берегахъ рѣки Невы, за что и получилъ наименованіе «Невскаго»; досталось отъ мужественнаго князя и нѣмецкимъ рыцарямъ. Охраняя силою оружія родную страну отъ ея враговъ, князь Александръ ѣздилъ и въ Монголію, успѣвъ охранить Русь отъ многихъ бѣдствій и съ этой стороны. Не такъ далеко отъ предѣловъ Забайкалья, а, быть можетъ, частію и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ казаки, кочевали монголы, и близъ Забайкалья былъ Александръ Невскій, ограждая Русь отъ монголъ. Такимъ образомъ при жизни своей князь Александръ былъ заступникомъ православной Руси, грознымъ ея защитникомъ и теперь предъ Престоломъ Всевышняго онъ неустанный ходатай за свое отечество. Войско, получивъ отъ своего Августѣйшаго Атамана образъ

благовѣрнаго князя Александра Невскаго, какъ бы пріобрѣло въ этомъ угодникѣ Божіемъ особаго покровителя. Какъ сотни лѣтъ тому назадъ князь Александръ стоялъ на стражѣ Россіи, такъ и теперь онъ невидимо, какъ бы вмѣстѣ съ Забайкальскимъ войскомъ, стоитъ на рубежѣ отечества и противъ его давняго и нынѣ уже не грознаго врага. Съ такимъ высокимъ заступникомъ и покровителемъ, забайкальцы пойдутъ на врага, если то прикажетъ Державный Вождь.

Освященіе образа происходило въ атаманскомъ домѣ преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ Селенгинскимъ. Образъ былъ вынесенъ на рукахъ наказнымъ атаманомъ и атаманами отдѣловъ. Торжественная и глубоко трогательная картина представлялась на Атаманской площади: яркіе лучи солнца играли и блестѣли и на золотой ризѣ образа, и на дорогихъ одѣяніяхъ духовенства, и на принадлежностяхъ парадной формы всѣхъ присутствующихъ, и, наконецъ, на штыкахъ, стволахъ, шашкахъ. Медленно двигалась среди полной тишины, при звукахъ молитвы «Коль славенъ», духовная процессія, имѣя впереди образъ, обошла по фронту войскъ и затѣмъ вступила въ часовню. Вслѣдъ затѣмъ началось молебствіе по уставу освященія часовенъ, при чемъ всѣ знамена расположились вокругъ часовни на площадкѣ.

Къ окончанію молебствія прибылъ начальникъ штаба Приамурскаго военнаго округа генералъ-маіоръ Юнаковъ, бывшій въ это время въ Читѣ, проѣздомъ къ мѣсту службы.

По окончаніи молебствія, знамена и войска были окроплены преосвященнымъ Макаріемъ, обошедшимъ ряды войскъ. Духовное торжество окончилось.

Какъ старшій въ чинѣ, генералъ Юнаковъ принялъ парадъ и, поздравивъ войско съ торжественнымъ для него днемъ годовщины полученія ЦАРСКОЙ милости, провозгласилъ затѣмъ здравицу за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Восторженные крики «ура» нѣсколькихъ тысячъ собравшихся на площади слились съ звуками народнаго гимна, съ троекратнымъ залпомъ батареи, поставленной на краю площади. Также восторженно встрѣчена была здравица и за Августѣйшаго Атамана, при чемъ хоръ музыки игралъ войсковой маршъ; залпъ батареи еще болѣе усилилъ величественную картину. Затѣмъ была провозглашена здравица за войскового наказнаго атамана, главнаго виновника полученной ЦАРСКОЙ награды, и за благоденствіе Забайкальскаго казачьяго войска.

Войска перестроились къ церемоніальному маршу. Впереди стали знамена льготныхъ частей въ одинъ рядъ, за ними слѣдовали: атаманъ 3-го военнаго отдѣла и станичные атаманы сего отдѣла, имѣя на правомъ флангѣ наказнаго атамана, далѣе сотня Титовскихъ малолѣтокъ и малолѣтки другихъ станицъ 3-го отдѣла; въ томъ же порядкѣ шли 2-й и 1-й отдѣлы и затѣмъ войска. Послѣ перваго прохожденія, станичные атаманы и малолѣтки стали около войскового хора, а войска прошли вторично общею колонною, послѣ чего вновь выстроились фронтомъ къ атаманскому дому, имѣя съ правой стороны малолѣтокъ. Знамена были отнесены въ атаманскій домъ, при чемъ отдана была установленная честь. Этимъ и окончилось торжество на Атаманской площади.

Во второмъ часу, въ помѣщеніи военнаго собранія на назначенномъ обѣдѣ, участвовали какъ всѣ приглашенные, такъ

и прибывшие станичные атаманы. Послѣ оживленныхъ тостовъ, начался сибирскій танецъ (восьмерка), а затѣмъ и «казачекъ». Оказалось, что въ числѣ представителей станицъ, удостоенныхъ чести быть выбранными въ станичные атаманы, было не мало и представителей по ловкости и искусству въ танцахъ. Долгій и продолжительный лѣтній день клонился къ вечеру, когда изъ военнаго собранія стали выходить гости.

На другой день представители частей войскъ и станичные атаманы приглашены были къ обѣду къ наказному атаману. Обширный залъ атаманскаго дома едва вмѣстилъ всѣхъ обѣдавшихъ. Послѣ обѣда и дабы сохранить въ памяти, кажется, первое такое многолюдное собраніе представителей войска, снята была общая группа, въ которой участвовало 44 человѣка; всѣ лица вышли чрезвычайно хорошо.

Вскорѣ послѣ обѣда, на полянѣ за архіерейскою заимкою состоялись скачки. Скакали казаки коннаго полка; а затѣмъ казачата 1-го и 2-го отдѣловъ показывали свое искусство въ джигитовкѣ. Лучшему, признанному таковымъ всѣми тремя атаманами отдѣловъ, выданъ былъ самоваръ; другіе, менѣе цѣнные изъ предметовъ одежды, книжки, а также и разныя сласти раздавались всѣмъ прибывшимъ казачатамъ. Наступившія сумерки помѣшали продолжать казачье празднество, которое, впрочемъ, закончилось уже въ лагерѣ коннаго полка.

15-го іюля, въ день празднованія св. Равноапостольнаго князя Владиміра, всѣ прибывшіе гости и казачата присутствовали при литургіи въ соборѣ. Въ концѣ литургіи преосвященный Макарій обратился къ станичнымъ атаманамъ и казачатамъ съ архипастырскимъ словомъ. Выразивъ, что и церковь радуется вмѣстѣ съ Забайкальскимъ войскомъ, такъ какъ оно заслужило своею службою благоволеніе Царя, преосвященный Макарій выразилъ увѣренность, что войско своимъ благочестіемъ, вѣрною службою будетъ достойно полученной Царской милости. Молодое и подростающее поколѣніе онъ призывалъ къ подражанію во всемъ добромъ и хорошемъ своимъ отцамъ. Его Преосвященство собственноручно надѣвалъ каждому подходящему къ благословенію образокъ и вручилъ по просфорѣ.

По окончаніи божественной службы, всѣ прибывшіе атаманы и малолѣтки собрались у войсковой часовни. Здѣсь былъ отслуженъ напутственный молебенъ и наказный атаманъ, поблагодаривъ всѣхъ прибывшихъ и поручивъ имъ передать поклонъ станичникамъ, простился съ атаманами; малолѣтки же были приглашены въ атаманскій домъ, гдѣ имъ были показаны портреты прежнихъ атамановъ, портретъ Императора Николая I, утвердившаго положеніе о Забайкальскомъ войскѣ, портретъ Августѣйшаго Атамана, пожалованный Забайкальскому войску въ 1881 году, и въ заключеніе каждому было дано по металлической гребенкѣ на память о посѣщеніи.

Такъ Забайкальское войско отпраздновало годовщину полученія Царской награды, освященіе войскового образа и войсковой часовни.

Не ошибаясь, можно сказать, что у всѣхъ присутствовавшихъ на праздникахъ осталось сознаніе, что Забайкальское войско есть казачье войско и что истинно казачій духъ въ немъ есть, ростетъ и развивается.

Теперь опишемъ образъ, пожалованный

Августѣйшимъ Атаманомъ, сооруженную часовню и св. иконы.

Образъ св. Александра Невскаго, высланный въ войсковую часовню Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Атаманомъ въ массивной серебряной вызолоченной ризѣ, заключается въ изящномъ кіотѣ, сдѣланномъ изъ орѣховаго дерева, съ дверцею съ зеркальнымъ стекломъ; на иконѣ правѣе лика святого изображено: «Св. Благовѣрный князь», а лѣвѣе «Александръ Невскій». Внизу иконы надпись: «Отъ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ Забайкальскому казачьему войску, 13-го іюля 1890 года». Размѣры этой иконы слѣдующіе: безъ кіоты въ серебряной ризѣ высота—почти аршинъ и ширина—почти 12 верш., высота же съ кіотою—аршинъ 2 верш. и ширина—аршинъ. При иконѣ св. Александра Невскаго прислана Его Высочествомъ серебряная вызолоченая лампада изящной работы, съ такими же серебряными золочеными цѣпочками для подвѣшиванія. Вѣситъ эта лампада съ цѣпочками $1^{3}/_{4}$ фунта. Фотографическій снимокъ съ образа разосланъ въ станицы. Казаки умно поступили, освятивъ его какъ образъ, и въ кіотѣ помѣстили въ станичномъ правленіи.

Въ планѣ часовня представляетъ собою квадратъ, въ сторонѣ двѣ сажени, по угламъ этого квадрата расположены квадратные же кирпичные столбы, промежутки между столбами забраны деревянными стѣнками, въ трехъ стѣнкахъ устроены двери; четвертая же, обращенная къ зданію войскового правленія, глухая. Крыша часовни — пирамидальная, четырехгранная съ срѣзанными углами, такъ что пирамида восьмигранная и крытая желѣзомъ; сверхъ крыши восьмигранная шейка и на ней восьмигранный же золоченый куполокъ (луковицею), вѣнчающійся крестомъ.

На одномъ уровнѣ съ поломъ часовни, приподнятомъ отъ поверхности земли на $1^{1}/_{2}$ аршина, устроена вокругъ нея площадка, огороженная деревянною баллюстрадою. Для входа на площадку устроены противъ дверей часовни три крыльца.

Угловые столбы выложены изъ кирпича и снаружи оштукатурены. Деревянныя стѣнки сдѣланы въ видѣ обшивныхъ съ двухъ сторонъ переборокъ. Внутреннія стѣны часовни вѣнчаются рѣзнымъ карнизомъ. Потолокъ часовни украшенъ рѣзною розеткою. Трое дверей часовни снаружи украшены наличниками, состоящими изъ двухъ точеныхъ полуколоннъ, на верху перекрытыхъ рѣзнымъ карнизомъ; внутри же часовни двери эти обшиты простыми наличниками. Подъ карнизомъ, снаружи, изображены славянскимъ шрифтомъ тексты изъ перваго соборнаго посланія святого апостола Петра, а именно на сторонѣ, обращенной на сѣверо-западъ: «Повинитеся убо всякому человѣку созданію Господа ради, аще Царю, яко преобладающу». На юго-западѣ: «Аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ», и на восточной: «Яко раби Божіи—всѣхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бойтеся и Царя чтите». На крышѣ съ четырехъ сторонъ устроены слуховыя окна, украшенныя полуколонками и рѣзными фронтончиками; въ эти окна помѣщены изображенія четырехъ Евангелистовъ. Крестъ, вѣнчающій часовню, состоитъ изъ желѣзной золоченой рамы, въ которую вставлены съ двухъ сторонъ зеркальныя стекла. Высота часовни и размѣръ ея отъ поверхности земли до пола—$1^{1}/_{2}$ арш., вну-

три отъ пола до потолка—7 арш., общая высота отъ земли до оконечности креста—$18^1/_2$ арш.

Работы производились частію казаками коннаго полка и пѣшаго баталіона, частію же частными мастерами.

Внутри часовни на стѣнѣ, обращенной къ зданію войскового хозяйственнаго правленія, размѣщены: образъ св. Александра Невскаго, подъ нимъ св. Іова (память 6 мая), съ правой его стороны св. Николая, епископа мирликійскаго (память 6-го декабря), съ лѣвой—св. мученика Андрея Стратилата (память 19-го августа); надъ этими тремя образами помѣщены два образа: съ правой стороны св. Алексѣя, Божія человѣка (память 17-го марта) и св. препод. мученика Терентія (память 21-го іюня), а съ лѣвой—св. Михаила, епископа синадскаго (память 23-го мая) и соборъ Архангела Гавріила (память 13-го іюля). Надъ этими помѣщены два образа: Спасителя и Божіей Матери. Между этими образами, а также по сторонамъ, помѣщены образа, присланные станицами.

Пять образовъ были заказаны въ Москвѣ у фабриканта Овчинникова, писаны на мѣдныхъ доскахъ живописью: образа святыхъ Алексѣя и Терентія писаны на одной доскѣ, равно какъ на одной же доскѣ писаны св. Михаилъ и соборъ Архангела Гавріила.

Всѣ пять образовъ помѣщены въ кіоты орѣховаго дерева со стеклянными дверцами. Образа Спасителя и Божіей Матери были заказаны еще въ 1864 году для походной церкви и хранились въ одной изъ церквей г. Читы. Писаны они на полотнѣ и помѣщены въ узкія деревянныя рамы. Образъ св. Николая, епископа мирликійскаго, небеснаго покровителя нашего Августѣйшаго Атамана, принесенъ въ даръ войсковымъ наказнымъ атаманомъ генералъ-адъютантомъ барономъ Корфомъ; образъ св. Андрея Стратилата, небеснаго покровителя войскового наказнаго атамана Андрея Николаевича Корфа, принесенъ въ даръ наказнымъ атаманомъ генералъ-маіоромъ Хорошхинымъ; образъ св. Іова (день рожденія Августѣйшаго Атамана) сооруженъ въ память посѣщенія войска Его Высочествомъ въ 1891 году. Остальные четыре образа сооружены на пожертвованныя для часовни деньги.

Въ часовнѣ имѣются два подсвѣчника, паникадило, аналой, а на углахъ площадки поставлено четыре фонаря; все это изготовлено изъ разныхъ частей оружія.

На наружной стѣнѣ часовни, обращенной къ зданію войскового хозяйственнаго правленія, помѣщена желѣзная позолоченая доска, на которой помѣщены: вверху слѣдующій приказъ по Приамурскимъ казачьимъ войскамъ отъ 13-го іюля 1889 г. № 2: «На телеграмму, которою я доносилъ о результатахъ объѣзда моего по станицамъ Забайкальскаго казачьяго войска, мною получена сего числа отъ исправляющаго должность военнаго министра депеша слѣдующаго содержанія:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ особымъ удовольствіемъ изволилъ прочитать телеграмму вашу объ отличномъ состояніи, въ коемъ вы нашли Забайкальское войско, и поручилъ вашему превосходительству объявить казакамъ ЦАРСКОЕ спасибо. Генералъ-адъютантъ Обручевъ».

Я счастливъ объявить забайкальскимъ казакамъ эту МОНАРШУЮ милость.

Предписываю настоящій приказъ прочесть во всѣхъ сотняхъ при собраніи нижнихъ чиновъ, а въ станицахъ и поселкахъ на первыхъ станичныхъ и поселковыхъ

сходахъ. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ».

Далѣе слѣдуетъ надпись:

«Для сохранія въ памяти этой МОНАРШЕЙ милости воздвигнута настоящая войсковая часовня во имя св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, съ благословенія преосвященнаго Макарія, епископа селенгинскаго».

Далѣе перечислены начальствующія лица, бывшія въ іюлѣ 1889 г., именно: наказный атаманъ, генералъ-маіоръ Хорошхинъ.

Начальникъ штаба войскъ Забайкальской области, полковникъ Какуринъ.

Предсѣдатель войсковаго хозяйственнаго правленія, полковникъ Евдокимовъ.

Атаманы отдѣловъ: 1-го полковникъ Власовъ, 2-го полковникъ Евфановъ, 3-го генералъ-маіоръ Мерказинъ.

Командиръ коннаго полка, полковникъ Шайтановъ, командующій пѣшимъ баталіономъ войсковой старшина Волковинскій, командиръ 2-го пѣшаго баталіона полковникъ Сухомлиновъ, командиръ 1-й батареи полковникъ Макаровъ, командиръ 2-й батареи войсковой старшина Петровъ.

Въ концѣ написано: «Часовня заложена 17-го марта 1890 г., въ день войсковаго праздника, освящена 13-го іюля 1890 г., преосвященнымъ Макаріемъ».

Затѣмъ упомянуто, что постройкою руководилъ помощникъ областнаго архитектора Долинъ.

Около часовни, вдоль Амурской улицы, устраивается небольшой садикъ, огороженный деревяннымъ рѣшетчатымъ заборомъ. Часовня сооружена на добровольныя пожертвованія.

2. Знамена: а) Пожалованныя пѣшимъ баталіонамъ и коннымъ полкамъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Полотно знамени пѣшаго баталіона квадратное, стороны квадрата нѣсколько больше двухъ аршинъ. Полотно состоитъ изъ шелковой матеріи, сложенной вдвое, и изъ девяти кусковъ, сшитыхъ между собою; одинъ кусокъ въ видѣ круга, поперечникомъ въ 13 вершковъ желтаго цвѣта, помѣщенъ въ срединѣ полотна, вокругъ его рисованный лавровый вѣнокъ, въ срединѣ вѣнка государственный гербъ, затѣмъ четыре куска бѣлаго цвѣта составляютъ вмѣстѣ съ желтымъ кускомъ крестъ, причемъ концы креста составляютъ средину каждаго бока полотна; четыре другихъ куска зеленаго цвѣта заполняютъ промежутки между частями креста, составляя съ среднимъ желтымъ кускомъ также крестъ, концы котораго упираются въ углы полотна знамени.

Полотно знамени коннаго полка состоитъ также изъ шелковой матеріи, сложенной вдвое, по два аршина въ квадратѣ, и изъ 9 кусковъ, сшитыхъ между собою; одинъ кусокъ въ видѣ круга поперечникомъ въ 13 вершковъ желтаго цвѣта помѣщенъ въ срединѣ полотна, 4 куска синяго цвѣта составляютъ остальную часть полотна знамени, въ углахъ котораго вшиты 4 круглыхъ куска въ поперечникѣ около 6 вершковъ краснаго цвѣта. На полотнѣ нарисованы: вокругъ желтаго куска лавровый вѣнокъ, внутри его съ одной стороны знамени Государственный гербъ, а съ другой красный крестъ; вокругъ красныхъ кусковъ лавровые вѣнки, а внутри буква *Н*.

Описанныхъ знаменъ 12 баталіонныхъ и 4 полковыхъ; изъ нихъ по одному выданы 1 и 2-му пѣшимъ баталіонамъ и одно 1 конному полку Забайкальскаго казачьяго войска, для 4-хъ баталіоновъ знамена хранятся въ Нерчинскѣ, въ церкви; одно полковое въ Акшѣ, въ управленіи отдѣла; одно полковое въ Троицкосавскѣ, въ церкви; остальныя 6 баталіонныхъ и 1 полковое хранятся въ квартирѣ наказнаго атамана въ гор. Читѣ.

Означенныя знамена пожалованы при особой Высочайшей грамотѣ, которая хранится въ войсковомъ хозяйственномъ правленіи, а копія ея, за подписомъ бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири и командующаго войсками въ оной расположенной, генералъ—лейтенанта Муравьева, выданы въ части.

Высочайшая грамота.

Божіею милостію МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Забайкальскому казачьему войску.

На основаніи 4 и 5 §§, дарованныхъ Нами 17 марта и 21 іюня 1851 года положеній Забайкальскому казачьему войску, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалуя знамена четыремъ русскимъ коннымъ полкамъ: № 1, 2, 3 и 4, и двѣнадцати пѣшимъ баталіонамъ: № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 того войска, повелѣваемъ, по прочтеніи сей НАШЕЙ грамоты полкамъ и баталіонамъ, и по освященіи знаменъ, употребить оныя на службу НАМЪ и ОТЕЧЕСТВУ съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію россійскому воинству свойственными.

Пребываемъ ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостію благосклонны.

На подлинной собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано «НИКОЛАЙ I-й.»

С.-Петербургъ,
6 декабря 1852 года.

б) Пожалованныя ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою 14 августа 1800 года Забайкальскому иррегулярному бурятскому войску.

Каждое знамя размѣрами около 2 аршинъ въ квадратѣ. Полотно знамени состоитъ изъ 17 кусковъ шелковой матеріи; въ срединѣ кусокъ бѣлаго цвѣта, подобный желтому въ полковыхъ знаменахъ, затѣмъ 12 кусковъ красной матеріи сшиты въ видѣ креста, въ срединѣ котораго кусокъ бѣлой матеріи; концы креста въ углахъ полотна знамени (какъ куски зеленаго цвѣта въ баталіонныхъ знаменахъ), четыре бѣлыхъ куска расположены въ видѣ креста, какъ бѣлые куски въ баталіонныхъ знаменахъ. На бѣломъ среднемъ кускѣ на одной сторонѣ изображенъ двуглавый орелъ, надъ нимъ на лентѣ надпись: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему», а съ другой стороны тоже двуглавый орелъ, надъ нимъ на лентѣ надпись: «Симъ знаменемъ побѣдиши». Вокругъ орловъ вѣнокъ. На углахъ, на красныхъ кускахъ, на обѣихъ сторонахъ полотна, нашиты куски красной же шелковой матеріи; овальной формы, вокругъ нарисованъ золотомъ вѣнокъ, а въ срединѣ надпись «Благодать».

Грамоты на эти знамена утеряны; такихъ знаменъ 7; всѣ они хранятся въ квартирѣ наказнаго атамана въ Читѣ.

3. Портреты Августѣйшаго Атамана.

Портретовъ, пожалованныхъ войску нынѣшнимъ Августѣйшимъ Атаманомъ, два; оба фотографическихъ.

Одинъ портретъ пожалованъ въ 1881 г.; и рамка изъ бархата, надпись металлическими буквами сверху: «Забайкальскому казачьему войску»; снизу: «Отъ атамана, 2 марта 1881 года».

Наслѣдникъ Цесаревичъ снятъ въ парадной формѣ атаманскаго своего имени полка. Другой портретъ пожалованъ войску въ 1892 году; онъ нѣсколько большихъ размѣровъ и безъ всякой надписи. Оба портрета хранятся въ квартирѣ наказнаго атамана въ гор. Читѣ.

XV.

Казачьи пѣсни.

1.

Пѣсня про Ермака.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралисъ казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ, Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима наступаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ[1] намъ идтить — переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ — все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идти — да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозный-то царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множество.
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебреная рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Перезимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синю морю, по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,[1]
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка не царскаго,
Какъ того-то посланничка персидскаго.

[1]) Такъ прежде назывался р. Уралъ.

2.

О немъ-же.

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собиралисъ казаки-други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые;
Накладайте бабаички сосновые,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемъ-те мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
И зато-то государь царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко бѣлу царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю бѣлому повинную:
Ой-ты гой еси надежда, православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ;

[1]) На царскихъ карабляхъ и судахъ были означены науглавые орлы.

Какъ и я-то воровской донской атаманушка;
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
А теперича, надежда православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство сибирское.
Рѣчь возговоритъ, надежда православный царь;
Какъ и грозной-то царь Иванъ Васильевичъ:
Ой ты гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

3.

Убійство посланника.

Внизъ-то было по матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ,
Супротивъ-то было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка,
Что во той ли лодочкѣ сидитъ младъ посланникъ [царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ, сударь Константиновичъ,
Во лѣвой рукѣ держитъ государевъ указъ.
Что по крутому красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что ходили тутъ, гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все донскіе казаки,
Что донскіе, гребенскіе, запорожскіе,
Да и славные казаки, братцы, яицкіе,
Они думали крѣпку думушку за едино,
Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрышко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку.
Никого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

4.

Терская пѣсня.

Не сѣрые гуси во полѣ гогочутъ,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клокочутъ,—
То гребенскіе казаки предъ царемъ гуторятъ,
Передъ Грознымъ царемъ, Иваномъ Васильевичемъ.
Они самому царю—надежѣ говорятъ:
«Ой ты, батюшка, нашъ православный царь,
«Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
— Подарю я васъ, казачиньки, да пожалую
Рѣкой вольною, Терекомъ—Горыничемъ,
Отъ самаго гребня до синяго моря,
До синяго моря, до Каспицкаго.

5.

Походъ яицкихъ казаковъ (Шамая) въ Хиву.

Не ясные соколики слеталися,
Не хивинскіе визирушки съѣзжалися:
Сходилися, съѣзжалися добры молодцы
Казаки, братцы, яицкіе.
Заедино они думу крѣпку думали:
— «Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушку мы выберемъ «походнаго»,
Есаулушку мы выберемъ «залетнаго».
Атаманъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то говоритъ, братцы, какъ въ свирѣль свиститъ:
— «Еще долго-ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?
Не пора ли намъ, ребята, во походъ идти?
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Куванъ-рѣку пройдемъ во глуху полночь,
А въ Хиву придемъ, ребята, на бѣлой зарѣ.
Мы хивинскому визирю не поклонимся,
Со его младыми женами познакомимся.
Зимовать въ Хивѣ, ребята, не останемся,
А покоримся, поклонимся царю бѣлому,
Царю бѣлому, ребята, благовѣрному!..»

6.

Пораженіе казаковъ.

А за славнымъ было, батюшкой, за Байкаломъ-моремъ,
А и вверхъ было по маткѣ, Селенгѣ-рѣкѣ,
Изъ верхняго острогу Селенгинскаго,
Только высылка была удалымъ молодцамъ,
Была высылка добрымъ молодцамъ,
Удалымъ молодцамъ, селенгинскимъ казакамъ:
А вторая высылка посольскимъ стрѣльцамъ:
На поддачу имъ даны были табунщики-мужики,
Табунщики-мужики, люди ясашные.
Воевода походилъ у нихъ Ѳедоръ, молодой Дементьяновичъ.
Есауломъ походилъ у него братъ родной,
А по имени Прокофій Козеевъ молодецъ.—
Переправились казаки за Селенгу за рѣку,
Опущалися на улусы на мунгальскіе.
По грѣхамъ надъ улусами учинилося:
Они ѣздили за звѣрями облавами;
Они туто казаки усмѣхаются,
Разорили всѣ улусы мунгальскіе:
Они женъ, дѣтей мунгаловъ въ полонъ взяли,
И весь скарбъ и животъ отобрали у нихъ.
Они стали казаки переправлятися
На другую сторону за Селенгу за рѣку,
Опились кумысу—кобыльяго молока.
Изъ-за того было бѣлаго камня

Какъ бы черные вороны налетывали,
Набѣгали тутъ мунгалы изъ чиста поля—
Учинился тутъ бой, драка великая:
Они женъ, дѣтей мунгалокъ отбили назадъ,
И прибили казаковъ много до смерти,
Вдвое, втрое казаковъ ихъ переранили;
Табунщики-мужики на побѣгъ ушли,
Достальныхъ казаковъ своихъ выдали.
А прибудутъ казаки въ Селенгинскій острогъ,
По базарамъ казаки тамъ похаживаютъ,
И все хвастаютъ казаки: «Селенгински молодцы»
И своими широкими бердышами
Все похваливаются.

7.

Пораженіе китайцевъ.

Во Сибирской во украйнѣ,
Во Даурской сторонѣ,
Во Даурской сторонѣ—
И на славной на Амурѣ на рѣкѣ,
На устьѣ Комары рѣки
Казаки царя бѣлаго
Острогъ себѣ поставили,
Ясакъ царю собрали.
Изъ-за сабли острыя,
Изъ-за крови горячи казаки.
Кругъ острогу Комарскаго
Они глубокій ровъ вели,
Высокій валъ валили,
Рогатки ставили,
Челнокъ колотили,
Смолы приготовили.
По утру рано-ранешенько,
Ровно двадцать пять человѣкъ,
Выходили молодцы,
На Амуръ славну рѣку,
Неводочками шелковыми
Рыбу свѣжую ловить.
Какъ несчастьице случилося
Съ удалыми казаками тамъ:
Издалече, издалече,
Изъ чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Изъ хребта Хингалинскаго,
Изъ-за бѣлаго каменя,
Изъ-за ручья глубокаго,
Выкатилося знамечко—
Большое Богдойское;
И знамя за знаменемъ идетъ;
А роты за ротами валятъ;
То идетъ богдойскій князекъ,
Онъ съ силою поганою—
Къ острогу Комарскому.
Какъ вешняя вода
По лугамъ разливалася,
Облелѣяла сила поганая
Вокругъ острога Комарскаго.
Отрѣзали у казаковъ
Ретиво сердце со печенью:
Полонили молодцовъ,
Двадцать пять человѣкъ,
Съ шелковыми неводочками
И съ рыбою свѣжею.—
И какъ ѣздилъ богдойскій князь
На своемъ добромъ конѣ,
И леталъ какъ черный воронъ
Кругъ Комарскому острогу.
И кричалъ богдойскій князецъ
Всѣмъ, сидящимъ въ острогѣ:
«А вы сдайтесь-ка, казаки,
Изъ Комарскаго острогу!
Буду я васъ жаловать
И златомъ и серебромъ,
Да женами прелестными
И красными дѣвицами».
Не сдалися казаки
Въ острогѣ сидючи;
Какъ кричали казаки
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Отъѣзжай-ка, богдойскій князецъ,
Отъ нашаго сидѣньица,
Острога Комарскаго».
А богдойскій князецъ
Со своею поганою силою
Плотный приступъ дѣлалъ.
Казаки тутъ справились,—
За ружья хватались.
И было въ острогѣ
Три мѣдныя пушки:
Три пушечки гунули,
И ружья вдругъ грянули....
И замолчали силушки,
Три силы богдойскія,
Три силы поганыя.
Побѣжалъ богдойскій князецъ
Со своими силами
Прочь отъ острогу,
А самъ заклинается:
«А не дай-же, Боже,
На предки бывать
На славной и быстрой
Амурѣ-рѣкѣ.
Тамъ крѣпость поставлена
Со стѣнами и рвомъ,
А въ крѣпости сдѣланъ
Дворъ гостинно-каменный
И лавки большія
Съ товарами въ нихъ.

8.

Бой уральцевъ подъ Иканомъ.

(1864 года).

Въ степи широкой, подъ Иканомъ,
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И двое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы залегли... Свистѣли пули
И ядра рвали все въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули —
Стояли мы... Мы — казаки...
И смерть носилась, мы рѣдѣли;
Геройски все стоялъ казакъ;
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли
(А этого желалъ нашъ врагъ).
Держались мы два дня, двѣ ночи,
Двѣ ночи, долгія, какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи.
Затѣмъ мы ринулись впередъ...
Вокругъ валились наши братья,
Коканецъ кожу съ нихъ сдиралъ
И басурманское проклятье
Во слѣдъ намъ съ пулей посылалъ...
Свинцомъ пробитые, лежали
Герои наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстьми въ лицо своимъ врагамъ;
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
Но мы не дрогнули... и смѣло
Всѣ ждали смерть, — какъ казаки.
И снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу ее вязалъ,
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежачимъ воевалъ...
Но вотъ, въ степной дали сверкнули
Родные, русскіе штыки
И всѣ отраднѣе вздохнули,
Перекрестились казаки...
Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
И всѣ они у супостата,
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И, слѣдомъ этимъ отступая,
Врагъ трупы мерзлые терзалъ...
Но, наши головы сбирая,
Своихъ онъ больше насбиралъ...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли, и въ ней,
Для мира, вѣчнаго покоя,
Зарыли всѣхъ богатырей...
И маръ насыпали надъ ними —
Пусть вѣки-вѣчныя стоитъ,
И громко съ вѣтрами степными,
О нашей славѣ говоритъ.
Пусть говоритъ, какъ подъ Иканомъ,
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой.

9.

Запорожская пѣсня.

Ой, на гори, гори
Да жнецы жнуть,
А по пидъ горою, по пидъ зеленою
Казаки идуть.
А по переду Дороненко
Вэдэ свое війско,
Вэдэ запорожско —
Хорошенько!
А по середу панъ хорунжій;
Подъ нымъ коныченько,
Подъ нымъ вороненькій —
Сильно дужый!
А по заду Сагайдачный,
Що промѣнявъ жинку,
За тютюнъ да люльку
Необачный!
Гей, вернися, Сагайдачный,
Возми свою жинку,
Отдай мэнэ люльку
Необачный!
Мэнэ съ жинкой не возитця,
А тютюнъ да люлька
Казаку въ дорози
Знадобытця.
Ой, кто въ лиси, витзовися!
Да выкрышимъ огню,
Да запалимъ люльки —
Не журися!

10.

Допросъ.

(Уральская пѣсня).

На зарѣ было, братцы, на зоренькѣ,
Зарѣ было утренней;
На восходѣ-то, у казаченьковъ,
Было солнца краснаго:
Среди торгу, да базарушки,
Середь красной площади;
Собиралися тутъ казаченьки,
Они во единый кругъ.
Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ у казаченьковъ,
Сидитъ самъ Волконскій князь,

Передъ нимъ стоитъ разудаленькій,
Стоитъ самъ Павловъ казакъ.
Онъ стоитъ, разудаленькій,
Стоитъ, самъ не тряхнется,
А русы его кудерюшки,
Кудри не шелохнутся.
Его бить не бьютъ, разудалаго,
Его крѣпко спрашиваютъ,
Изъ ума его, разудалаго,
Его все вывѣдываютъ:
«Ты скажи, скажи, разудаленькій,
Скажи правду, истину:
Не король ли ты, иль королевичъ,
Иль ты королевскій сынъ?
Изъ иной ли ты, изъ землюшки,
Изъ земли грозенъ посолъ?»
— «Не тебѣ меня, разудалаго,
Тебѣ меня спрашивать,
Да не мнѣ тебѣ, разудалому,
Не мнѣ тебѣ было сказывать,
А спросилъ бы меня, разудалаго,
Спросилъ православный царь,
Я сказалъ бы ему, царю бѣлому,
Сказалъ бы правду, истину».

11.

Желаніе умирающаго казака.

Поѣхалъ казакъ далеко на чужбину,
На борзомъ конѣ, ворономъ;
Родныя онъ степи на долго покинулъ,
Покинулъ отцовскій онъ домъ.
Напрасно казачка его молодая
Напрасно на сѣверъ глядитъ:
Все ждетъ, поджидая съ полночнаго края,
Когда къ ней казакъ прилетитъ!
Ахъ, тамъ за горами, гдѣ вьюги-метели,
Гдѣ страшны морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,
Тамъ кости казака лежатъ.
Казакъ и просилъ и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ;
И пусть на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольныя пташки, сидя на калинѣ,
Порой прощебечутъ онѣ
Мнѣ, бѣдному, вѣсти въ холодной могилѣ
О милой, родной сторонѣ.

12.

Смерть казака.

Какъ за рѣчушкою,
За Кубанушкою,
Тамъ ходилъ-то, гулялъ
Добрый молодецъ,
Добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ!
Онъ ходилъ-то, гулялъ,
Все коня спасалъ,
Самъ огонь-то кресалъ[1])
Шашкой вострою,
Разводилъ, раздувалъ
Полынь травушку,
Онъ и грѣлъ, согрѣвалъ
Ключевую воду,
Обливалъ, обмывалъ
Раны смертныя:
«Ужъ вы, раны мои,
Раны кровью изошли,
Тяжелымъ тяжело
Къ ретиву сердцу пришли!»
Умиралъ, помиралъ
Добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ,
Малолѣточекъ,
На чужой сторонѣ,
Середи степи,
Во темной ночи
Отъ тяжелыхъ ранъ,
Отъ черкесскихъ пуль —
Все за батюшку,
Царя бѣлаго!

13.

Смерть казака.

Какъ за рѣчкою, за Кубанкою,
Тамъ казакъ гулялъ, добрый молодецъ;
Своего коня спасалъ,
Ковыль-травку рвалъ,
На огонь ее клалъ —
Клалъ, раскладывалъ;
Свои раны перевязывалъ.
— «Ужъ вы, раны, мои раны,
Вы тяжелыя,
На поджпвъ раны пошли;
Одна ранушка тяжелая,
На поджпвъ рана нейдетъ,
Тяжелымъ-тяжела,
Ко сердечку подошла!»
Возговорилъ тутъ добрый молодецъ
Коню своему, коню быстрому:
— «Ужо ты, конь ли мой, конь,
Конь, товарищъ мой!
Я съ тобою здѣсь одинъ распрощаюся;
Побѣгай-ка, мой конь,
Въ землю русскую,
Не давайся ты, конь, непріятелю,
Только дайся ты, конь,
Брату родному;
Ты скажи-ка, скажи отцу съ матерью,

[1]) Высѣкалъ.

Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой же женѣ челобитьице,
И скажи-ка ей волю полную:
Хочетъ, замужъ идетъ,
Хочетъ, во вдовахъ живетъ».

14.

Вѣсть на родину.

(Донская пѣсня).

Ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, ты широкое!
Ничего ты, поле, не породило,
Породило поле кустъ ракитовой.
Какъ подъ тѣмъ кустомъ, подъ ракитовымъ,
Тамъ лежитъ-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ малолѣточекъ.
Онъ ни въ смерть то убитъ, больно раненой,
Во широкую грудь сквозь прострѣленный.
Передъ нимъ-то стоитъ его вѣрный конь,
Онъ бьетъ копытомъ въ сыру землю,
Онъ будитъ своего хозяина:
Ты встань, пробудись, добрый молодецъ,
Ты хозяинъ мой, младъ донской казакъ!
Ты садись на меня, слугу вѣрнаго;
Понесу я тебя да на тихій Донъ.
Какъ коню-то младецъ рѣчь возговорилъ:
Ужъ ты, конь, ты мой конь, товарищъ вѣрный мой!
Не поднять ужъ тебѣ добра молодца!
Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ
И бѣжи ты, мой конь, да на тихій Донъ,
На зеленой долъ, на широкой дворъ.
Ко отцу, матери, роду, племени
Ты письмо отдай:
Молодой женѣ ты рѣчью скажи,
Что женился я на другой женѣ, гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая турецкая,
Обвѣнчала меня пуля свинцовая,
Положило спать ядро чугунное.

15.

Поминки по казакѣ.

(Донская пѣсня).

Не туманъ-то съ моря подымается,
Не бѣлы-то снѣга въ полѣ забѣлѣлися,
Подымалися утки сѣрыя,
Забѣлѣлися гуси-лебеди.
Отчего-то они подымалися?
Знать сизова орла полахалися.
Тамъ летитъ-то, летитъ младъ сизой орелъ,
А за нимъ-то гонитъ младъ ясенъ соколъ,
Онъ кричитъ-то, кричитъ молодому орлу:
«Ты постой, подожди, младъ сизой орелъ,
Я не бить-то лечу, я спросить хочу.
Ты гдѣ, орелъ, былъ, пробувалъ»?
«Я былъ, пробувалъ въ иной землѣ, во Туречинѣ,
Я видалъ тамъ диковинку не малую, не великую:
Въ чистомъ полѣ да подъ кустикомъ,
Тамъ лежитъ-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ весь изрубленный.
Какъ никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не приверпется.
Привернулися къ нему три ластушки,
Три ластушки, три касатушки:
Какъ первая ластушка родная матушка,
А другая ластушка, сестра родная,
Какъ и третья ластушка, молодая жена.
Гдѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,
Гдѣ сестра плачетъ, тамъ колóдези,
А гдѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.
Вотъ какъ мать плачетъ во вѣкъ до вѣку,
А сестра плачетъ отъ годъ до году,
А жена плачетъ день до вечера».

16.

Строевая служба казаковъ.

(Донская пѣсня).

Ой намъ весело жить,
Теперь не по чемъ тужить
Намъ, казакамъ молодымъ,
Здѣсь армейцамъ полевымъ!
Только та наша бѣда—
Лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
Поутру рано вставать,
Намъ головушки чесать,
Чубы на бокъ заводить,
На ученье выходить!
Намъ ученье—ничего,
Между прочимъ—тяжело:
Стой прямо, смотри браво,
Шапкой дѣлай хорошо,
Приступай ты ногой правой,
Поворачивайся:
Не довернисся—бьютъ,
Перевернисся—бьютъ!
Наряжаемся обрядно,
Щеголяемъ, какъ хотимъ!
Намъ сударушки знакомы,
Всегда въ гости зовутъ,
Ой, зовутъ, зовутъ, зовутъ,
Всегда жалуютъ!
Мы осеннiю ночь
Прогуляли всею ночь;
Какъ приходимъ поутру—
Держутъ палокъ по пуку!
Не велятъ намъ оправдаться,
Велятъ скоро раздѣваться.
Хоть спинушка избита—
Сударушка нажита!
Хоть взбили спину больно—
Любилъ дѣвочекъ довольно!
Пущщай спинушка гніетъ:
Сударушка прочь нейдетъ!

17.

Сборъ въ походъ.

(Пѣсня сибирскихъ казаковъ).

Утромъ рано, весной,
На редутъ крѣпостной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый. (2)
Брякнулъ шашки кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ
И раздулъ онъ фитиль догорѣлый. (2)
Онъ у пушки стоитъ,
Самъ на крѣпость глядитъ,
Сквозь прозрачныя волны тумана. (2)
Вотъ мелькнулъ бѣлый флагъ
У высокихъ палатъ
Удальца-молодца атамана. (2)
И съ веселымъ лицомъ,
Осѣнившись крестомъ,
Онъ надъ мѣдною пушкой склонился: (2)
Пламя брызгнуло струей,
Дымъ разлился волной
И по крѣпости гулъ прокатился. (2)
— «Чу! съ редута палятъ,
Знать сбираться велятъ!»
Казаки казакамъ закричали. (2)
Шашки въ мигъ на ремень,
Папахи на бекрень
И на площадь бѣгомъ побѣжали! (2)
— Что, ребята, палятъ,
Не въ виду-ль супостатъ?
Не въ походъ ли идти заставляютъ? (2)
Наши шашки остры,
Наши кони лихи,
Наши ружья въ мишень попадаютъ. (2)
Нашъ безрукій отецъ,—
Атаманъ молодецъ,—
Поведетъ насъ своей головою. (2).
Съ нимъ и въ зиму—весна,
Съ нимъ и смерть намъ красна,
Казаки говорятъ межъ собою. (2)
— «Тише, стройтесь въ ряды,
Онъ поѣхалъ сюды!»
Казакамъ такъ хорунжій вѣщаетъ; (2)
Ходитъ взадъ и впередъ,
Командирство ведетъ
И въ ряды казаковъ уставляетъ. (2)
Какъ сибирскій буранъ,
Прискакалъ атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе. (2)
Онъ на сивомъ конѣ,
Карабинъ на спинѣ,
Въ торокахъ пистолеты двойные; (2)
Киверъ съ бѣлымъ перомъ,
Грудь горитъ серебромъ,
Закаленная шашка булата. (2)
Онъ коня осадилъ,
Сивый усъ закрутилъ,
И сказалъ намъ: «здорово ребята!» (2)
Завтра солнца на восходъ
Собирайтесь въ походъ
У степныхъ дикарей жечь аулы. (2)
Какъ на эту орду,
Я васъ самъ поведу,
А за мною пойдутъ есаулы! (2)
Вдругъ «ура! атаманъ!»
Разнеслось по рядамъ
И казачія кровь заиграла: (2)
Громко шашки гремятъ,
Кивера вверхъ летятъ,
И вся площадь, какъ море, завыла. (2)
Вотъ къ обѣднѣ звонятъ...
Казаки—мигомъ въ рядъ
И пошли въ Божью церковь молиться. (2)
Вотъ поклономъ земнымъ
Поклонился святымъ
И къ честному кресту приложился. (2)
На другой день, съ зарей,
Грянулъ гулъ вѣстовой,—
Казаки лошадей выводили. (2)
Гулъ второй разнесся,—
Казаки—на сѣдло,
А за третьимъ—на площадь спѣшили. (2)
Шумно строятся въ рядъ,
Громко шашки гремятъ,
Развѣвалось казачее знамя. (2)
Кони борзые бьютъ,
Пыль копытами вьютъ,
И въ очахъ ихъ свирѣпое пламя. (2)
Вотъ раздался сигналъ:
Пономарь застучалъ,
И церковны врата отворились. (2)
— «Кивера всѣ долой!»
Закричалъ удалой
Есаулъ. Кивера опустили. (2)
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И «всемірную славу» запѣли. (2)
— «Призовемъ Бога силъ!»—
Іерей возгласилъ —
«И святую хоругвь въ ополченье». (2)
Онъ по ряду ходилъ,
Ополченье кропилъ
Онъ священной водой изъ купели. (2)
Какъ окончивъ обрядъ,
Возвратился назадъ,
И слезами глаза омочились. (2)
Тихо старцы пошли,
Образа унесли
И церковны врата затворились. (2)
Всѣ — какъ пламя огня;
Атаманъ — на коня
И тяжелыми брякнулъ ножнами. (2)
Вдругъ блеснулъ, какъ стекло,

Длинный мечъ наголо;
И пошелъ молодцомъ предъ рядами. (2)
Обскакавъ казаковъ,
«Съ Богомъ, дѣти!» сказалъ.
Казаки на сѣдло поднялися... (2)
Засверкали мечи,
И орлами усачи
Какъ на пиръ—на войну понеслися. (2)

18.

Наказаніе.

Настала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ жившп съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Былъ долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: «Будь вѣрна!»
— «Вѣрна до могилы!» сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечемъ.
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди:
Свидѣтели—раны и всѣ на груди...
Окончивши битву, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.
Уже достигаетъ Урала бреговъ,
И видитъ на встрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
— «Повѣдай, родитель, повѣдай ты мнѣ:
О матери родной, о милой женѣ?»
Старикъ отвѣчалъ: «здорова семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
За то отъ печали изсохла она!
Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости и ты, сынъ мой, мы просимъ о ней».
Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ:
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ:
Упала на грудь его матерь въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ земнымъ...
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой...
Глава покатилась жены молодой;
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь снесетъ.
Свое преступленье онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни... и казнь получилъ...

19.

Сонъ атамана.

Какъ со вечеру нашъ атаманушка поздно спать [ложился,
Да какъ по утречку рано пробуждался,
Да съ травушки, съ мелкой муравки росой умывался,
Да тонкимъ питымъ полотенчикомъ утирался.
Да Московскому чудотворцу онъ молился,
Да на всѣ-то четыре сторонушки поклонился,
Да вы здоровы ль, мои молодцы казачки, спали-ночевали,
Да я-то одинъ добрый молодецъ спалъ-то нездорово
Да приснился мнѣ, добру молодцу, сонъ не хорошій:
Будто-бы я добрый молодецъ ходилъ по край сиия моря,
Да лѣвой ноженькой въ море оступился,
Да правой рученькой за кустъ схватился,
За тотъ кустъ за рябину.

20.

Казаки промышляютъ.

Хороша наша станица, только улица грязна,
Хороши наши ребята, только славушка худа.
Это правда, это правда, это правда все была!
Только славушка худа, не пускаютъ никуда:
Величаютъ насъ ворами да разбойниками.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы не воры, мы не плуты, ни разбойники,
Мы удалые казаки-рыболовщички.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ мы рыбушку ловили по сухимъ берегамъ,
По сухимъ берегамъ,—по амбарамъ, по клѣтямъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ казакамъ.
Выбиралъ насъ хозяинъ, что ни лучшихъ молодцовъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Посылалъ насъ хозяинъ по базару все гулять.
По базару мы гуляли, невода мы закупали.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такіе невода, что ременны повода.
Запускали невода подъ богатые дома.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы тамъ щукъ, изъ которыхъ шубы шьютъ,
Наловили мы бѣлужекъ — калачикомъ рожки.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы севрюжекъ — подвязаны хвосты.
У дѣдушки у Петра мы поймали осетра,
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такого осетра, что гнѣдого жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.
Насъ начальство все судило, да судило хорошо!
Это правда, это правда, это правда все была!
Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно, только денежкамъ не водъ.
Мы въ парашнички наймемся—намъ пойдетъ большой доходъ.
Это правда, это правда, это правда все была!

Какъ пойдетъ доходъ калашный — только брюхо распускай.
Отойдетъ доходъ калашный—только спину подставляй.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ завалятъ разъ пятнадцать, такъ запляшешь казачка.
Заревешь, словно теленокъ, пуще спасскаго дьячка.
Это правда, это правда, это правда все была!
Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетьми,
Съ молодецкою ухваткой пожимается плечьми.
Это правда, это правда, это правда все была!
Хоша били насъ всѣхъ больно, да гуляли мы довольно.
Хоша спинушка бита, дѣвченычка нажита.
Это правда, это правда, это правда все была!

21.

Пѣсня о рѣкѣ Донѣ.

Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ:
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ, бывало, ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ,
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

22.

Яикушка Горыновичъ.

(Уральская пѣсня, поется унылымъ мелодичнымъ голосомъ).

Яикъ ты нашъ, Яикушка [1])
Яикъ, сынъ Горыновичъ! (2) [2])
Про тебя ли, про Яикушку,
Идетъ слава добрая, (2)
Про тебя-ль, про Горынычa,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)
Золочёно у Яикушки
Его было донышко, (2)
Серебряны у Яикушки
Его были краешки, (2)
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки. (2)
Мутнехонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь ты быстрехонько, (2)
Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки, (2)
Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередь себя часты островы. (2)

[1]) Яикомъ прежде называлась рѣка Уралъ.
[2]) Повторяется два раза.

Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вплоть до устьица, (2)
До славнаго ты дò моря,
До моря до Каспицкаго, (2)
Какъ до славнаго до города,
До города до Гурьева. (2)
За Гурьевомъ выпадаилъ ты
Во батюшку-сине-море, (2)
Какъ до славнаго до острова,
До острова Камынина. (2)
На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ [1]), (2)
Старики, братцы, старожилые
Они по девяносто лѣтъ. (2)
Съ покоренною золотой ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ. (2)

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Яикушки,
Костьми бѣлыми, казачьими, усѣяны,
Кровью алою, молодецкою, упитаны,
Горючьми слезами матерей и женъ поливаны.

Гдѣ кость лежитъ—
Тамъ шиханъ [2]) стоитъ;
Гдѣ кровь лилась—
Тамъ везель сплелась;
Гдѣ слеза пала—
Тамъ озерцо стало.

23.

Пашенка на Утвѣ. [3])

(Уральская пѣсня).

Какъ за рѣченькой было за быстрою,
За Утвою,
За славными было за Утвинскими
За горами:
Распахана была тамъ пашенка
Яровая;
Не плугомъ была пашня пахана,
Не сохою,
Взборонена была та пашенька
Не бороною,
Распахана эта пашенька не плугомъ
И не сохою:
Распахана была эта пашенка
Булатными копіями,
Взборонена она была коневьими
Копытáми.
Не рожью она была, братцы, засѣяна,
Не пшеницею:
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.

[1]) Всѣ острова, лежащіе на устьяхъ Урала, весьма незначительны, необитаемы, и только нѣкоторые изъ нихъ служатъ пристанищемъ для рыболововъ.
[2]) Холмъ.
[3]) Степная рѣчка, впадаетъ въ р. Уралъ.

Засѣялъ ее добрый молодецъ,
Самъ уѣхалъ;
Засѣявши ее, онъ, добрый молодецъ,
Самъ повѣдалъ:
— «Ты рости, моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку ты, моя пашенка,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ что
Съ неба дождичекъ!
Иль источитъ горьки слезы
Мать родная!»

24.

Донская пѣсня.

Чѣмъ-то наша славная землюшка распахана?
Не сохами-то славная землюшка наша распахана, не плугами,
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засѣяна славная землюшка казацкими головами.
Чѣмъ-то нашъ батюшка славный, тихій Донъ украшенъ?
Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами,
Чѣмъ-то нашъ батюшка славный, тихій Донъ цвѣтенъ?
Цвѣтенъ нашъ батюшка славный, тихій Донъ сиротами.
Чѣмъ-то во славномъ тихомъ Дону волна наполнена?
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, материнскими слезами.

25.

За Ураломъ, за рѣкой.

За Ураломъ, за рѣкой, казаки гуляютъ
И стрѣлою каленой за рѣку пущаютъ.
Гей, гей, живо, не робѣй! Пѣсни распѣваютъ.
Казаки не простаки—вольные ребята;
А на шапкахъ тумаки; всѣ живутъ богати!
Гей, гей, живо, не робѣй! всѣ живутъ богати!
Въ темномъ лѣсѣ до полночи, въ полѣ разъѣзжаютъ;
Все добычи стерегутъ, свищутъ—не зѣваютъ,
Гей, гей, живо, не робѣй! Свищутъ—не зѣваютъ,
Нашъ товарищъ—острый ножъ, сабля лиходѣйка;
Пропадемъ хотя за грошъ,—жизнь наша копѣйка!
Гей, гей, живо, не робѣй! Жизнь наша копѣйка!
Сладко выпьемъ, поѣдимъ, все горе забудемъ,
И ужъ больше по лѣсамъ мы ѣздить не будемъ!
Гей, гей, живо, не робѣй! Мы ѣздить не будемъ.

26.

Хоровая Оренбургская пѣсня.

Собирайтеся, ребятушки, вы усикъ на-голо! (Больше!) [1]).
Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые усы!
Собиралося насъ усовъ, полна хата молодцовъ! (Много!)
Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые усы!
На насъ красныя рубашечки, косые ворота! (Славно!)
Ай да усы, усы и проч.
На переду сидитъ усище, самъ атаманище! (Страшный!)
Ай да усы, усы и проч.
Онъ приказанья отдаетъ, всѣ-то выслушиваютъ! (Молча!)
Ай да усы, усы и проч.
Вы лѣсомъ, молодцы, идите, да не шумаркайтесь! (Тише!)
Ай да усы, усы и проч.
Скорѣй во дворикъ вы входите, да не засматривайтесь! (Живо!)
Ай да усы, усы и проч.
Слышь, хозяинъ, ты нашъ хозяинъ, поворачивайся! (Дома!)
Ай да усы, усы и проч.
Клади-ка денежки на столикъ, да расплачивайся! (Нужно!)
Ай да усы, усы и проч.
Самъ хозяинъ нашъ тутъ божился, ни копѣйки денегъ нѣтъ! (Ври!)
Ай да усы, усы и проч.
На печи сидѣлъ мальчишка, онъ вдругъ промолвился! (Неладно!)
Ай да усы, усы и проч.
У хозяина денегъ много, да всѣ припрятаны! (Ищи!)
Ай да усы, усы и проч.
Мы въ подпольице входили, много денегъ тамъ нашли! (Много!)
Ай да усы, усы и проч.
Ты хозяинъ ли нашъ, батька, подавай-ка намъ вина! (Выпьемъ!)
Ай да усы, усы и проч.
За виномъ хозяинъ самъ идетъ, намъ дубинушку несетъ! (Маршъ!)
Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые усы!

[1]) Отдѣльныя слова заключенныя въ скобки, произносятся хоромъ отрывисто.

57.

Шашка.

Не грусти, моя родная,
Въ черныхъ, траурныхъ ножнахъ:
Скоро, искрами сверкая,
Заиграешь ты въ рукахъ.
Тамъ, за темной синей далью,
Есть старинные враги;
Не скучай же ты печалью,
Жди, надѣйся и терпи!
И когда, мгновенно, грянетъ
Грохотъ пушки боевой,—

Православный царь востанетъ
Гнѣвомъ праведнымъ, грозой.
Послужи ему, родная,
И по вражьимъ головамъ
Ты скачи, крутясь, сверкая,
Въ честь прошедшимъ временамъ.
За царя, за Русь, за вѣру
Силой вѣрной послужи
И, по старому примѣру,
Дерзкихъ грозно накажи.
Серебромъ тогда и златомъ
Я украшу рукоять;
И, красуяся ты златомъ,
Будешь ярко такъ сверкать!
А теперь пока, родная,
Спи, покойся, отдыхай!
И, о будущемъ мечтая,
Славной брани ожидай!

28.

Казынька. [1])

Казынька-казачекъ,
Казакъ миленькій дружокъ...
Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила,
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки
Сафьяны сапожки...
Дѣлай!!! [1]) . . . .

29.

Полянка [2]).

Полянка, полянка,
Дѣвченка моя,
Да и гдѣ же ты, поляночка, погуливала?!..
Не видать, не слыхать,
Да ничуть про нее!
Взговорилась, взволновалась поляночка во селѣ.
Заразъ очутилась
У дѣвушки на дворѣ.
Всѣ дѣвушки глядятъ, всѣ молодушки смотрятъ;
Не дивуйтесь-ка, сестрицы,
На мое веселье:
Не одна я пришла, со милымъ дружкомъ;
Со миленькимъ дружочкомъ,
Все забавничкомъ.
Вы запойте-ка, сестрицы, вы запойте казачка,
Того казачка,
Все забавничка.
Казакъ, казачекъ, казакъ миленькій дружокъ,—
Ему скачутъ, ему пляшутъ
И его веселятъ.
Прощай, милая коханка, прощай, лапушка моя,
Ѣду въ дальніе края,
Покидаю я тебя;
Прощай, мой свѣтъ, мнѣ милѣе тебя нѣтъ!..
Раздушечка-казакъ,
Поживи у меня,
У меня въ терему, въ милу душеньку.
—«А потомъ тебя, казакъ,
Со двора я сгоню!»
—«Я и самъ сойду—три бѣды сведу:
Какъ первую бѣду—
Коней пару уведу;
А вторую бѣду—твою дочь увезу;
А третью бѣду—
Самое тѣ увезу!»

[1]) Подъ эту пѣсню, поющуюся всегда при игрѣ на бандурѣ, казачки отплясываютъ «казачка».

[2]) Искаженное слово «паненька».

30.

Похмѣлье.

(Донская пѣсня).

Какъ вечеръ млада
Во пиру была,
Во бесѣдушкѣ;
Я не медъ пила,
Я не пивушко,
Я пила млада
Сладкую водочку;
Я не чарочкой,
Не черпалочкой,
Я пила млада
Изъ полуведра;
Ко двору я шла,
Не шаталася,
Къ воротамъ пришла,
Пошатнулася,
За вереушку
Ухватилася:
«Верея моя,
Ты вереюшка,
Верея моя,
Ты дубовая!
Поддержи меня,
Бабу пьяную,
Бабу пьяную,
Все похмѣльную.

3 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

